

Гордон Корриган
Столетняя война

Страницы истории (АСТ) –

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Гордон КОРРИГАН

ВЕЛИКОЕ И СЛАВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Корриган Г. Столетняя война
М.: АСТ, 2015. – 351 с.

Аннотация

Война началась почти как нелепая шутка, почти как повод для масштабного рыцарского турнира, – а потом на этом «большом турнире» стали отдавать свои жизни рыцари двух процветающих государств – Англии и Франции.

Так в чем же причина кровавого вооруженного конфликта, более чем на сто лет определившего вектор развития всей Европы? В несовершенстве откровенно подтасованных французских законов о престолонаследии? В необходимости для усиливающейся Англии вытеснить Францию с места «всеевропейской королевы торговли и дипломатии»?

Известный военный историк Гордон Корриган предлагает в своей знаменитой и спорной книге собственный, абсолютно оригинальный взгляд на события, без которых не было бы ни Кресси, ни Пуатье, ни Азенкура, ни подвигов Жанны д'Арк...

Гордон Корриган

Столетняя война

Предисловие

В 1801 году Георг III, милостью божьей король Великобритании, Франции и Ирландии, отказался от притязаний на французский престол. В течение четырехсот шестидесяти лет, со времен короля Эдуарда III, все девятнадцать предшествовавших Георгу английских монархов кичились гербом, на котором английские львы (понимавшиеся также как леопарды¹) соседствовали с французскими королевскими лилиями, а позже с шотландским львом и ирландской арфой.

Отказ от притязаний на французский престол исходил из прагматичных соображений. Начиная с 1793 года Англия и Франция находились в состоянии войны. Англичане боролись с Французской Республикой, выступали за реставрацию Бурбонов, и в такой политической ситуации им было, разумеется, не с руки претендовать на властвование над Францией. В 1802 году, согласно Амьенскому мирному договору (прервавшему войну лишь на непродолжительный срок), Англия признала Французскую Республику, что сделало нереальным стремление английского короля взойти на французский трон. Тем самым закончились английские, а затем британские притязания на властвование над Францией по праву наследования.

Однако на этом соперничество двух стран не закончилось. Имперские амбиции двух великих держав, географически разделенных лишь узким морем и заинтересованных в обширной торговле с другими странами и господстве на торговых путях, приводили к неизбежному противоречию интересов. Но если в двадцать первом столетии это соперничество касается в основном интерпретации предписаний, разработанных Европейским союзом, и оружием является словесная перепалка, а не сабли и порох, все же остается совершенно очевидным тот факт, что со времени нормандского завоевания Англии англичане воевали с французами год из каждых пяти. Конечно, можно изменить эту статистику по своему усмотрению и учесть, что французы и англичане были союзниками в Крымской войне, позже воевали на одной стороне в Первую мировую войну, а также и то, что англичане поддерживали французов во Вторую мировую войну до установления во Франции режима Виши, а затем оказывали помощь «Свободной Франции» генерала де Голля, а также еще и то, что Франция принимала участие в операциях НАТО. Все же, несмотря на все это, английские ветераны до сих пор не могут забыть, как французы в 1940–1943 годах воевали с англичанами на Ближнем Востоке, Мадагаскаре и в Северной Африке. Сражение при Креси² отстоит не так далеко по времени от общей сельскохозяйственной политики современности, но отголоски многовековых неприятельских отношений между англичанами и французами проявляются и поныне: так, президент Франции генерал Шарль де Голль брал за правило во время передвижения по стране не приближаться к Азенкуру³ ближе тридцати километров.

Основной причиной Столетней войны стали притязания английских королей на французский престол. Но были и другие мотивы: суверенитет некоторых частей Франции, принадлежавших Англии по праву наследования, а также раздражавшие англичан периодические союзы шотландцев с французами и, наконец, коммерческие интересы

---

¹ Львы на английском гербе – *passant gardant* (изображены идущими с поднятой правой лапой) и иногда в английской геральдике и неизменно во французской геральдике воспринимаются как леопарды. – *Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.*

² В сражении при Креси 1346 г. англичане разбили французов. – *Примеч. пер.*

³ В 1415 г. англичане разгромили французскую рыцарскую конницу в битве при Азенкуре. – *Примеч. пер.*

английского государства во Фландрии. Столетняя война не являлась неухающей, непрерывной, да и само это название появилось гораздо позже.

Столетняя война состояла из нескольких военных кампаний, между которыми были периоды перемирий, продолжавшихся иногда много лет. Война началась в 1337 году, когда английский король Эдуард III предъявил свои притязания на французский престол, а конец этой войны пришелся на 1453 год, когда англичане ушли из Франции, оставив за собой лишь Кале. Ни один человек из числа восторженно провожавших на пристани Оруэлла первую английскую экспедицию, под предводительством Эдуарда III отправляющуюся во Францию, не дождался возвращения из этой страны последнего английского воинства, а люди, жившие во время окончания Столетней войны и знавшие о битве при Азенкуре, были уже немолоды.

Столетнюю войну можно расценить как последовательность событий, преобразовавших жителей Англии – по сути, наполовину французов, в подлинных англичан. В большинстве случаев причины и цели, сопутствовавшие Столетней войне, были более или менее постоянными, и, хотя основные сражения значительно изолированы по времени, их разумно и удобно считать единой войной.

Во времена Столетней войны было выгодно быть солдатом. Даже если солдаты в связи с очередным перемирием между англичанами и французами не требовались ни Эдуарду, ни Генриху V, ни другим военачальникам, таким как Бедфорд и Талбот, можно было принять участие в войне за бретонское наследство – в опытных солдатах нуждались оба противника. Если же кто хотел оказаться в теплых краях, то можно было присоединиться к войску Джона Гонта или Черного Принца, воевавших в Испании и неизменно нуждавшихся в пополнении своей армии. А вот мирным жителям, особенно в Северной Франции, приходилось несладко. Их возмущали обременительные налоги, принудительный призыв в армию, мародерство, постоянные грабежи, жестокое обращение, насилие над их дочерьми, реквизиция продовольствия и вина. Не успевали мирные жители поправить свои дела, как на них обрушивались очередные несчастья. В средневековых армиях свирепствовали болезни, и если солдаты заболели, к примеру, сыпным тифом или дизентерией, то и жители деревень, где они появлялись, заболели следом.

Столетняя война сыграла большую роль в политическом и военном развитии как Англии, так и Франции. Во Франции она усилила центральную власть, и в этом случае, несмотря на все обрушившиеся на эту страну несчастья и разрушения, она вышла из Столетней войны более благополучной, чем была до начала военных действий. В Англии Столетняя война усилила рост национального самосознания, что, правда, привело к нерасположению к иностранцам, и это чувство, к сожалению, до сих пор полностью не изжито. В военном отношении война коренным образом изменила методы ведения боевых действий, прежде всего английскими армиями, а затем в известной степени и французскими. В Англии, отрешившейся от войны как формы рыцарского сражения, сделали ставку на профессионализм солдат и использование их в пешем строю при поддержке появившейся артиллерии. За время Столетней войны разработали тактику ведения боя и пришли к организации командных структур, что вывело на первое место боеспособность солдат, а не бесстрашие рыцарей, кичившихся знатным происхождением.

Большинству наших современников Столетняя война известна только по битвам: при Креси, Пуатье, Азенкуре – да еще, возможно, по пьесе «Генрих V» Шекспира. Король Генрих на самом деле, вероятно, не говорил: «Что ж, снова ринемся, друзья в пролом, иль трупами своих всю брешь завалим»⁴, – но в разгар битвы, несомненно, командовал своей армией, а его кампания 1415 года может являться примером руководства войсками, который актуален и поныне.

Однако Столетняя война – это не только три битвы, да и в конце этой войны англичане ушли из Франции, оставив за собой лишь Кале. Уход англичан из Франции был обусловлен нехваткой денег на продолжение войны и политической нестабильностью в самой Англии;

---

⁴ Шекспир. Генрих V. Акт 3, сцена 1. Пер. Е. Бируковой.

к тому же сыграл свою роль и военный фактор: выиграв сражения, англичане, как правило, не спешили развить успех и закрепиться на завоеванной территории, и этот урок ныне тоже по-прежнему актуален.

В этой книге я попытался придерживаться тех знаний, которыми обладаю, и взглянуть на войну с позиций военного. Но каждому пласту истории присущ не только военный фактор, но также социальный и политический; все они связаны друг с другом, и невозможно понять те или иные события без уяснения того, чем люди жили в определенное время: их амбиций, уклада жизни, верований и даже жажды обогащения. В то время как некоторые средневековые короли задумывались о будущем, о перспективах своей страны, большинство их подданных жили текущим днем: фермер боялся, что разорится, ибо ящур мог привести к падежу скота, а любой человек (будь то сеньор или нищий) во времена «Черной смерти» трясся за свою жизнь – всего лишь укус блохи оказывался смертельным.

Историк обязан рассматривать определенный исторический пласт с различных сторон, но, на мой взгляд, не должен придерживаться нейтралитета. Полагаю, что мне удалось изложить перипетии Столетней войны со всей скрупулезностью, но я не могу скрыть своего убеждения, что притязания англичан на французские земли были законными, а даже если это не так, я горжусь достижениями короля Эдуарда III, Черного Принца и Генриха V. Несмотря на жестокость, проявленную англичанами во время войны, я бы скорее примкнул к войску Генриха V, Кэлвели, Ноллиса или Дагворта, чем к армии Бертрана Дюгеклена, лучшего французского полководца, или к войску Жанны д'Арк.

Литературы о Столетней войне предостаточно, но не все эти произведения достоверны: некоторые из них носят пропагандистский характер; при этом зачастую события, в них описанные, иллюстрируются суждением *post hoc ergo propter hoc*⁵. Теме Столетней войны также посвящены многочисленные картины и гобелены, но в них, как правило, превалирует полет фантазии автора, старавшегося приукрасить действительность. На этих произведениях изобразительного искусства не увидишь ни поля сражения, утоптанного конями, ни пота и крови атакующих друг друга солдат, ни агонии умирающих. Вместо этого – опрятно экипированные солдаты, блеск доспехов, холеные лошади, сияние солнца на голубом небе. Так быть не могло.

Говоря о произведениях, посвященных Столетней войне, авторами которых являются ее современники, стоит сказать, что, какими бы ни были эти произведения, их следует принимать во внимание, во-первых, по той причине, что авторы были свидетелями этой войны или общались с людьми, принимавшими в ней участие (поэтому хотя бы немного из написанного похоже на правду), и, во-вторых, потому, что, если даже эти произведения не точны с исторической точки зрения, они отражают суждения некоторых людей о своем времени.

Одним из наиболее известных авторов, писавших о Столетней войне (а именно о событиях, происходивших в четырнадцатом столетии), является французский хронист Жан Фруассар. Современник Чосера, он родился в Валансьене и занимал небольшую должность при дворе английских королей – сначала жены Эдуарда III, а затем жены Ричарда II. Фруассар родился в 1337 году, поэтому его заметки о сражении при Креси 1346 г. довольно поверхностны, зато о событиях, имевших место при его сознательной, взрослой жизни, он пишет с гораздо большим знанием дела. Фруассар был в курсе того, о чем повествовал в своих хрониках, поскольку либо сам находился в гуще события, либо разговаривал с очевидцами происшедшего. Он также сравнивал различные суждения и оценки и отдавал должное тем хронистам, с сочинениями которых ознакомился. Среди других хронистов, писавших о Столетней войне, выделяются Пастон, Ле Бель, Ланеркост, Ле Бейкер, Брут, Мо, Найтон, Уолсингем, Чендос и анонимный автор «Деяний Генриха V».

---

⁵ После этого, следовательно, вследствие этого (*лат.*) . – Логическая ошибка, заключающаяся в том, что временная последовательность событий принимается за причинную зависимость. – *Примеч. пер.*

Современный французский язык я знаю довольно сносно, и потому нормандский диалект, на котором одно время говорили при английском дворе, не вызывает у меня больших затруднений. В школе я изучал и латынь, но на уроках частенько тайком читал что-нибудь поинтереснее учебника «Кеннеди»⁶, который использовал для прикрытия своего истинного занятия. Ясно, что мои знания дипломатического и церковного языка Средних веков оказались довольно слабыми, когда мне для работы пришлось читать латинские тексты. Помогли словари. В них я даже нашел толкование латинских аббревиатур.

Коль скоро я заговорил о своем знании языков, уместно сказать, что в Англии во времена Столетней войны произошла языковая эволюция: нормандский диалект французского, на котором говорили аристократы, и древнеанглийский (переходивший в среднеанглийский), на котором говорили простые люди, постепенно уступал место английскому языку, общему для всех англичан. Король Эдуард III специально изучал английский, чтобы пополнить образование, и в 1362 году этот язык стал официальным при английском дворе, вытеснив нормандский диалект французского. Английские короли Ричард II и Генрих IV одинаково хорошо говорили и по-французски, и по-английски, а король Генрих V явно отдавал предпочтение английскому языку. Его примеру последовала английская знать, руководствуясь, вероятно, как чувством патриотизма, так и удобством общения.

Эволюция английского языка происходит постоянно. Неподготовленному читателю трудно понять среднеанглийский язык, на котором, к примеру, в 1250 году писал святой Годрик.

Sainte Marye Virgine
Moder Jesu Christes Nazarene
Onfo, schild, help thin Godric,
Onfang, bring heyilich wth thee in Godes Riche.

Первые две строки (обращение к Святой Деве Марии, матери Иисуса Христа Назорея) еще можно понять, а вот две другие поставят неподготовленного читателя в тупик. В третьей строке «onfo» значит «receiue» («прими»), «schild» – это «defend» (современное слово «shield», что означает «защита»), «thin» – это «you» (thine) – («твой»). Таким образом, третья строка на современном языке пишется так: «Receive, defend and help your Godric» (Прими, защити и помоги своему Годрику). В четвертой строке «onfang» – причастие прошедшего времени глагола «onfo» и значит «having received» (приняв), «heyilich» значит «on high» («высоко»), «Riche» – это «царство» (как в немецком языке «Reich»). Таким образом, последняя строка читается так: «Приняв, вознеси его в Царствие Небесное».

Спустя столетие Ричард Ролл писал примерно на ту же тему более понятным языком.

Jesu, Lord, welcome thou be
In form of bred as I thee see
Jesu for thine holy name
Shild me today from sinne and shame.

(Благодарю Тебя, Господи, за то, что удостоил меня
Приобщиться Святынь Твоих.
Сегодня во имя Твое
Спаси меня от греха и позора.)

Еще более понятны строки, написанные в 1450 году Джоном Лидгейтом:

---

⁶ «Кеннеди» – школьный учебник латинского языка; издан впервые в XIX в.; полное название «Kennedy's Latin Primer». – *Примеч. пер.*

Blessed Mary moder virginal
Integrate maiden, sterre of the see
Have remembraunce at the day final
On the poore servaunt now praying to thee.

(Пресвятая Дева Мария,
Пречистая Дева, восседающая на троне,
Помяни недостойного раба Твоего
В его последний день.)

К тому времени на английском языке Чосера говорили все англичане, и хотя их акцент в наши дни показался бы странным, и мы бы внимательно вслушивались в речь собеседника, но поняли бы мы почти все, включая эмфазы, интонации и другие нюансы речи. Конечно, орфография в то время была другой и варьировалась даже в одном и том же источнике, написанном, к примеру, на среднеанглийском, но я пришел к выводу, что если читать, не обращая внимания на транскрипцию, то понять все довольно легко. Оригинальные источники, повествующие о Столетней войне, до пятнадцатого столетия писались и на французском, а не нормандском диалекте французского языка, и на латыни, и на среднеанглийском. Большинство, конечно, переведено на современный язык, за что я благодарен ученым.

Если на первоначальный источник нельзя полностью положиться, в частности, когда он касается деталей того или иного сражения Столетней войны, можно воспользоваться определенной методикой – например, теорией полковника Альфреда Берна «Неотъемлемая военная вероятность». К примеру, согласно этой теории, если студент, изучающий военное дело, не может понять перипетии какого-либо сражения, он должен поставить себя на место командующего и решить, что предпринять. В сущности, учет различных военных факторов (видов оружия, снаряжения, тактики ведения боя, способов снабжения армии) вместе с тщательным изучением территории, на которой происходило сражение, могут привести к пониманию возможного хода этого военного столкновения. Территория, которую следует захватить атакующей стороне для достижения своей цели, а также та, которую следует удержать той стороной, что ведет оборону, преследуя свои цели, – есть жизненное пространство для любого исторического периода. Со временем болота пересыхают, реки меняют свое течение, появляются новые пути сообщения, но контуры местности значительно не меняются.

Мозг средневекового человека не уступал нашему по размеру. Человек, живший в Средневековье, мог быть наподобие нам умным или глупцом и в равной степени мог понимать военное дело. Черный Принц наверняка не оказался бы лишним в армии Веллингтона; Джон Гонт был способен (или не способен) справиться с ожесточившимися в наше время талибами с тем же успехом, к которому он пришел в борьбе с неуступчивыми испанцами; Генрих V, должно быть, мог оценить военную ситуацию так же быстро, как Уильям Слим, английский полководец времен Второй мировой войны, а Джон Хоквуд, несомненно, справился бы в наше время с ирландцами, как в свое время управился с итальянцами.

В своей работе я ссылаюсь на даты, обращаясь к новому стилю, пользование которым может привести к путанице. До 1582 года в Англии, как и в большинстве европейских стран, пользовались юлианским календарем (старым стилем). В 1582 году папа Георгий XIII передвинул счет времени на одиннадцать дней вперед. Так появился григорианский календарь (новый стиль). Если многие европейские страны в должное время учредили нововведение, то Англия стала пользоваться григорианским календарем только с 1752 года (английская королева Елизавета I не пожелала руководствоваться предписанием Ватикана). И по старому, и по новому стилю новый год начинался 25 марта (в день Богоматери), и только с 1752 года первым днем нового года стали считать 1 января – кроме Шотландии,

которая ввела новый стиль, как и Англия, в 1752 году, но еще с 1600 года первым днем нового года стала считать 1 января (наверное, в пику Англии). Разница в датах в одиннадцать дней не имеет большого значения, но вот дата начала нового года существенна: например, если какое-либо событие произошло, как мы считаем в настоящее время, 20 марта 1377 года, то для современников этого происшествия или для тех, кто узнал о нем до 1572 года, оно произошло 9 марта 1376 года.

В предисловии к этой книге мне следовало бы сравнить средневековые деньги с их нынешним курсом, но почти нереально установить нужный эквивалент: многие товары, дорогие во время Столетней войны, теперь не являются предметами первой необходимости (справедливо и противоположное утверждение), да и должности, сейчас высокооплачиваемые (к примеру, командующего армией), в Средневековье приносили официальный доход, лишь покрывавший текущие нужды. Даже сравнения, наиболее близкие к оптимальным, не помогают досконально понять суть вопроса.

Средневековый английский фунт стерлингов состоял из 20 шиллингов, шиллинг – из 12 пенсов, а вся система выражалась как £CD⁷. Так продолжалось до введения в Англии в 1971 году десятичной монетной системы, согласно которой фунт стерлингов стал равняться ста новым пенсам, старый шиллинг – пяти новым пенсам, а пенни – 0,416 нового пенса. В 1400 году унция золота стоила примерно 0,75 фунта, но если взять среднюю цену золота за временной промежуток с 2000 по 2004 год включительно, до наступления рецессии, мы увидим, что точно такое же количество золота стоило 212 фунтов; с учетом фактора инфляции – рост в 283 раза (в последующие пять лет рост унции с учетом фактора инфляции составил 722 раза). Унция серебра в 1400 году стоила 0,04 фунта, а сейчас – 3,3 фунта, превысив ту, прежнюю стоимость в 82,5 раза.

Теперь сравним прежние и нынешние заработные платы военных. Во времена Эдуарда III жалованье пешего лучника составляло 3 пенса в день, или 4,48 фунта стерлингов в год. В наше время рядовой пехотинец получает 17500 фунтов в год – в 3906 раз больше. Правда, современный солдат платит сам за жилье и питание, но все равно жалованье лучника и теперешнего солдата не поддается никакому сравнению. Другой пример: баннерет (младший офицер) во времена Эдуарда III получал 4 шиллинга (0,2 фунта) в день, или 73 фунта в год. Лейтенант в наши дни получает 30000 фунтов стерлингов в год, то есть в 410 раз больше. Однако во времена Эдуарда III баннерет зарабатывал в 16 раз больше пешего лучника, а в наши дни лейтенант – лишь в 1,7 раза больше рядового.

Возможно, легче сравнить прежние и современные деньги исходя из реестров налогов 1436 года, когда налоги взимались со всех людей, чей годовой доход превышал 20 фунтов. Из этих реестров видно, что средний доход знатных людей (герцогов, графов, баронов) составлял 865 фунтов стерлингов, рыцаря – 208, рыцаря-баронета – 60, оруженосца – 24 фунта. В наши дни в английской компании из списка FTSE 100 годовой доход топ-менеджеров, верхушки управленцев среднего звена и «белых воротничков» в 1000 раз больше годового дохода средневековых людей примерно такого же положения. Годовой доход пахаря в 1436 году равнялся 4 фунтам стерлингов (до 1348 года землепашец зарабатывал в восемь раз меньше), но этому заработку поспособствовала «Черная смерть», повысившая спрос на труд пахарей.

Я попытался свести средневековые деньги к их нынешней стоимости, используя при этом курс серебра, ибо полагаю, что он меньше подвергается колебаниям по сравнению с другими мерками. Но я допускаю, что мой расчет весьма приблизителен и, вероятно, привести прежние и современные деньги к одному знаменателю практически невозможно.

Неизменно командующий определяет достижения своей армии, хотя он бы ничего не добился без взаимодействия со своими солдатами, зачастую безвестными и не отмеченными наградами. Так происходит и при написании книги. Задача автора довольно проста, но, когда

---

⁷ £SD – фунты стерлингов, шиллинги [лат. сокр. от *libre* – фунты, *solide* – шиллинги, *denarii* – пенса]. – *Примеч. пер.*

он придаст свое сочинение диску или бумаге, начинается другая работа, в которой принимают участие редакторы, корректоры, составители указателей, художники, издатели и, наконец, продавцы и «толкачи» разного рода. Я тоже не обхожусь без работы этих людей, и, тем, кто принимал участие в издании этой книги, я искренне благодарен.

Вообще-то я занимаюсь историей периода с семнадцатого столетия по настоящее время. Моя жена, тоже историк, изучает Средневековье – в частности монархические династии, социальные отношения, искусство и культуру с завоевания норманнами Англии до Босвортского сражения 1485 года. В этой книге я вторгся в сферу интересов своей жены и благодарен ей за конструктивную помощь, позволившую мне порой не плутать в потемках, а идти верной дорогой. Возможные ошибки, допущенные в этой предлагаемой читателю книге, разумеется, на моей совести.

Глава первая Где все начиналось

Англия стала обладать землями, которые сейчас принадлежат Франции, с тех пор как на английский престол вступил Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандский. Притязания Вильгельма на английский престол были, пожалуй, довольно несостоятельными (он был дальним родственником Эдуарда Исповедника), но все же превышали права Гарольда Годвинсона, который приходился покойному королю всего-навсего шурином и не был связан кровными узами с королевской фамилией.

Завоевать Англию оказалось гораздо проще, чем Вильгельм предполагал: для этого понадобилась всего одна битва при Гастингсе, произошедшая в 1066 году. В этом сражении Гарольд Годвинсон был убит, а с ним почил и вся англосаксонская Англия. Правда, вторгнувшись в Англию, Вильгельм встретил сопротивление, особенно в Северной и Восточной Англии, но все эти повстанческие движения носили локальный характер, не имели координации, и Вильгельм их в скором времени подавил, отобрал земли у зачинщиков выступлений и передал эти владения своим нормандским вассалам. В семидесятые годы одиннадцатого столетия английская знать была фактически уничтожена, нормандские священнослужители заменили английских, и по всей стране были воздвигнуты замки, за стенами которых уверенные в своей безопасности изъяснявшиеся по-французски норманны управляли местными саксами, говорившими на древнеанглийском языке. В появившейся в 1086 году «Книге Страшного суда» упоминаются лишь два англосакса, владевших значительной собственностью. Нормандское завоевание Англии привело к грандиозным изменениям в обществе, законодательстве и религии – изменениям, которых не было и в помине со времени ухода из страны римлян.

После норманнского завоевания Англии правящие классы страны стали владеть землей по обе стороны Английского канала, что было удобно: и в Англии, и в Нормандии у них был один сюзерен – английский король. Так продолжалось до смерти Вильгельма Завоевателя в 1087 году, после чего его старший сын Роберт стал герцогом Нормандским (второй сын Вильгельма погиб на охоте), а третий – королем Англии под именем Вильгельма II⁸. После кончины Вильгельма Завоевателя у крупных феодалов страны начались трудности, поскольку Вильгельм и Роберт находились в неприязненных отношениях и угождать одному значило быть в немилости у другого. Ситуация разрешилась, когда Роберт отправился в Крестовый поход на деньги, выделенные Вильгельмом, взамен чего тот получил в управление оставшуюся без верховной власти Нормандию.

Вильгельм II не был женат, и в хрониках не упоминается ни о его возлюбленных, ни о внебрачных детях, зато говорится о том, что за время правления он прибавил к своим владениям Мен и Вексен, район между Руаном и Парижем. Вильгельм II⁹ умер в 1100 году, и ему наследовал его брат Генрих I, четвертый сын Вильгельма Завоевателя.

Генрих I хотя и не был по натуре солдатом, но все же сумел отобрать Нормандию у своего брата Роберта, вернувшегося из Крестового похода домой. Генрих I правил Англией и Нормандией тридцать пять лет, обойдясь без волнений и мятежей, чему способствовала его внутренняя политика, сочетавшая насилие, материальные поощрения и рациональное управление государственными финансами. Хотя у Генриха I было немало внебрачных детей, он не оставил после себя наследника¹⁰, а его попытки склонить баронов на то, чтобы ему наследовала его дочь Матильда, не удалась. Бароны могли бы согласиться на кандидатуру

---

⁸ Вильгельм II имел прозвище Рыжий – то ли из-за цвета волос, то ли из-за румяного лица. – *Примеч. авт.*

⁹ Вильгельм II погиб от стрелы на охоте; по другой версии, был убит в результате заговора, организованного его братом Генрихом и придворным Уолтером Тирелем, графом Пуа. – *Примеч. авт.*

¹⁰ Законный сын и наследник Генриха I погиб в 1120 г., во время кораблекрушения в Английском канале, по пути из Нормандии в Англию. В хрониках указываются разные причины случившегося, однако следует заметить, что судоходство по Английскому каналу опасно во все времена.

Матильды, вдовы императора Священной Римской империи, но они были против ее второго супруга Годфрида, графа Анжуйского. Вместо Матильды бароны возвели на английский трон Стефана Блуаского, герцога Нормандского, внука Вильгельма Завоевателя по материнской линии, женатого на Матильде (но на другой) – Матильде Бульонской. Это стало причиной гражданской войны, конец которой положил в 1153 году Вестминстерский договор, согласно которому наследником Стефана Блуаского объявлялся сын Матильды (дочери Генриха I) и Годфрида, графа Анжуйского.

В 1154 году английским королем стал Генрих II. Он вел споры с Томасом Бекетом (святым Фомой), являвшимся одно время английским канцлером и архиепископом Кентерберийским. Между ними велись жаркие споры о наказании священнослужителей, преступивших закон. Бекет считал, что такие преступники должны предстать перед церковным судом, который не выносит смертные приговоры. Генрих полагал по-другому: священнослужителей, замешанных в преступлении, следует лишать духовного звания и судить светским судом. Генрих считал, что Бекет обязан заниматься снабжением армии и оплачивать военные акции короля, чему его оппонент противился. Бекет возражал против коронации сына Генриха при жизни монарха. Этот протест Бекету не помог. Сын Генриха, тоже Генрих, был коронован при жизни отца, что произошло единственный раз в английской истории. Бекет мог бы вести себя осторожнее и не вызывать у противников крайнего недовольства, что привело его к гибели. Бекета убили, хотя, возможно, не по подстрекательству короля, а по непониманию исполнителями истинного намерения монарха. Так или иначе, туристы и по сей день взирают на место у алтаря в Кентерберийском соборе, где Томас Бекет закончил свой жизненный путь.

Когда Генрих II вступил на английский трон, он был богатым землевладельцем. Герцог Нормандский с 1150 года, граф Анжуйский после смерти своего отца в 1151 году, он в 1152 году женился на сказочно богатой Элеоноре, герцогине Аквитанской и графине Пуатье, унаследовавшей земли и титулы от своего отца, не имевшего сыновей. Генрих был вторым мужем Элеоноры. Впервые ее выдали замуж в пятнадцать лет за Людовика VII, будущего французского короля. Но через пятнадцать лет ее брак был расторгнут на основании кровного родства с мужем, хотя основной причиной, по всей вероятности, стало то, что она не смогла подарить мужу сына, а родила только двух дочерей. Генрих II женился на ней через два месяца после развода, что не могло не вызвать неудовольствия французского короля, который тем не менее получил шанс жениться вторично и наконец завести наследника, что, вероятно, в его глазах возмещало потерю Аквитании и Пуатье, перешедших английской короне.

Вслед за Стефаном Блуаским английским королем стал Генрих II. За время правления он присоединил к своим землям Аквитанию и Бретань, а также объявил себя сюзереном Шотландии и Ирландии и, таким образом, стал управлять обширными землями, простиравшимися от Джон-о-Грота, городка на севере Шотландии, до Пиренеев. Франция в те времена занимала чуть большую территорию, чем сейчас Иль-де-Франс, к которой можно прибавить практически суверенные герцогства Артуа и Бургундию. Генрих II говорил, что правит страной «силой воли и изнурительной верховой ездой». Без удобных путей сообщения и средств массовой информации средневековому королю приходилось объезжать свои земли, чтобы поддерживать законный порядок и держать подданных в подчинении. За тридцать пять лет правления Генрих II провел двадцать один год в своих континентальных владениях, представлявших угрозу его королевской власти, рассматривая объединенную Англию как источник доходов. Однако спустя двадцать лет после кончины Генриха его «империя» прекратила существование как единое целое, и именно память о той «империи» стала одной из причин Столетней войны.

Генрих II собирался сделать наследником своего старшего сына Генриха, а второму сыну, Ричарду Львиное Сердце, отдать в управление Аквитанию и Пуатье. Однако принц Генрих в 1183 году умер, и король решил сделать своим наследником Ричарда, а Аквитанию передать третьему сыну, Иоанну. Но Ричард, по природе своей солдат, успевший подавить

выступление мятежных баронов, не захотел отдавать Аквитанию Иоанну и в конце концов вторгся в Англию с войском при поддержке французского короля Филиппа II. В 1189 году Генриху II незадолго до смерти пришлось заключить унижительный мир, согласно которому полноправным наследником короля становился тридцатидвухлетний неуступчивый Ричард.

Каждый маленький мальчик с деревянным мечом в руке, штурмующий воображаемый замок, мнит себя Ричардом Львиное Сердце, великим королем-воином, прославленным рыцарем. Правда, Ричард, взяв Акру в 1191 году, приказал покончить со всеми пленными, но в глазах его современников этот поступок не умалил идеализации Ричарда как образцового рыцаря – в конце концов, умерщвленные в Акре пленные не были христианами. Ричард был храбрым рыцарем и умелым военачальником, образованным для своего времени человеком, покровительствовал искусству, особенно музыкантам, и сам любил петь, в основном песни собственного сочинения. В Европе Ричард проводил мало времени, а когда находился в Англии, то подавлял выступления мятежников, в том числе Иоанна, своего брата. Он принял участие в Третьем крестовом походе, а когда не удалось взять Иерусалим, захватил целую полосу Средиземноморского побережья – от Тира в Ливане до Яффы (в современном Израиле), а затем завоевал Кипр, прекрасный опорный пункт для дальнейших военных действий на Ближнем Востоке, что действительно и для нашего времени¹¹.

Возвращавшийся из Крестового похода домой Ричард попал в плен к герцогу Леопольду Австрийскому, который продал его императору Священной Римской империи, а тот продержал Ричарда год в тюрьме, пока не получил выкуп в сто тысяч марок. В то время марка равнялась восьми унциям серебра, и, таким образом, по современному курсу выкуп за Ричарда составил 2,6 миллиона фунтов стерлингов, для чего пришлось ввести двадцатипятипроцентный налог на арендную плату и на все движимое имущество как в Нормандии, так и в Англии, в то время как общее население этих стран составляло около трех миллионов жителей.

Ричард мало вникал в управление государством, зато с успехом находил управленцев, решавших государственные дела за него. В частности, среди этих людей выделялся Уолтер Хуберт, королевский юстициарий и епископ Кентерберийский, который был не только великолепным администратором, но и порядочным человеком. Он принимал участие в Третьем крестовом походе, а когда прибыл в войска под Акру, то обнаружил армейский лагерь в отвратительном состоянии: не соблюдались элементарные санитарные нормы, снабжение продовольствием пришло в полный упадок, солдаты и офицеры умирали от голода и болезней. Хуберт быстро взял управление в свои руки: наладил поставку продуктов питания и воды, организовал устройство отхожих мест, а у источников чистой воды поставил охранников, которым платил за службу из собственного кармана. Когда Ричард появился под Акрой, мораль и боеспособность солдат заметно улучшились, и Хуберт вырос в глазах короля как человек, способный справиться с трудным делом.

За то время, что Ричард принимал участие в Крестовом походе, а затем был в заключении, французам удалось потеснить англичан в их континентальных владениях, и с 1194 года Ричард большей частью находился на континенте, возвращая потерянные земли и замки и строя новые укрепления: в частности, он возвел замок Шато-Гайар, который и ныне высится на берегу Сены. 6 апреля 1199 года сорокадвухлетний Ричард Львиное Сердце умер, получив ранение при штурме замка Шалю в двадцати милях юго-западнее Лиможа (в Ричарда угодила отравленная стрела). Ричард был женат на Беренгарию Наваррской, но она не подарила мужу детей, и после кончины Ричарда на английский престол взошел его брат Иоанн.

Иоанна историки не жалуют, да и трудно себе представить обратное. Он был младшим сыном Генриха II, да еще, противопоставив себя отцу, участвовал вместе с французами во вторжении в Англию. Иоанн крайне неудачно правил Ирландией, где умудрился нажать

---

¹¹ По этой причине, когда в 1960 г. Великобритания согласилась на независимость Кипра, то оставила за собой на острове две военные базы.

врагов как среди местных, так и среди англо-нормандских аристократов, пытавшихся захватить ирландские земли. Иоанн стремился сместить с английского трона Ричарда, а потом большую часть своего правления конфликтовал с местной знатью. Его право престолонаследия было признано правомерным в Англии и Нормандии, а вот в Анжу, Турени и Мене аристократы считали своим законным правителем герцога Бретонского Артура, племянника Иоанна. В 1199 году Артуру было всего двенадцать лет, и он в свои годы, разумеется, не боролся с правами феодальных сеньоров управлять поместьями по своему усмотрению. Являясь единственным внуком Генриха по мужской линии, Артур был всего лишь пешкой в чужой игре. Он находился под опекой Ричарда I, проводил много времени при французском дворе и как владелец Бретани, Анжу и Мена платил феодальную подать и французскому, и английскому королям.

Затем, как казалось, Иоанн сделал тонкий матримониальный ход: развелся со своей первой женой Изабеллой Глостерской и женился на другой Изабелле – на сей раз Ангулемской, владевшей землями между Аквитанией и Нормандией, что стало хорошим придатком к континентальным владениям английского короля. Но Иоанн просчитался. Изабелла Ангулемская должна была сочетаться браком с Гуго Лузиньяном. Оставшись без невесты и заманчивого приданого, Гуго пожаловался Филиппу II. Тот, получивший шанс досадить английскому королю, настоятельно пригласил Иоанна к себе, а после того как тот отказался, в апреле 1200 года объявил конфискованными все его континентальные владения.

Единственная успешная военная операция Иоанна позволила ему вернуть спорные земли на континенте и захватить Артура. Молодого герцога сначала поместили в тюрьму в английском городе Фалесе, а затем перевезли во французский Руан, и с тех пор его больше не видели. По одной из версий, его убил сам Иоанн, после чего тело Артура бросили в Сену. А вот по поверью Артур не погиб и готов появиться в Бретани, когда придет время. И все же усилия Иоанна вернуть Англии континентальные территории оказались напрасными. В 1204 году французский король объявил Нормандское герцогство конфискованным и перешедшим во владение французской короны. Исключение составили Нормандские острова, которые считаются британскими и в настоящее время¹².

Вслед за заявлением французского короля последовали военные действия, и Иоанн потерял все свои континентальные земли за исключением Пуату, области, которую удалось удержать в 1206 году. Военные неудачи английского короля привели к тому, что его стали за глаза называть «Иоанн Мягкий Меч» – прозвищем, вошедшим в употребление наряду с прозвищем Безземельный, которым наделили Иоанна по той причине, что Генрих II оставил его, своего младшего сына, без значимого наследства. Потеряв большую часть континентальных земель, Иоанн обосновался в своих английских владениях и стал проводить в стране больше времени, чем любой другой английский король со времен норманнского завоевания Англии. Чтобы возместить болезненные потери во Франции, Иоанну нужны были деньги, и он повысил налоги, что привело к недовольству баронов. Затем последовали разрыв отношений с папой, наложенный на Англию интердикт¹³, гражданская война, подписание Иоанном Великой хартии вольностей¹⁴, новое вооруженное столкновение между англичанами и французами и, наконец, новая вспышка гражданской войны.

---

¹² Нормандские острова не входят в состав Соединенного Королевства, а имеют статус коронных земель (коронных владений). На торжественных церемониях островитяне провозглашают тост не «За ее величество королеву!», а «За королеву – нашего герцога!».

¹³ Интердикт – запрещение отправлять на определенной территории богослужение и обряды: крещение, конфирмацию, мессу, исповедание, ординацию (обряд рукоположения в священники), венчание и даже похороны на освященной земле. Однако в данном случае интердикт не сказался ни на английском народе, ни на самом Иоанне, который отплатил папе конфискацией церковных земель.

¹⁴ Великая хартия вольностей, считающаяся краеугольным камнем британской демократии, на самом деле явилась актом противодействия баронов королевскому произволу. Подписав ее, Иоанн сразу начал искать пути ее обходить; полностью хартия никогда не выполнялась.

Иоанн умер в 1216 году, и на английский престол взошел его сын Генрих III, унаследовав королевство, охваченное войной. На севере страны восстали бароны, а на юге в мае того же года высадились французы, которых возглавлял будущий французский король Людовик VIII. К счастью для Генриха, из-за несогласованности баронов их мятеж вскоре заглох, Людовика англичане сочли узурпатором, а не возможным монархом, способным заменить Генриха. В конце концов в 1217 году французы были разбиты на суше в битве при Линкольне, а затем в том же году на море при Сандвиче. Французский претендент на английский трон вернулся во Францию, получив за скорейшее возвращение изрядную сумму денег.

Как и его отец, Генрих III пытался править страной как самодержец, но ему, как и отцу, пришлось воевать с баронами. Все же он понимал, что из-за Великой хартии вольностей не сможет управлять государством самостоятельно, но все-таки, несмотря на противодействие, сместил с государственных должностей большую часть родственников супруги-франуженки, приехавших в Англию поправить свои финансовые дела, ибо в Святой земле, завоеванной мусульманами, больше поживиться было нечем.

Генрих III, как и его отец, не был солдатом и, согласно Парижскому договору 1250 года, отказался от прав на Нормандию, Мен и Анжу, оставив английской короне лишь Аквитанию, признав себя вассалом французского короля, которому был обязан платить феодальную подать. Генрих III оставался на английском престоле пятьдесят шесть лет. Хотя последние годы его правления были омрачены мятежом и гражданской войной, ему удалось создать административный государственный аппарат. Также ему можно поставить в заслугу строительство Вестминстерского аббатства с усыпальницей Эдуарда Исповедника. Генрих III оставил после себя страну в более или менее централизованном виде, а еще взрослого сына, который начал создавать военный ресурс для возвращения потерянных Англией территорий.

Некоторые современные авторы уделяют английскому королю Эдуарду I большое внимание. Все они отмечают, что он был красивым, высоким, атлетически сложенным человеком и хорошим солдатом. Он души не чаял в своей жене Элеоноре Кастильской, что было необычно для короля: в то время браки особ королевской крови совершались с учетом политических и династических интересов и не зависели от чувств жениха и невесты.

Вместе с тем Эдуард был склонен порой к двуличию. Во время гражданской войны он примкнул к выступавшим против его отца мятежным баронам, при этом то и дело переходил то на одну, то на другую сторону. Кроме того, Эдуард, бывало, отступал от своих обещаний; так, он не выполнял вассальные обязательства. В битве при Ившеме в 1265 году Эдуард, сражаясь против войска, возглавляемого Симоном де Монфором, шестым графом Лестерским, руководителем баронской оппозиции против короля Генриха III, проявил известное вероломство, что привело к разгрому противника и гибели де Монфора. Во время сражения Эдуард приказал поднять захваченные у пленных знамена, чтобы создать впечатление, что часть армии де Монфора перешла на сторону Эдуарда или убедить де Монфора в том, что его войска окружили противника. Конечно, это действие Эдуарда можно посчитать дозволенной *ruse de guerre*¹⁵, а вот поступок его сподвижника Роджера Мортимера, которому приписывают убийство де Монфора, должно быть, даже в Средневековье сочли омерзительным. Мортимер отсек убитому де Монфору голову и гениталии и с таким содержимым отправил посылку своей жене – видимо, для того, чтобы известить ее о своей беспримерной удали¹⁶. В том же сражении Мортимер убил еще одного военачальника повстанческой армии, сэра Хью Диспенсера, о чем стало известно спустя полвека. Стоит добавить, что в 1290 году Эдуард удалил из Англии всех евреев, немало

---

¹⁵ Военная хитрость (*фр.*).

¹⁶ Де Монфор утверждал, что сражается «за справедливость для всех», имея в виду «выгоду для себя и своих друзей». Возможно, по этой причине его стали считать святым, способным творить чудеса. Культ де Монфора сохранился до наших дней – так, в 1993 г. университет в Лестере, основанный в 1890 г., был назван его именем.

поживившись на этом, а также и то, что он конфликтовал с папой римским и обложил податью его представителей в Англии.

Хроники в основном подвергают критике действия Эдуарда в бытность наследником английского трона и более снисходительны к его деяниям во время пребывания на престоле. Это неудивительно: очернить принца или раскритиковать короля не одно и то же. Вероятно, правда состоит в том, что Эдуард был не более своекорыстным и алчным, чем другие правители его времени, и, может, даже обладал этими неприглядными качествами в меньшей степени, чем большинство его властительных современников. В начале двадцать первого века мы думаем, что личная честность и бескорыстие должны сопутствовать в повседневной жизни, и многие из нас полагают, что социальные интересы выше собственной выгоды. Но и в настоящее время это не норма стран третьего мира и не было нормой в Средневековье. Поэтому не стоит судить о прошлом по сегодняшним стандартам.

Одной из первых инициатив взойшедшего на престол Эдуарда I стала комиссия по расследованию злоупотреблений, вызвавших гражданскую войну во времена правления Генриха III. Эдуард был неутомим в выявлении продажности и других преступлений официальных должностных лиц, стараясь удостовериться тем самым, что все отступления от закона совершались людьми, назначенными на должность до его восшествия на престол. Эдуард также предпринял попытку ограничить права баронов. Многие бароны боролись за свои привилегии, ссылаясь на то, что владеют ими «с незапамятных времен». Эдуард I определил, что таковыми могут считаться лишь привилегии, полученные до восшествия на престол Ричарда I в 1189 году, а привилегии и права, обретенные позже, должны быть подтверждены надлежащими документами. Но и в этих случаях администрация короля вряд ли принимала свидетельства во внимание. К слову сказать, администрация короля при правлении Эдуарда была перестроена, и ей вменялось в обязанности рассмотрение большого числа вопросов, в частности касавшихся прав на землевладение, долговых обязательств, самоуправления феодалов, отношений между феодалом и арендатором, церковной юрисдикции, семейных прав на землю.

В 1285 году Винчестерским статутом в Англии было обновлено уголовное право. В частности, этот статут установил общинную ответственность за предъявление обвинений подозреваемым в преступлениях, а также обязал местные власти улучшить дороги и вырубить по их сторонам подлесок, чтобы предотвратить засады разбойников. Кроме того, статут определил, каким оружием могут владеть представители каждого из сословий, а также положил, что каждое дело об изнасиловании должно рассматриваться не в местном, а в королевском суде.

В начале своего правления Эдуард сумел покорить Уэльс и фактически ликвидировал самостоятельную валлийскую знать. В то время в Англии насаждались неприязненные суждения о валлийцах. Их обвиняли в грабежах, бандитизме, сексуальной распущенности и других мыслимых и немыслимых прегрешениях. Валлийские правители того времени не имели ни административного аппарата, ни легальной системы руководства страной. В результате военной кампании Эдуарда 1276–1284 годов в Уэльсе появилось облеченное полномочиями правительство, приступившее к установлению в стране английских законов. Эдуард I распространял мысль о том, что валлийцы хотят, чтобы ими управлял принц. Разумеется, это был вымысел короля, но Эдуард им воспользовался, учредил новый титул принца Уэльского и возвел в это достоинство своего сына, наследника трона. Вероятно, завоевание Уэльса сомнительно в правовом отношении, а также можно предположить, что этому процессу сопутствовали жестокости. Возможно, поэтому в Уэльсе до сих пор не изжиты националистские настроения, которые подпитывает легенда о великих валлийских воинах и национальных аристократах, никогда не существовавших.

В 1294 году, в двадцатый год правления пятидесятичетырехлетнего Эдуарда, началась война с Францией, вызванная тем, что Филипп II решил конфисковать Аквитанию. В это же время начались антианглийские выступления в Уэльсе, а в 1297 году восстали шотландцы, стремившиеся вернуть себе независимость.

Подготовка к войне с французами выявила существенные изъяны в английской феодальной системе комплектования и снабжения армии. В правление Эдуарда I король имел право призывать на военную службу лишь тех людей, кого он наделил землей. Эти аристократы поступали на военную службу обычно на сорок дней (хотя срок мог быть продлен) вместе со слугами. Их поддерживало народное ополчение, собиравшееся тоже лишь на определенный период. Вести войну было дорого. Войскам требовались продукты питания, транспорт, казармы, а в отдельных случаях – покупка оружия и плата за труд. Постоянного интендантства в то время не было, и поэтому повозки, лошадей и предметы снабжения армии следовало покупать или брать внаем. Обычно король не мог финансировать военную кампанию за свой счет, и ему в этом случае приходилось увеличивать налоги и пошлины. Но если в мирное время размер сборов согласовывался с ассамблеей английской знати, то в военное время, в связи с увеличением налогов и пошлин, их размер нужно было согласовывать с парламентом.

Поначалу Эдуард считался с парламентом, но затем, когда ему стало требоваться все больше и больше денег, равно как и солдат для пополнения войск в Аквитании, он для достижения своей цели выбрал кратчайший путь и размеры налогов стал устанавливать сам. Декан собора Святого Павла умер от апоплексического удара, узнав, что с доходов священнослужителей станут взимать пятидесятипроцентный налог. Наживался король и на производителях шерсти. У них принудительно скупали продукт их труда по цене ниже рыночной, а затем продавали с большой прибылью для королевской казны. Королевские сборщики налогов колесили по всей стране для изъятия продуктов питания и зерна. Говорили, что эти сборщики занимались мздоимством и сговорчивых освобождали от сборов, а из того, что собирали, часть присваивали. Многие бароны, призванные на военную службу, отвечали отказом. Когда Эдуард пригрозил графу Норфолку его повесить, если тот не отправится в Аквитанию, граф любезно ответил, что не станет ни воевать в Аквитании, ни уходить из жизни с петлей на шее.

К тому времени, когда Эдуард во главе экспедиционных сил отплыл во Фландрию в августе 1297 года, – Англия была на пороге гражданской войны: бароны опять собирались поднять мятеж, как это было сначала при Иоанне, а затем при Генрихе II, но им помешало восстание в Шотландии.

До смерти шотландского короля Александра III в результате несчастного случая отношения между Англией и Шотландией тревоги не вызывали. Король Шотландии Вильгельм Лев платил Генриху II феодальную подать, и считалось, что английский король является сюзереном Шотландии, хотя и не имеет возможности вмешиваться в дела шотландской администрации. Александр III не оставил прямых наследников, и его ближайшей родственницей стала считаться шестилетняя внучка, отцом которой был Эрик, король Норвегии. Эдуард I решил женить своего старшего сына Эдуарда Карнарвона (будущего Эдуарда II) на «норвежской девице», но она, направляясь в 1280 году в Шотландию, умерла на одном из Оркнейских островов, после чего появилось немало претендентов на шотландский престол. Гражданской войны удалось избежать благодаря епископу Сент-Эндрюса, который попросил Эдуарда I вступить в переговоры с претендентами на верховную власть в Шотландии. В результате претендентов осталось двое: Роберт Брюс и Джон Балиол. Оба, потомки норманнов, владели землями по обе стороны границы между Англией и Шотландией (Балиол являлся более крупным землевладельцем). «Великое дело» – избрание преемника шотландской короны – закончилось решением Эдуарда отдать пальму первенства Балиолу (что кажется справедливым), который и был коронован в 1292 году.

После коронации Балиола Эдуард, воодушевленный успехами в Уэльсе, решил распространить свое влияние на Шотландию и пополнить армию местными силами, чему Балиол не очень противился. Однако в результате такой политики Эдуарда образовался Совет шотландских баронов, забравший в 1295 году, после отстранения Балиола от управления государством, властные полномочия в свои руки и заключивший дружественный

союз с французским королем Филиппом IV. Обеспокоенный возможностью войны на два фронта, Эдуард в 1296 году вторгся в Шотландию, разбил шотландскую армию и настоял на безоговорочной капитуляции Балиола и шотландских баронов. Если бы после этого Эдуард восстановил Балиола на шотландском престоле и не стал настаивать на своих феодальных правах, то не произошло бы восстания, поднятого шотландцами. Но Эдуард поступил иначе. Он решил, что Шотландией станет управлять его ставленник, вице-король, и назначил на эту должность графа Уоренна, а ему в помощь определил губернаторов, которым поручил насаждение на местах английских законов. Кроме того, в то же время английские священнослужители стали занимать вакантные должности в шотландских приходах. Наконец, когда Эдуард распорядился перевезти в Англию Скунский камень, непременный атрибут коронации шотландских монархов, восстание стало неотвратимым. Оно началось в 1297 году, как только Эдуард прибыл во Фландрию, чтобы участвовать в войне с Францией.

Едва шотландцы взяли за оружие, недовольства, порожденные несправедливым способом финансирования французской кампании, в Англии прекратились, ибо первостепенным стало негодование английских баронов, возмущенных восстанием тех, кого бароны стали считать подвластными им людьми. Тем временем Роберт Брюс, не взошедший на шотландский престол по решению Эдуарда, легко справился с войском Уоренна, а затем излишне самонадеянная английская армия потерпела жестокое поражение в битве при Стерлинг-Бридж в сентябре 1297 года; при этом англичане попали в засаду, мастерски устроенную шотландцами, которых возглавлял Уильям Уоллес.

Узнав о поднятом шотландцами мятеже, Эдуард пришел к соглашению с Филиппом IV о прекращении конфронтации и спешно вернулся в Англию. В июле 1298 года англичане в сражении при Фолкирке разбили армию Уоллеса. Это сражение стало самым кровавым на британской земле (до битвы при Тоутоне в 1461 году), но не принесло англичанам решающего успеха. Правда, шотландцы долгое время не рисковали встретиться с англичанами в открытом сражении, зато досаждали им мелкими стычками, сопровождавшимися быстрым отходом после завершения дела. Так продолжалось до 1304 года, когда большинство шотландских баронов пришли к соглашению с Эдуардом. После сражения при Фолкирке Уоллесу приписали государственную измену, после чего казнили: сначала его повесили, не допустив, однако, удушья, затем выпустили кишки и отсекли гениталии, которые сожгли вместе с кишками, потом четвертовали и обезглавили. Его отрубленные конечности разослали в разные города для всеобщего обозрения, а голову на шесте выставили на Тауэрском мосту.

Спокойствие в Шотландии после 1304 года продолжалось недолго. В 1306 году Роберт Брюс, после восстания 1297 года перешедший на сторону Эдуарда, поднял новый мятеж, уничтожил других претендентов на шотландский престол и наконец стал королем Шотландии. Последовали новые сражения между англичанами и шотландцами. В 1307 году Эдуард I на пути в Шотландию умер. На смертном одре он завещал своему сыну продолжить завоевание непокорной страны. Затраты на войну к тому времени составили огромную сумму, и Эдуард, помимо напутствия, оставил сыну государственный долг в размере двухсот тысяч фунтов (около ста двадцати четырех миллионов фунтов по нынешнему курсу в пересчете на серебро).

Эдуард II, не в пример своему отцу, не пользуется большим вниманием историков. Да и в хрониках Эдуарда II описывают как неприятного и некомпетентного в государственных делах. Он унаследовал от отца высокий рост и внешнюю привлекательность, хорошо держался в седле, но был чужд рыцарских побуждений и не стал придерживаться обычной системы поощрения отличившихся на службе у короля, которая предусматривала относительно справедливое распределение должностей, титулов и земель и тем самым способствовала преданности людей, на которых король мог опереться. Эдуард II не осыпал милостями баронов, готовых ему служить, и вместо этого раздавал земли и почести двум своим преуспевающим фаворитам, которые оказывали ему услуги интимного свойства.

В то время в глазах церкви гомосексуализм считался грехом, равным ереси, да и миряне воспринимали его как ужасный порок. И все же склонностям Эдуарда могли бы не придавать особенного значения, если бы он утаивал их, к чему он, вероятно, не стремился. Некоторые современные источники полагают, что отношения Эдуарда II с его фаворитами не носили предосудительного характера, а были формой братства по оружию, чему подтверждением служит то обстоятельство, что Эдуарда обвиняли в гомосексуализме прежде всего при жизни, а после его кончины эти разговоры утихли. Эдуард и оба его фаворита были женаты и имели детей, но всем троим наследники были необходимы, да и не является необычным, когда гомосексуалист иной раз прельщается женщиной. Но в Средневековье также не было необычным, если мужчины в силу необходимости спят на одной кровати (так, в английских казармах одна кровать предоставлялась двоим, а то и троим солдатам). А вот то, что Эдуард в ночь после своей коронации делил постель не с женой, а с мужчиной, выглядело действительно необычным. То, что бароны подозревали Эдуарда II в гомосексуализме, объясняет тот факт, что они включили в его коронационную речь обязательство «выполнять законы и обычаи королевства».

Одним из двух фаворитов Эдуарда II, разделявших с ним кров с того времени, когда тот стал принцем Уэльским, был Пьер Гавестон, гасконский рыцарь, преданно служивший еще Эдуарду I, который и возвел его в рыцарское достоинство. А вот Эдуард II пожаловал Пьеру титул, который обычно носили лишь принцы крови, – граф Корнуолл. Гавестон был умным и привлекательным человеком и толковым администратором. К тому же он с успехом участвовал в рыцарских поединках и непременно сопровождал короля на охоте. Но, несмотря на то что он был любимцем Эдуарда II, ему порой приходилось сталкиваться с немалыми трудностями. Ему жилось бы намного легче, если бы он сдерживал свой язык и не поднимал на смех знатных людей – ведь политические амбиции ему, похоже, были чужды, – но Гавестон вечно давал волю своим насмешкам и многих знатных людей наделил обидными, но меткими прозвищами. Так, тучного графа Линкольна он называл «Ненасытное Брюхо», графу Пемброку дал прозвище Еврей Иосиф, графа Ланкастера, кузена Эдуарда II, богатейшего человека в стране и владельца большого войска, удостоил прозвищем Краб, а лорда Уорика, который впоследствии поспособствовал гибели Гавестона, называл «Черный пес Ардена». Гавестон не только высмеивал знатных людей, но и публично унижал их своими победами в рыцарских поединках, а также принял непосредственное участие в коронации Эдуарда II, хотя по своему социальному положению не имел на это права.

Гавестон женился на племяннице короля, хотя и в этом случае по своему социальному положению не мог даже претендовать на такие высоты в жизни. А вот Эдуард так не считал и, перед тем как уехать во Францию, чтобы забрать невесту, назначил своего фаворита временным правителем государства. Своими поступками и положением главного советника короля Гавестон нажил себе опасных врагов. Его трижды отправляли в изгнание: один раз при короле Эдуарде I и дважды – при Эдуарде II, который был вынужден идти на уступки всемогущим баронам, грозившим поднять мятеж, если фаворит короля не отправится в ссылку.

Когда Гавестон вернулся из третьей ссылки, бароны все же подняли мятеж. Гавестон попал в руки врагов, среди которых особой неприязнью к нему выделялся граф Уорик, и Гавестона решением суда (вероятно, неправомочным) осудили на смерть, после чего обезглавили вблизи Кеннилуорта на земле, принадлежавшей графу Ланкастеру. В те времена никто не обвинял непосредственно короля в несправедливости и неэффективности управления; во всех грехах вину некомпетентных советников, а в данном случае – Гавестона. Эдуард не смог помешать расправе над ним, и ему лишь оставалось скорбеть о потере «дорогого Пьера». Эдуард возьмет реванш позже.

Несмотря на устранение Гавестона, к 1314 году баронская оппозиция, недовольная правлением Эдуарда, значительно возросла. Эдуард не выполнил наказ своего отца завоевать неуступчивую Шотландию, в результате чего шотландцы вернули себе свои южные земли. Теперь Эдуард решил поднять престиж победоносной войной с Шотландией и стал

призывать баронов на военную службу. Граф Ланкастер и некоторые другие бароны решительно отказались, сославшись на то, что финансирование войны даже не рассматривалось парламентом. Но Эдуард настоял на своем, и в июне 1314 года его десяти тысячная армия в битве при Бэннокберне была разбита шотландской армией, намного уступавшей в численности противнику. Сам Эдуард бежал с поля боя (хотя, заметим для справедливости, что на этом, вопреки желанию короля, настояло его окружение). Англичане потеряли в сражении около трети солдат. Хотя, несомненно, понесенное поражение стало для Эдуарда настоящей трагедией, битва при Бэннокберне явилась тем спусковым крючком, который привел к реорганизации всей военной системы страны, что способствовало в дальнейшем превосходству английской армии над французской в Столетней войне. После неудачной военной кампании положение Эдуарда на троне стало еще более шатким. Шотландцы возобновили набеги на северные территории англичан, в очередной раз осадив Берик-апон-Твид¹⁷.

В то время у Эдуарда появились новые фавориты: отец и сын Диспенсеры. Они были более меркантильными по сравнению с Гавестоном, а Хью-младший обладал не только политическими амбициями, но и способностью настоять на своем, и бароны справедливо сочли, что новые фавориты представляют нешуточную угрозу их благоденствию. Ходили слухи, что Эдуард поддерживает с Хью-младшим гомосексуальные отношения, но доказательств тому еще меньше, чем интимным отношениям с Гавестоном, хотя не вызывает сомнения, что Хью-младший был Эдуарду гораздо больше, чем близким товарищем.

Диспенсеры, пользуясь своим привилегированным положением, старались поживиться чужими землями, не гнушаясь при этом и насильственными мерами – от вымогательства до откровенных угроз, а иногда использовали грубую силу и открытое отчуждение земель в свою пользу. Их действиями особенно возмущались землевладельцы в Уэльсе и в пограничных районах между Англией и Уэльсом, которых Диспенсеры бесцеремонно теснили, присваивая их земли. Граф Ланкастер до крайности возмутился, когда потенциально выгодные уголья, которые он присматривал для себя, достались Хью-младшему.

В 1321 году возмущение действиями Диспенсеров достигло предела, и феодалы, владельцы земель в пограничных районах между Англией и Уэльсом, при поддержке Ланкастера и некоего Роджера Мортимера, обратились в парламент с жалобой на Диспенсеров. Их обвинили в смещении компетентных должностных лиц и замене их своими людьми без административных способностей, да еще думающих лишь о собственной выгоде, в неправомерном присвоении чужой собственности, невозможности попасть на аудиенцию к королю без присутствия одного из Диспенсеров и в других прегрешениях, мешающих королю принимать правильные решения. Не в силах противостоять многочисленной оппозиции, Эдуард согласился с парламентом, и Диспенсеры отправились в ссылку.

После этого Эдуард наконец добился успеха в военной кампании. Граф Ланкастер, несмотря на свои богатства, не был ни толковым военачальником, ни ловким политиком, к тому же у него было много своих врагов, и Эдуард, вновь обойдя парламент, призвал к себе в помощь обоих Диспенсеров и вернул их из ссылки. В ходе военной кампании Эдуард захватил замок Лидс в Кенте, после чего, предав казни оставшихся в живых солдат гарнизона, пошел на север. В то же время Ланкастер, собравший войско, тоже пошел на север, возможно, надеясь найти убежище у шотландцев. Однако 16 марта 1322 года он наткнулся у Боробриджа близ реки Ур, которую собирался форсировать, на армию Эдуарда, прикрывавшую единственный мост через реку. Перейти реку вброд Ланкастеру не удалось (ему помешали королевские лучники), при этом погиб один из его сподвижников – граф Херефорд. После этого войско Ланкастера стало рассеиваться, а сам он попал в плен к

---

¹⁷ Роберт Бернс так описывал этот город: «Полуразрушенный мост, церковь без колокольни, навозные кучи на каждой улице да чертовски самодовольные люди». С одиннадцатого по пятнадцатое столетие Берик тринадцать раз переходил из рук в руки: то им овладевали шотландцы, то англичане.

Эдуарду. Ланкастера в Понтефракте осудили за государственную измену. Он, должно быть, надеялся, что отделается штрафом или изгнанием в худшем случае – ведь в нем текла королевская кровь (он приходился внуком Генриху III), – но Эдуарду пришло время отомстить за смерть Гавестона, и единственным снисхождением для Ланкастера стало то, что ему отрубили голову, а не подвергли позорной и мучительной казни – волочению по земле на привязанной к лошади волокуше, повешению и, напоследок, четвертованию. Ланкастер не пользовался любовью у населения, но Эдуард и Диспенсеры были настолько непопулярны, что Ланкастера стали считать мучеником, святым, и, чтобы к его гробнице не стали стекаться люди, надеявшиеся на чудо от духовного соприкосновения со святым, у усыпальницы пришлось поставить гвардейцев, гнавших прочь тех, кто жаждал увидеть усопшего.

У французского короля Филиппа IV, вошедшего в историю как Красивый (за свою приятную внешность), и его жены Иоанны Шампанской было три сына и родившаяся в 1295 году дочь Изабелла. В 1299 году Эдуард I, стремившийся уладить с Филиппом споры о статусе Аквитании, женился на его сестре Маргарите (его первая жена умерла в 1290 году), а своего старшего сына, будущего короля Эдуарда II, обручил с Изабеллой. Свадьба Эдуарда II и Изабеллы состоялась в Булони в 1308 году, когда Эдуарду было двадцать четыре, а Изабелле тринадцать лет. Церковь разрешала девушке выйти замуж в двенадцать лет, но на практике полагалось, что девушке лучше пойти под венец, достигнув половой зрелости. Неизвестно, удовлетворяла ли этому условию Изабелла, когда выходила замуж, но если нет, то, должно быть, существовало необходимое объяснение ее несомненно вынужденной поспешности. Как бы там ни было, Изабелла подарила мужу первенца (будущего короля Эдуарда III) в 1312 году, когда ей было семнадцать. Эдуард II, по всей видимости, выполнял свои династические обязанности от случая к случаю, но тем не менее Изабелла в 1316 году родила Иоанна, а затем и двух дочерей – Элеонору в 1318-м и Иоанну в 1321 году. Вероятно, Изабелла была оскорблена и унижена, заметив, что ее муж отдает предпочтение Гавестону, в частности, когда обнаружила, что фаворит короля не только носит бриллианты, подаренные Эдуарду ее отцом ко дню свадьбы, но и ее личные драгоценности, привезенные ею с собой из Франции. Несмотря на эти обиды и оскорбления, она поддерживала Эдуарда II, хотя и жаловалась порой, что у нее не хватает средств, в то время как Гавестон то и дело сорит деньгами. Начиная с восемнадцатого столетия историки осуждали Изабеллу, называя «французской волчицей». Ей приписывали супружескую измену, выступления против мужа и даже содействие его гибели. Возможно, эти обвинения правомерны, и все же в последнее время историки стали относиться к ней по-другому, выдвигая на первый план ее трагическую судьбу. Все-таки большую часть замужества Изабелла была верной женой и поддерживала Эдуарда II. Она сопровождала его в военных кампаниях (почти всегда неудачных), а в нескольких случаях ей даже вверяли Большую государственную печать. Изабелла была образованной женщиной, хорошо разбиралась как во внутренней, так и во внешней политике. Как дочь французского короля Филиппа IV, а после его кончины в 1314 году как сестра вошедшего на престол его сына Людовика, Изабелла осознавала свое высокое положение и вела себя с демонстративным достоинством наперекор пренебрежению грубого мужа.

Возможно, не красило Изабеллу и то, что она сообщала своему отцу Филиппу IV о супружеских изменах жен двух своих братьев при попустительстве жены третьего брата, но, должно быть, она знала, что если утаит эти сведения, то может и сама вызвать гнев отца и столкнуться с тягостными последствиями. Женой брата Изабеллы Людовика была Маргарита Бургундская, а женой другого брата, Карла, – Бланка Венгерская. Обе эти особы при содействии Иоанны Бургундской, жены Филиппа (ее третьего брата), состояли в любовной связи с французскими рыцарями, братьями Филиппом и Готье д'Оне. Всех пятерых по распоряжению короля взяли под стражу. Братьев пытали, пока они не признались в преступной любовной связи, один с Матильдой, а второй – с Бланкой, после чего их публично кастрировали (бросив гениталии собакам), а потом обезглавили. Маргариту и

Бланку поместили в Шато-Гайар, назначив им пожизненный срок заключения, а Иоанну посадили под домашний арест.

Значимость Изабеллы в английской истории вряд ли стоит оценивать по отдельным поступкам (которые можно как оправдать, так и найти довольно неблагоприятными), главное – оценить ее роль в развязывании Столетней войны. Отношения Эдуарда II с Гавестоном хотя и коробили Изабеллу, но несколько не угрожали ни ее правам на движимое и недвижимое имущество, ни ее безопасности, а вот отношения Эдуарда с Диспенсерами угрожали и тому и другому. До возвышения этих самонадеянных фаворитов Изабелла поддерживала мужа в борьбе с баронами и принимала его сторону в разногласиях с Филиппом IV и ее братьями. Сначала Изабелла терпела Диспенсеров, как до них Гавестона, но затем ее отношение к ним резко ухудшилось, и было из-за чего: Диспенсеры стали настраивать против нее короля, подозревая, что Изабелла в сговоре с врагами (что, возможно, соответствовало действительности), а затем склоняли Эдуарда II отобрать у Изабеллы ее земельную собственность как независимый источник денежных средств в условиях обострения англо-французских противоречий.

Изабелла поддерживала Эдуарда II в его внешней политике, когда в 1324 году возобновилась война в Аквитании, и даже одобрила волеизъявление мужа отправить Диспенсеров на переговоры со своим братом Карлом IV. Карл взошел на французский трон, сменив на престоле своего брата Филиппа V, который умер от дизентерии, не оставив прямого наследника. Карл хорошо относился к сестре, но полагал, что ею можно манипулировать, чтобы оказывать с ее помощью желательное воздействие на Эдуарда II.

Изабелла осознавала, что Диспенсеры относятся к ней враждебно, но, будучи умной женщиной, не подавала виду, что недовольна их влиянием при дворе. Более того, уезжая во Францию, она мило просталась с Хью-младшим, а из Парижа писала ему дружеские учтивые письма. В разговорах со своим братом Карлом Изабелла искренне хотела наладить англо-французские отношения и добиться приемлемого решения для обеих сторон.

Англо-французские разногласия касались в первую очередь формы оммажа, договора между сеньором (королем Франции) и вассалом (королем Англии). Английский король как вассал французского короля был обязан платить сеньору феодальную подать за право владеть континентальными землями, которые Франция согласилась передать в управление англичанам. «Простой оммаж» этим и ограничивался, но французский король настаивал на «тесном оммаже», согласно которому английский король должен еще и служить французскому королю. Английские монархи считали такую форму оммажа совершенно недопустимой.

Когда Эдуарду II пришло время платить французскому королю феодальную подать, он решил отправиться во Францию сам, но Диспенсеры, опасаясь, что в отсутствие короля их положение при дворе может поколебаться, уговорили его самому не ездить, и Эдуард принял решение – возможно, по настоянию Изабеллы – послать вместо себя старшего сына, принца Уэльского, передав ему во владение французские земли с надлежащими титулами. Надо думать, Изабелла действительно повлияла на мужа. Возможно, она собиралась уладить англо-французские отношения, а может, хотела таким образом лишний раз утвердить наследственное право своего старшего сына на английский престол. Как бы там ни было, 12 сентября 1325 года двенадцатилетний Эдуард, принц Уэльский, отплыл из Дувра во Францию вместе со свитой, состоявшей из двух епископов и нескольких рыцарей, и 24 сентября в Венсене заплатил своему дяде Карлу IV феодальную подать.

Добившись передачи английских земель во Франции старшему сыну и уладив англо-французские разногласия, Изабелла, находившаяся в то время в Париже, могла вместе с ним возвращаться домой. Но она под разными предлогами тянула с отъездом, пока Эдуард II не принялся настаивать на ее немедленном возвращении. Тогда Изабелла дала ясно понять, что вернется в Англию лишь тогда, когда король отправит Диспенсеров в ссылку. В то время с Изабеллой стали сводить знакомство аристократы, высланные из Англии или просто недовольные английской действительностью и уехавшие из страны по собственному почину.

Об этих знакомствах сообщали Эдуарду как посланные им во Францию люди, которым он поручал вернуть Изабеллу в Англию, так и кое-кто из окружения самой Изабеллы, кого она отсылала домой, ибо не могла более содержать в связи с отсутствием средств, не пополнявшихся Эдуардом. Правда, брат Карл II охотно платил по ее счетам, но затем разразился скандал, в котором оказалась замешана Изабелла при участии Роджера Мортимера.

Роджер Мортимер родился в 1287 году в весьма богатой семье, владевшей землями в Южной Англии, Мидленде, Ирландии, Уэльсе и в пограничных районах между Англией и Уэльсом. Когда в 1304 году умер отец, опека Роджера до его совершеннолетия по велению Эдуарда II была поручена Гавестону. Опека эта была исключительно выгодной, ибо весьма значительные доходы с его поместий опекун мог использовать для собственных нужд. В 1306 году, достигнув совершеннолетия, Роджер заплатил Гавестону за попечительство над ним 2500 марок (140000 фунтов по нынешним ценам в пересчете на стоимость серебра).

Когда Роджер достиг совершеннолетия и вступил во владение своими поместьями, Эдуард I произвел его в рыцари. В дальнейшем Мортимер принимал участие в коронации Эдуарда II, служил в Аквитании, участвовал в подавлении восстания в Уэльсе, два срока занимал должность верховного судьи в Ирландии, где вершил правосудие с таким же успехом, с каким миротворец может блюсти порядок в стране, где не существует законов.

В 1320 году Мортимер примкнул к баронам Уэльса, организовавшим вооруженный отпор Диспенсерам, стремившимся расширить в Уэльсе свои владения за счет угодий местных землевладельцев. Разумеется, Диспенсеров раздражало это сопротивление, к тому же Диспенсер-младший ненавидел Роджера Мортимера и считал, возможно, обязанностью (как при обычае кровной мести, бытующем у пуштунов) отомстить Роджеру за гибель деда, погибшего от руки сородича Мортимера в битве при Ившеме в 1265 году. Начавшаяся война, развязанная баронами, недовольными произволом Диспенсеров, длилась недолго: 16 марта 1322 года королевская армия разбила войско баронов в решающей битве при Боробридже. Но еще раньше, 23 января, Роджер и его дядя Роджер Мортимер Кирк попали в плен к королю в битве при Шрусбери. Их присудили к смерти, но им удалось избежать страшной участи многих других повстанцев, попавших в плен: казнь заменили пожизненным заключением в Тауэре. В заключении Роджер пробыл недолго: подобно герою Джона Бьюкена, 1 августа 1323 года, воспользовавшись нерадивостью стражников, бежал из тюрьмы, на лодке переправился через Темзу, на купленной или украденной лошади добрался до Дувра, пересек на корабле Английский канал и появился при дворе Карла IV, который радушно его принял. Во Франции Роджер сошелся с людьми, изгнанными из Англии. Часть этих людей проводила время при дворе французского короля, а часть – при дворе графа Эно, владельца пограничной области с Фландрией. А вот дядя Роджера так и остался в Тауэре, где и умер в 1326 году, когда ему было семьдесят.

Пробыв в Париже около года, Роджер перебрался в Эно, где стал собирать войско и деньги для вторжения в Англию. Его поддерживал граф Эно, а из Англии поступали сведения от баронов, недовольных произволом Диспенсеров, уверявших, что, если Мортимер вторгнется в Англию, они поднимут мятеж и помогут ему. Изабелла, вероятно, впервые встретилась с Мортимером на похоронах престарелого графа Валуа, когда Мортимер приехал в Париж в свите графини Эно. И Мортимер, и Изабелла ненавидели своекорыстных Диспенсеров, и им было прямо-таки суждено встретиться, тем более что Мортимер постоянно поддерживал связь с английскими эмигрантами, недовольными правлением Эдуарда II, группировавшимися в Париже вокруг Изабеллы.

Отношения Изабеллы и Роджера не ограничивались общностью политических интересов, и самое позднее в начале 1326 года они стали любовниками. Если в ту пору для женатых мужчин иметь любовницу было нормой (добавим в оправдание Роджера, что к тому времени он был по меньшей мере три года разлучен с женой), то адюльтер для замужних дам считался подлинным преступлением, а уж для королевы и вовсе мог обернуться крайне нежелательными последствиями. Знала ли Изабелла о возможных опасностях, которые

могли обрушиться на нее за супружескую неверность, точно неизвестно, но даже если и знала, Изабеллу можно понять: король уделял ей слишком мало супружеского внимания, предпочитая проводить время с Диспенсерами. Когда Роджер познакомился с Изабеллой, она была привлекательной тридцатидвухлетней женщиной, блиставшей при французском дворе. Роджер был на восемь лет старше, то есть вполне подходил ей по возрасту, но самое главное – обладал теми качествами, которые отсутствовали у Эдуарда II: обаянием и любовью к искусству. Мы не вправе обвинять Изабеллу и Роджера, но в свое время они вели рискованную игру.

Эдуард II быстро узнал об их отношениях и умножил свои попытки вернуть в Англию сына, пусть даже без матери. Он писал французскому королю, папе римскому, сыну, но все его усилия были тщетными. Тем временем стали распространяться слухи о возможном вторжении в Англию войска Роджера Мортимера, и летом 1326 года Эдуард II начал собирать армию, организовал патрулирование английских прибрежных вод, привел береговую оборону в боевую готовность, прибрал к рукам какие было возможно землевладения Изабеллы и конфисковал ее деньги, помещенные в Тауэр. Он также пытался арестовать мать Мортимера, но та заблаговременно скрылась. В июле 1326 года Эдуард, не сумев привлечь на свою сторону Карла IV, объявил войну Франции.

В конце концов обращения Эдуарда к папе римскому, в то время обитавшему в Авиньоне, принесли определенные результаты. Иоанн XXII, стремясь наладить добрые отношения между англичанами и французами, поручил нунциям устроить переговоры между Изабеллой и ее мужем. Он осудил адюльтер Изабеллы и сообщил об этом Карлу IV. Карлу изменила жена, поэтому он сочувствовал Изабелле, своей сестре, но все же решил удалить ее от себя, однако сделал это, по всей видимости, деликатно, уведомив ее загодя, что было бы неплохо ей покинуть Париж. Кроме того, он разрешил Изабелле взять с собой все ее сбережения. Возможно, в то время (если только не раньше) она поняла, что, хоть Диспенсеры и остаются ее врагами, главный противник – муж Эдуард, король Англии. Сбежав из Тауэра, Роджер неизменно стремился свергнуть Эдуарда II, и Изабелла хотела ему помочь в этом, тем более что с ней находился сын короля, принц Уэльский. Роджер и Изабелла отправились из Парижа в Понтье, графство, принадлежавшее Изабелле, а оттуда в августе 1326 года перебрались в Эно.

В Эно принц Уэльский обручился с Филиппой, дочерью графа, а в распоряжение Изабеллы поступили деньги, солдаты и корабли. Роджер тоже не сидел сложа руки: начал собирать войско – и солдаты, им завербованные, вместе с людьми, выделенными графом Эно, стали стекаться в Дордрехт, портовый город юго-восточнее Роттердама. В войске не было французских солдат: Карл IV в то время воевал в Аквитании, – но даже если бы и оказался хоть один, английские бароны не поддержали бы Мортимера. Эдуард II был прекрасно обо всем осведомлен и 2 сентября приказал графу Норфолку перевести из Восточной Англии две тысячи солдат в Оруэлл (в Саффолке), чтобы защитить этот порт от вторжения неприятеля. Доподлинно неизвестно, почему Эдуард решил, что местом высадки войска Мортимера станет именно Оруэлл: возможно, донесла разведка, а может, просто пришел к мысли, что флоту из Дордрехта удобнее всего пойти в Оруэлл, но, как бы там ни было, граф Норфолк королевский приказ не выполнил и перешел на сторону Изабеллы. Похоже, Эдуард не следил, как выполняется его воля.

22 сентября 1326 года армия Изабеллы и Роджера на девяти кораблях вышла в море. Эта армия главным образом состояла из фламандских, немецких и богемских наемников, но было в ней и некоторое число добровольцев, надеявшихся извлечь выгоду из войны, а также группа английских эмигрантов и людей Эдуарда, посланных им во Францию, но перешедших на сторону Изабеллы. Сведения о количественном составе этого войска расходятся: от 2757 (согласно данным хрониста Уолсингема) до 500 человек (согласно «Хронике Мо»), но, исходя из вместимости девяти кораблей (на которых отводились также места для тягловых лошадей и необходимого снаряжения), можно предположить, что эта армия состояла примерно из полутора тысяч человек. Даже по средневековым понятиям

это была небольшая армия, но Изабелла рассчитывала, что, как только они с Роджером высадятся на английской земле, их поддержат бароны, недовольные правлением Эдуарда. Кроме того, Роджер и Изабелла, вероятно, заключили тайный договор с Робертом Брюсом (шотландским королем Робертом I), согласно которому Брюс взял на себя обязательство не вторгаться на английские земли, пока Эдуард II не будет свергнут с престола.

На деле низложить короля оказалось гораздо легче, чем полагали. Преодолев шторм на море, бушевавший два дня, 24 сентября Роджер и Изабелла высадились неподалеку от Оруэлла, не встретив сопротивления королевского флота. То ли кораблей Эдуарда не оказалось поблизости, то ли его монаршая воля опять не была исполнена. К тому времени большинству английских аристократов произвол Диспенсеров надоел; также стало понятно, что Эдуард не склонен менять сложившиеся порядки. Пришло время заменить нестоящего монарха на его сына. Многие современники Изабеллы были расположены к ней и считали, что она несправедливо обижена и что король перед ней более грешен, чем она перед ним. Общественное мнение вскоре составилось в ее пользу, и все больше и больше баронов переходили на ее сторону, ослабляя королевскую армию. Диспенсеры вместе со своими сторонниками бежали в Уэльс, где рассчитывали на помощь арендаторов. Их это не спасло: 26 октября армии Изабеллы и Роджера сдался Бристоль, и Диспенсер-старший оказался в плену. Его обвинили во множестве преступлений и на следующий день предали смерти, после чего его голову отправили в Винчестер¹⁸ на всеобщее обозрение.

Не миновала страшная участь и Диспенсера-младшего: 16 ноября их с королем Эдуардом пленили в Ллантрисанте, неподалеку от Кайрфилли. Примечательно, что они были взяты в плен Генрихом Ланкастером, братом Томаса, казненного в 1322 году после битвы при Боробридже. Хью Диспенсера-младшего перевезли в Херефорд, где осудили на смерть за государственную измену, ересь и гомосексуализм, после чего Хью повесили на пятнадцатифутовой виселице (не доведя до удушения), а затем кастрировали и разрубили на части. Короля отправили в Кенилуорт и 20 января принудили отречься от престола в пользу старшего сына, который и был коронован 1 февраля, войдя в историю как Эдуард III.

Свергнутого с престола Эдуарда отправили в замок Беркли. Имевшие место попытки освободить его из неволи успехом не увенчались. Наконец на парламентской сессии в Линкольне объявили, что Эдуард скончался 21 сентября 1327 года. Доподлинно неизвестно, действительно ли Эдуард умер в тот день, а потому время и обстоятельства его смерти до сих пор интересуют историков. Говорили, что смерть Эдуарда вызвана «естественными причинами», но это сомнительно, ибо ему было всего сорок три года. В то же время ходили слухи, что Эдуарда похитили (по другой версии, он сбежал). Наконец, поговаривали, что Эдуарда убили, и даже называли способ убийства: несчастному засунули в задний проход раскаленную докрасна кочергу (по другой версии – такого же свойства вертел). Но это скорее свидетельствует о том, что Эдуарда считали гомосексуалистом. Да и ожоги от кочерги или вертела были бы обнаружены при бальзамировании усопшего. Скорее похоже на то, что Эдуарда попросту задушили, не оставив явных следов на теле. А в подтверждение, что Эдуард не сбежал и не был похищен, тело бывшего короля 22 октября выставили в Глостере на всеобщее обозрение. Там его и похоронили в присутствии Изабеллы и нового короля Эдуарда III¹⁹. 30 января 1328 года Эдуард III женился на Филиппе, дочери графа Эно. Ей было шестнадцать лет, и, по словам хрониста Фруассара, она к тому времени стала «сформировавшейся женщиной», достигшей половой зрелости. Эдуард III был счастлив в браке, по крайней мере до той поры, когда начал изменять жене. Но, к слову, у него и в первые годы брака было мало времени для семейной идиллии: слишком много забот при управлении государством.

---

¹⁸ Диспенсер-старший был графом Винчестером. Согласно «Хронике Ланеркоста», его казнили в девяностолетнем возрасте, что маловероятно.

¹⁹ Иэн Моргиммер пишет, что Эдуард II не умер в 1327 г., а с того времени в течение многих лет под чужим именем жил в Италии (Mortimer, «The Perfect King: The life of Edward III»).

Глава вторая Притязание на престол

Одна из главных проблем, с которой столкнулся Эдуард III после своего восшествия на престол, исходила от напряженных отношений с Шотландией. Роберт Брюс сдержал свое обещание не вторгаться в английские земли во время военной кампании Изабеллы и Мортимера, но после свержения с престола Эдуарда II перестал считать себя связанным данным ранее обещанием, и отряды неугомонных шотландцев то и дело совершали набеги на английские пограничные территории. Придя к мысли, что сумеет укрепить свой престиж короткой победоносной войной, Эдуард вместе с Изабеллой и Мортимером стал собирать армию в Йорке, но ее формированию мешали постоянные распри между английскими лучниками и фламандскими солдатами из Эно. Подогревавшиеся эндемической неприязнью англичан к иностранцам, распри вылились в открытое вооруженное столкновение, в ходе которого лучники стреляли в любого, кто был похож на иностранца. Когда порядок в Йорке был восстановлен, оказалось, что в результате несурового столкновения poleglo около трехсот человек, главным образом выходцев из Эно.

Возможно, это было предзнаменованием неудачи, но его не приняли во внимание, и начавшая военную кампанию против непокорных шотландцев английская армия медленно продвигалась по негостеприимной земле под частыми утомительными дождями, пытаясь обнаружить противника, не стремившегося сражаться в открытом бою. Кампания закончилась отступлением изнуренной английской армии. Говорят, что пришедший в ярость Эдуард III даже плакал от крушения своих планов.

А вот для Изабеллы и Мортимера стало во всех отношениях очевидно, что шотландцев бесповоротно не победить. Даже успешные войны с северными соседями, которые вел Эдуард I, к окончательной победе не приводили. Оправившись от тягостных поражений, шотландцы возобновляли борьбу, и их новые набеги на английские земли и следовавшие за ними карательные экспедиции англичан болезненно опустошали казну английского короля и другие государственные ресурсы.

Вероятно, исходя из этих соображений, Эдуард III в мае 1328 года пришел к заключению с шотландцами Нортгемптонского договора, который признавал независимость Шотландии, а Роберта Брюса – ее королем, и, соответственно, аннулировал сюзеренитет Англии над Шотландией (провозглашенный английскими королями после норманнского завоевания Англии). По этому договору, англичане также соглашались вернуть шотландцам их национальные ценности, в том числе Черный крест (щепу, которая, как считали шотландцы, являлась частью креста Распятая), Рагманский свиток (пергамент с записью о подчинении шотландцев королю Эдуарду, скрепленный печатями наиболее могущественных шотландских дворян) и Скунский камень. Кроме того, Эдуард III дал согласие на брак Иоанны, семилетней дочери Изабеллы, с Давидом, четырехлетним сыном Роберта Брюса. Взамен Роберт Брюс согласился выплатить компенсацию в размере 20000 фунтов (1650000 фунтов по нынешнему курсу в пересчете на серебро) за ущерб, который понесли англичане в результате шотландских набегов на английскую территорию. Роберт Брюс также обязался поддерживать Англию в борьбе с любыми врагами, за исключением Франции. Других врагов в те времена у Англии не было, поэтому это обещание ни к чему не обязывало.

Заклучив договор с шотландцами, Эдуард III, хотя и был молод, принял стратегически правильное решение. Раз шотландцев нельзя подчинить, надо предоставить им то, что они хотят получить за установление мира с Англией, и объединить две короны путем матримониального соглашения. К тому же теперь при очередном конфликте с французами он мог не страшиться войны на два фронта. Однако договор этот вызвал недовольство баронов, терявших в Шотландии собственность. «Лишенные наследства», как они себя называли, считали позорным подписанный с шотландцами договор, а Эдуарду приписывали государственную измену. Недовольство договором с шотландцами проявили и простолюдины. Так, в Лондоне толпа воспрепятствовала аббату Вестминстера передать

Скунский камень шотландцам.

Встретив такое отношение к договору, Эдуард стал утверждать, что соглашение, достигнутое с шотландцами, – дело рук его матери Изабеллы, с которой он был вынужден согласиться, и в доказательство своего осуждения договора отказался присутствовать на церемонии вступления в брак Давида и Иоанны. В то же самое время популярность Изабеллы у англичан стала идти на убыль, и вместе с этим пошатнулась и репутация Мортимера.

В 1328 году скончался Карл IV, последний французский король из династии Капетингов, правившей более трехсот лет. Все три сына Филиппа IV (Людовик, Филипп и Карл), по очереди побывавшие на престоле, не оставили после себя наследника, но у Филиппа IV была дочь Изабелла, и она после кончины отца послала своих эмиссаров в Париж, чтобы заявить о правах на престол. Это и стало первопричиной Столетней войны.

Когда Карл IV был при смерти, его супруга вот-вот должна была родить ребенка, и король объявил, что если родится мальчик, то он и будет ему наследовать, а если девочка, то сменить его на престоле должен тридцатипятилетний Филипп Валуа, граф Анжу и Мена, сын Карла Валуа, приходившегося братом Филиппу IV. Спустя два месяца, в мае 1328 года, когда ребенок еще не родился, Филипп Валуа созвал ассамблею из тщательно подобранных делегатов, чтобы решить, кому занять французский престол. Притязания Филиппа основывались на том, что он был внуком одного французского короля и кузеном трех других французских монархов. В то же время мать Эдуарда III Изабелла была дочерью короля (Филиппа IV) и сестрой тех же трех монархов, которым Филипп Валуа приходился кузеном. Таким образом, если бы преемственность на трон решалась ближайшим родством к усопшему королю, то права Изабеллы на французский престол были бы предпочтительнее. Однако еще ни разу во Франции не правила женщина. Согласно так называемому «салическому закону» (сборнику права, принятому в шестом столетии Меровингами, династией франков), женщина на французский престол взойти не могла. (Правда, на ассамблее к этому закону не обращались – на него стали ссылаться гораздо позже, в другое время.) Но представители Изабеллы, епископы Орлетон и Нортборо, заявили на ассамблее, что нет легального основания для ее исключения из числа претендентов на трон. Они напомнили, что в Венгрии и Богемии правили королевы из боковой ветви династии Капетингов. Затем представители Изабеллы добавили, что если существует правомерное основание, запрещающее войти на французский трон женщине, то эта причина не может иметь отношения к ее сыну, ближайшему родственнику-мужчине Филиппу IV.

Однако доводы Орлетона и Нортборо не увенчались успехом. Французская знать не хотела видеть на троне ни Изабеллу, ни ее пятнадцатилетнего сына. Мало того что Эдуард был англичанином, он был еще слишком молод и мог попасть под влияние матери и ее фаворита Роджера Мортимера, подозрительной личности. Филипп Валуа, с другой стороны, находился в расцвете сил и принадлежал к одной из наиболее знатных французских семей. Поэтому представители Изабеллы не нашли поддержки на ассамблее и королем Франции был провозглашен Филипп Валуа, вошедший в историю как Филипп VI. Кроме того, Филипп решением ассамблеи стал бургомистром Брюгге взамен смещенного, имевшего неосторожность призывать своих земляков поддержать Эдуарда и в назидание другим повешенного.

Изабелла никогда не отказывалась ни от собственных, ни от притязаний своего сына на французский престол, но во время проведения ассамблеи у нее не было реальной возможности повлиять на решение. Вторжение в Англию и смещение законного короля, в чем Изабелле помогал ее фаворит Роджер Мортимер, не пользовавшийся любовью у населения и обосновавшийся при дворе английского короля, и, наконец, непопулярность заключенного с шотландцами договора привели постепенно к умалению ее доброго имени. Регентский совет королевства, проводивший свои решения от имени Эдуарда, обходился без Изабеллы и Мортимера. Как королева-мать Изабелла еще, конечно, имела право высказывать свои пожелания регентскому совету, а вот Мортимер никак не мог влиять на его действия и

оставался в тени, стараясь добиваться нужных ему решений от короля с помощью Изабеллы.

Когда Филипп VI потребовал от английского короля заплатить феодальную подать за землепользование в Аквитании и Понтье, пригрозив, что в противном случае он вторгнется в Аквитанию, Изабелла поначалу решила, что Эдуарду следует отказаться, но после того как Филипп стал присваивать доходы от торговли вином, Эдуард в 1329 году приехал во Францию и в Амьенском соборе заплатил феодальную подать французскому королю. Этот акт, казалось, должен был воспрепятствовать дальнейшим притязаниям английских монархов на французский престол, но позже английская сторона заявила, что Эдуард не приносил клятвы верности французскому королю и заплатил феодальную подать по принуждению, в связи с *force majeure*²⁰. Однако в 1329 году ни Изабелла, ни Эдуард настаивать на своих притязаниях на французский престол возможности не имели.

Правление Изабеллы и Мортимера, которое англичане поначалу встретили с одобрением как пришедшее на смену деспотичному правлению Эдуарда II, постепенно стало вызывать недовольство у населения, ибо оно принимало ту же форму стяжательства и насилия, которой придерживался прежний король вместе с ненавистными всем Диспенсерами. Изабелла оказывала влияние на нового короля, а на нее оказывал влияние Мортимер. Доходы Изабеллы значительно увеличились за счет землевладений королевы Филиппы, которыми управляла ее свекровь. Расширил свои владения и Мортимер за счет пограничных земель между Англией и Уэльсом.

Изабелла была умной и прозорливой женщиной и хорошо понимала, что главное недовольство баронов при правлении ее мужа вызывал произвол фаворитов, ненасытных Диспенсеров, и ей бы следовало унять амбиции своего фаворита Роджера Мортимера, но сделать она этого не могла – видимо, сильно зависела от его благосклонности. Даже когда Мортимер спровоцировал Эдмунда, графа Кента, ввязаться в обреченный на неудачу заговор, имевший целью освободить находившегося в заключении Эдуарда II, а затем приказал казнить заговорщика, Изабелла не смогла пресечь действия своего фаворита. И когда пошел слух, что Изабелла беременна, Эдуард III решил, что пора отрешиться от влияния матери, выполнявшей указания Мортимера.

15 июня 1330 года в Вудстоке, где в то время находился двор короля, королева Филиппа родила сына, известного в истории под именем Черный Принц. Летом того же года король и его придворные переехали в Ноттингем, и Мортимер выпустил предписание о созыве государственного совета, пригрозив наказанием приглашенным на этот совет баронам, если они не явятся. Можно только догадываться о том, какую цель преследовал Мортимер, но он, безусловно, знал, что не пользуется расположением у дворян, и, конечно, учитывал, что в скором времени совершеннолетие короля (у которого к тому же появился наследник) и потому Изабелла (а вместе с нею и он сам) может лишиться власти, если только не сумеет (даже путем угроз) заставить совет продлить ее властные полномочия.

Замок Ноттингем, возведенный Вильгельмом I, был огромным вместительным зданием, но Мортимер уведомил баронов, приехавших на совет, что в замке поселятся лишь король, Изабелла, он сам и охранники, а баронам предложил поселиться в городе, чем до крайности их обидел. Должно быть, Мортимер за стенами мощного укрепления чувствовал себя безмятежно, к тому же и Изабелла побеспокоилась об их безопасности: она сменила замки на воротах и двери в главную башню замка (где разместился король) и каждую ночь, проверив бдительность караула и убедившись, что двери заперты, забирала ключи с собой. Но это не помогло. Ночью 19 октября 1330 года сторонники короля во главе с комендантом замка, заранее поставившим своих людей в караул, проникли по подземному ходу в главную башню замка, где их встретил король, который указал, где находятся комнаты Изабеллы и Мортимера. В то время Мортимер разговаривал с канцлером, епископом Линкольна. Сторонники короля ворвались в его комнату и в завязавшейся драке убили двух телохранителей Мортимера, а его самого вместе с епископом препроводили в подземный

---

²⁰ Форс-мажор, чрезвычайные обстоятельства (*фр.*).

ход.

Говорят, Изабелла, обращаясь по-французски к своему сыну, кричала, чтобы тот пощадил Мортимера. Но это странно – ведь она была в другой комнате и не могла видеть, что захватом ее любовника руководил Эдуард. На следующий день арестовали сторонников Мортимера, а король собрал парламент в Вестминстере и объявил, что впредь сам будет управлять государством, советуясь с наиболее уважаемыми людьми.

В ноябре 1330 года парламент, собравшись в Лондоне, приговорил Мортимера и двух его ближайших сторонников к смертной казни. 29 ноября Мортимера доставили в Тайберн на привязанной к лошади волокуше и предали казни через повешение. В сочельник та же участь постигла двух его сподвижников. Все трое были избавлены от более мучительной смерти, и всех троих разрешили похоронить по католическому обряду. Эдуард приложил все усилия для того, чтобы Мортимера судили без упоминания имени Изабеллы. Так и вышло, и Изабеллу, отстранив от государственных дел, отправили в замок Райзинг, определив ей хорошее содержание. После расправы над Мортимером были предприняты некоторые попытки найти людей, причастных к убийствам Эдуарда II и графа Кента, но все подозреваемые бежали из Англии, за исключением хозяина замка Беркли, где Эдуарду II пришел конец. Владельца замка судили, но оправдали. Не в пример своему отцу, Эдуард III был снисходительным человеком, и в установленном порядке многие сторонники Мортимера были помилованы, им возвратили их земли и титулы.

Эдуарду III предстояло устранить беззакония, имевшие место при Эдуарде II и во время правления Изабеллы и Мортимера. Многих должностных лиц сместили с их постов, но через короткое время тех, кто был пригоден к административной работе, восстановили в должности. Земельные наделы, пожалованные некоторым дворянам от имени Эдуарда III (а на самом деле преподнесенные в дар Изабеллой и Мортимером), были изъяты. Кроме того, Эдуард ужесточил законы, запрещавшие поединки, неофициальные рыцарские турниры и ношение оружия на парламентских сессиях. Однако там, куда не доходили руки монарха или правительства, обычным делом был бандитизм, а в судебной системе процветало мздоимство. Бытовала практика выставления напоказ частей расчлененных тел казненных за выступление против верховной власти, дававшая ясно понять, чем чреват неправильный выбор партии в политическом калейдоскопе событий. Бароны содержали частные армии и распоряжались ими по своему усмотрению, порой примыкая к тому военному деятелю, чья звезда восходила на политическом небосклоне.

Не имеет значения, зачем Эдуард III стремился развязать войну с Францией: возможно, полагал, что она принесет английской короне и стране в целом значительные доходы, а может, и вправду считал, что имеет по праву наследования веские основания для того, чтобы занять еще и французский престол. В любом случае представляется очевидным, что уже в относительно скором времени после удаления Изабеллы он решил начать войну с Францией. Но для этого следовало обезопасить тыл, предотвратив набеги шотландцев на английскую территорию.

Эдуарду понадобилось четыре кампании, чтобы утихомирить шотландцев, и каждый раз ему приходилось выставлять их агрессорами, иначе, если бы агрессором сочли английскую сторону, ему бы пришлось вернуть шотландцам двадцать тысяч фунтов, полученных по Нортгемптонскому договору и потраченных Изабеллой на свои нужды. Вначале Эдуард действовал с помощью «лишенных наследства» баронов, оказавшихся без своих землевладений в Шотландии по Нортгемптонскому договору. Они под предводительством Эдуарда Балиола, сына низложенного шотландского короля Давида Балиола, собрали армию и высадились в Шотландии. Эдуард III публично осудил эти военные действия, запретил движение армии Балиола по территории Англии и даже конфисковал поместья баронов, принявших участие в экспедиции (через месяц вернув их собственность). В то же самое время Эдуард III согласился заплатить феодальную подать французскому королю за землевладения в Аквитании и Понтье, пообещал заключить с французской королевской фамилией матримониальные соглашения и согласился

отправиться вместе с Филиппом VI в Крестовый поход.

В то время Шотландия находилась в раздробленном состоянии, и центральную власть в стране пытались наладить регентство при шестилетнем короле Давиде Брюсе. В этих условиях армия Балиола легко добилась успеха, и, хотя ему не удалось завоевать всю Шотландию, в сентябре 1332 года он взойшел на шотландский престол, пообещав Эдуарду III выплачивать феодальную подать за всю страну. Давид со своим двором спешно бежал во Францию, и стало ясно, что обещание англичан не нападать на Шотландию было всего лишь фарисейством. Тем временем папа римский, стараясь предотвратить войну между двумя крупнейшими державами христианского мира, пообещал французскому королю обложить налогами священнослужителей, чтобы, собрав необходимые деньги, организовать Крестовый поход. Французы и англичане находились в относительном мире между собой (французы провели лишь несколько налетов на Нормандские острова, да еще их небольшой конный отряд высадился в Шотландии).

В 1333 году активизировались шотландцы. Они захватили Берик и стали отсюда совершать рейды на английские земли. Эдуард объявил, что шотландцы нарушили Нортгемптонское соглашение, выступил против них с армией и разбил наголову в сражении при Халидон-Хилле. Для усмирения шотландцев этого не хватило, и в 1334, 1335 и 1336 годах Эдуард провел еще три кампании, завершив свой поход в гористом Хайленде (так далеко в глубь страны не продвигался даже Эдуард I), причем на этот раз английский король умудрился не допустить развязывания шотландцами партизанской войны.

Филипп VI пришел к мысли, что английский король не собирается соблюдать Нортгемптонское соглашение, да и участвовать в Крестовом походе тоже. Эти суждения французского короля были подтверждены Робером Артуа, бежавшим из Франции и нашедшим себе прибежище при дворе Эдуарда III.

Робер Артуа был одним из ближайших друзей и советников Филиппа VI, теперь же он стал его заклятым врагом. Когда герцог Артуа, отец Робера, умер в 1299 году, герцогство перешло не к четырнадцатилетнему Роберу, а к престарелой сестре почившего герцога. Робер с этим, разумеется, не смирился, но ни уговоры, ни тяжбы, ни подкуп должностных лиц, ни шантаж, ни прямые угрозы не помогли. Робер женился на сестре дофина Филиппа, а когда тот взойшел на французский престол, стал одним из его советников. Робер пытался убедить Филиппа VI конфисковать герцогство Артуа до рассмотрения его, Робера, притязаний. К несчастью для Робера, в 1339 году его тетка скончалась, и герцогство перешло к герцогине Бургундской, имевшей более высокое положение в обществе по сравнению с теткой Робера благодаря своему супругу, одному из наиболее знатных и могущественных французских дворян. Робер подал в суд, чтобы отстоять свои притязания, но поданные им документы признали фальшивыми. Филипп VI пришел в ярость, решив, что его одурачили, и теперь уже самому Роберу грозил суд. Робер бежал в Нидерланды, откуда сыпал угрозами Филиппу VI: обязался поднять мятеж или погубить колдовством всю семью французского короля. В ответ Филипп конфисковал его земли и приказал найти и схватить. В 1334 году Робер прибыл в Англию и появился при королевском дворе, где его встретили с интересом, но не более. В то время Эдуард III не собирался конфликтовать с Францией, и он повелел Роберу Артуа не оскорблять Филиппа VI.

К 1336 году положение изменилось. Эдуард обеспечил безопасность своих северных территорий и заключил ряд союзов со странами, граничившими с французами, но находившимися в вассальной зависимости не от Филиппа VI, а от Людовика IV²¹, императора Священной Римской империи, отчасти потерявшего святость, но не могущество, после того как его отлучили от Церкви. Надежность этих союзов зависела от географической удаленности союзников англичан от проводившей собственную политику Франции. Германские государства, граничившие с Францией по Маасу, полностью одобряли союзный договор с Англией, а вот Фландрия, географически примыкавшая к Франции, заключила

---

²¹ Возможно, правильнее не «Людовик IV», а «Людвиг IV Виттельсбах».

союз с англичанами с меньшим энтузиазмом, да и согласилась с инициативой английского короля лишь по той причине, что опасалась, что в ином случае англичане перестанут поставлять в страну шерсть, основное сырье для местной промышленности.

С 1309 года папы римские держали свою резиденцию в Авиньоне, на юге Франции, куда они переехали, чтобы избавиться от интриг и засилья на папском престоле представителей могущественных итальянских семей. До возвращения папской резиденции в Рим в 1378 году все папы, пребывавшие в Авиньоне, были французами, как и большинство кардиналов, получивших столь высокую должность благодаря родству с папой. Хотя юг Франции по языку и культуре значительно отличался от ее северных территорий (места пребывания короля и правительства), англичане считали, что папа римский находится в зависимости от французского короля, и потому, хотя на словах относились к папству с почтением, на деле любые мирские акции папы воспринимали со скептицизмом.

Папа Иоанн XXII был суеверным и раздражительным человеком, зато твердой рукой приумножал свои сбережения, и когда скончался (декабрь 1334 года), то оставил после себя огромные ценности. Бенедикт XII был склонен к чревоугодию и избыточным возлияниям, но имел острый политический ум. Чтобы установить мир в Европе и направить воинственную энергию французов и англичан в подходящее русло, он положил предпринять Крестовый поход и стал финансировать строительство кораблей для перевозки крестоносцев в Святую землю, которую собирался освободить от ига магометан. Однако в марте 1336 года Бенедикт XII понял, что Эдуард не собирается принимать участие в Крестовом походе, а король Франции в этом случае не оставит свою страну и тоже не отправится в экспедицию. Тогда Бенедикт освободил священнослужителей от налогов и прекратил строительство кораблей. Построенные корабли достались Филиппу и стали курсировать между Марселем и портами на побережье Ла-Манша. Англичане сочли, что такая активность французского флота является прологом к вторжению в Англию, и Эдуард начал принимать ответные меры.

Английские короли с давних пор величают себя «владыками моря», но во времена вступления на престол Эдуарда III англичане не имели ни большого боеспособного флота, ни славных морских традиций. Начиная с 1066 года, до тех пор пока король Иоанн не потерял своих землевладений во Франции, англичане все же контролировали морские коммуникации в прибрежных водах Атлантики. Корабли, курсировавшие между Бордо и английскими портами, держались береговой линии, не углубляясь в Бискайский залив. Постоянного военного флота у Англии не было. Когда возникала угроза вторжения неприятеля, флот собирался и приводился в боевую готовность; когда угроза вторжения исчезала, флот распускался.

В распоряжении Эдуарда III было всего несколько кораблей (да и то с одним штурманом, без команды). В случае военной угрозы с моря обороноспособность страны теоретически зависела от Пяти портов, союза, учрежденного в середине двенадцатого столетия распоряжением короля. Этим портам были предоставлены немалые привилегии, и в частности, право взимания таможенных пошлин. Взамен союз был обязан предоставлять английскому королю 57 кораблей на пятнадцать дней для ведения боевых действий на море. Но союз Пяти портов часто уклонялся от полноценного выполнения своих обязательств, а в число поставлявшихся кораблей нередко включал некоторое количество рыболовных судов. На практике Эдуарду III приходилось рассчитывать не на союз Пяти портов, а на Грейт-Ярмут, откуда и прибывало большинство кораблей, пригодных к войне на море.

Командование английскими кораблями было возложено на двух адмиралов – адмиралов Юга и Севера. Но эти должности занимали или военачальники, имевшие опыт военных действий только на суше, или влиятельные бароны, как правило, вообще не знавшие военного дела. Английский флот состоял в основном из когов – как представляется, преемников ладей викингов. Коги были построенными из дуба широкими, с небольшой осадкой одномачтовыми купеческими судами. Они несли прямой парус и были оснащены кормовым рулем. Коги, в зависимости от тоннажа, делились на две категории: до 10 т и до

120 т, хотя были и трехсоттонные корабли²². Оснащенные прямым парусом, коги не могли идти против ветра и характеризовались плохой маневренностью, но могли ходить по бурному морю, благодаря малой осадке подходить близко к берегу и перевозить значительное количество грузов. Большинство кораблей, комплектовавших военно-морской флот англичан, являлись стотонными когами – шестнадцать футов длиной и двадцать шириной. Они оснащались двумя надстройками и «вороньим гнездом» на мачте. Экипаж стотонного кога состоял из двадцати пяти человек, а в боевой состав входили стрелки из лука и пращники, располагавшиеся на возведенных надстройках. Тактика ведения боя была проста: протаранить корабль противника и при случае потопить или взять на бордаж и выбросить за борт команду, как живых, так и мертвых.

24 мая 1337 года Филипп VI объявил о конфискации Аквитании, сославшись на то, что Эдуард не выполняет свои вассальные обязательства и укрывает Робера Артуа. Эти действия французского короля можно считать началом Столетней войны. В ответ Эдуард послал в Нидерланды небольшое передовое соединение, чтобы оно подготовило лагерь для приема английской армии. В ноябре 1337 года из Сандвича в Нидерланды отправилось восемьдесят пять кораблей, взявших на борт двухтысячный экипаж, полторы тысячи солдат и большую партию шерсти, чтобы от ее продажи выручить деньги, необходимые для проведения экспедиции. Командовал флотом Уолтер Мэнни, адмирал Севера, под началом которого находились все порты от Темзы до располагавшегося у шотландской границы Берика. Уолтеру Мэнни предстояло отличиться в сражениях и сделать карьеру.

Выходец из Эно, Уолтер был младшим сыном небогатого дворянина. Он приехал в Англию пажом в свите королевы Филиппы. Оставаясь в штате Филиппы, прислуживал ей за столом, а затем стал ходить за ее борзыми. В 1331 году его возвели в рыцарское достоинство, а в 1332 году он состоял в рядах армии Балиола, вторгнувшейся в Шотландию, и проявил в боях смекалку и доблесть. Затем Уолтер Мэнни участвовал во всех шотландских кампаниях Эдуарда, успешно продвигаясь по службе. В 1337 году он был уже компетентным военачальником, известным не только своим организационным талантом, но и бесстрашием. Но Мэнни были присущи и недостатки: он был корыстолюбив и жесток, как многие в его время.

Прежде чем идти прямо в Дордрехт, порт на Майне юго-восточнее Роттердама, как он вначале намеревался, Мэнни решил поправить свое материальное положение и атаковал город Слейс, но встретил вооруженный отпор. Тогда он захватил остров Кадзанд (недалеко от Зебрюгге), где взял в плен несколько местных аристократов, чтобы получить за них выкуп. Затем он разграбил город, а сопротивлявшихся жителей запер в церкви и сжег. Хотя проведенная операция принесла ему кое-какой личный доход, с военной точки зрения она была, по существу, бесполезной. Наконец добравшись до Дордрехта и оставив там привезенное войско, Мэнни вернулся в Англию, чтобы собрать необходимое количество кораблей для транспортировки на континент основной королевской армии.

16 июля 1338 года Эдуард III отплыл из Уолтон-он-Наза (порта на эссекском побережье южнее Харвича). Высадившись в Антверпене, английский король проявил невероятную изворотливость, заручился поддержкой феодальных правителей Нидерландов, после чего проследовал в Кобленц, где в сентябре император Священной Римской империи Людовик Баварский – чьи антифранцузские и антипапские настроения были подкреплены существенной мздой со стороны английского короля, – провозгласил Эдуарда сюзереном всех императорских фьефов западнее Рейна. Даже неуклюжий отказ Эдуарда поцеловать ногу щедрого императора не испортил праздничной церемонии.

Начинать военные действия против французского короля в том году было поздно, и, пообещав своим новым союзникам (феодальным правителям Нидерландов) необходимые

---

²² Для сравнения: тоннаж «Виктори», флагманского корабля Нельсона, участвовавшего в 1805 г. в Трафальгарском сражении, составлял 3500 т, а тоннаж «Уорриора», первого броненосца Королевского флота, спущенного на воду в 1860 г., зато 9000 т.

средства для закупки продовольствия войскам, Эдуард повелел им сосредоточить эти войска неподалеку от Брюсселя в июле 1339 года. На зиму Эдуард со своим двором остановился в Антверпене, поручив священнослужителям отвечать на упреки папы римского, обвинявшего Эдуарда в союзнничестве с отлученным от Церкви Людовиком и в помощи Роберу Артуа. Папа также напомнил Эдуарду о том, что его предшественники на троне попадали в неприятное положение, доверяя иностранным советникам, – явный намек на пристрастие отца Эдуарда к фавориту Пьеру Гавестону.

В июле войска союзников не прибыли к месту сбора, и только в сентябре 1339 года Эдуард начал кампанию, так и не дождавшись, к своей досаде, всех обещанных войск. Кампания выдалась изнурительной и дорогостоящей. Эдуард маневрировал в Пикардии вокруг Камбре, Сен-Кантена и Бьеронфосса, но так и не встретился в сражении с неприятелем. Филипп VI был осторожен: победа не приносила ему завоевания Англии, а в случае поражения он мог потерять собственную страну. Чем дольше Эдуард оставался во Франции, не сумев навязать французам решающего сражения, тем больше нарастала опасность, что союзники ретируются. К тому же постепенно заканчивались деньги на содержание армии. Конец кампании Эдуард встретил в сумрачном состоянии духа: он не только не одолел неприятеля, но и задолжал армии. Теперь ему следовало собрать достаточно средств для новой кампании и убедить Фландрию, что соблюдаемый ею нейтралитет не принесет никакой пользы.

23 января 1340 года на базарной площади Гента Эдуард III провозгласил себя королем Англии и Франции. Он руководствовался не только своими наследственными правами по линии матери (подстрекаемый еще и Робером Артуа), но также и тем, что если он объявит себя французским монархом, то фламандцы, не опасаясь, что их обвинят в измене, смогут сражаться против Филиппа, посчитав того узурпатором. Более того, провозгласив себя королем Франции, он более не сможет находиться в феодальной зависимости от Филиппа и платить ему подать за пользование своими же землями.

В развитие этого плана Эдуард включил эмблему французского монарха – королевские лилии – в свой герб, и, таким образом, английские львы (или леопарды) оказались изображенными на одном геральдическом поле с французскими королевскими лилиями. Изменив герб, Эдуард принял девиз «*Dieu et Mon Droit*» («Бог и мое право»). Филипп, как ни странно, не выразил недовольства тем, что Эдуард включил в свой герб лилии (как внук французского короля он был вправе использовать этот символ), зато возмутился тем, что на геральдическом гербе английские львы – символ затерявшегося в море бедного острова – расположены выше французских лилий, символа власти великой Франции. В Англии не все одобрили акцию Эдуарда. Англичане не любили французов, и парламенту пришлось принять статут, установивший, что ни при каких обстоятельствах – ни в настоящем, ни в будущем – англичане не могут подчиняться французским законам.

Филипп VI не отваживался дать Эдуарду III решающее сражение в Северной Франции и потому ограничивался военными действиями в Гаскони и осадой английских замков в Аженуа. В 1337–1339 годах французы активизировались на море, совершив рейды на английские порты Рай, Фолкстон, Дувр, Харвич и Плимут, а также на остров Уайт. Высадившись в том или ином английском порту, французы грабили город, убивали сопротивлявшихся, сжигали то, что могло гореть, и уходили обратно в море. В 1338 году пострадали от французов и Нормандские острова. Захватив большинство из них, французы удерживали острова до 1340 года. В 1338 году французы также захватили английские корабли, коги «Кристофер» и «Эдуард». В то время как англичане грабили Ле-Трепор и Булонь, ни один их собственный город на восточном и южном побережьях страны не чувствовал себя в безопасности: французы могли ударить в любой момент, подойдя к городу на галерах – гребных судах, гораздо меньше, чем английские коги, зависевших от ветров и приливов-отливов.

Эдуард III испытывал серьезные материальные затруднения. Для оплаты наемников и содержания на континенте английской армии требовались значительные расходы. Эдуард брал кредиты у итальянских банкиров, а также у английских и фламандских купцов. Когда деньги заканчивались, Эдуард прибегал к новым кредитам, но они шли на частичное погашение старых. За шерсть, привезенную в Нидерланды, удалось выручить меньше, чем ожидалось. Дела обстояли настолько плохо, что Эдуард в Брюгге заложил собственную корону, но рассчитаться с кредиторами не сумел. Ему было необходимо быстро склонить чашу весов в свою пользу, для чего следовало достать необходимые деньги в Англии, собрать большую боеспособную армию и разбить наголову французов в генеральном победоносном сражении. 13 февраля 1340 года Эдуард возвратился в Англию, чтобы достать денег; отъезд был унижительным. Ему пришлось оставить в заложниках нескольких знатных аристократов и даже королеву Филиппу, а также пообещать, что вернется с деньгами, а если без них, то сам станет заложником, пока не найдутся деньги.

Во время отсутствия в Англии Эдуарда английский парламент тщательно обсуждал целесообразность расходов, вложенных в проводившуюся кампанию, и рассматривал насущный вопрос, при каких условиях можно ввести в стране дополнительные налоги. В марте 1340 года Эдуард появился в парламенте и использовал все королевское красноречие, чтобы склонить парламентариев на свою сторону. Он объяснил, что если не собрать денег, то его честь будет посрамлена, все свои земли во Франции он утратит, а сам сядет в тюрьму за долги. Далее он заверил парламент, что не собирается ни объединять два государства, ни предпринимать какие-либо акции в Англии в качестве французского короля. Парламент удовлетворил пожелание Эдуарда и ввел налог в размере девятой части от имущества населения. Кроме того, парламентарии обложили налогом священнослужителей. Правда, они решились пойти навстречу английскому королю на определенных условиях, но Эдуард даже не стал эти условия обсуждать, согласившись их неукоснительно выполнять. Удалось Эдуарду договориться и с лондонскими купцами, предоставившими новые займы.

Армия, собранная Эдуардом для усиления группировки, все еще пребывавшей на континенте, состояла из солдат феодалов, наемников и рассчитывавших разбогатеть на войне волонтеров. Численность армий, воевавших в Средневековье, явно преувеличивается хронистами. Все же можно хотя бы примерно определить численность армии Эдуарда, набранной после его возвращения в Англию, исходя из количества кораблей, собранных для ее перевозки на континент. Правда, хронисты приводят разные данные. По Ланеркосту, для перевозки этой армии на континент использовали 147 кораблей; Ле Бейкер приводит другие данные – 260 кораблей. Однако хронисты тех времен не расходятся в данных о количественном составе французского флота (около 200 кораблей) и сходятся на том, что французский флот был больше английского. Тогда, вероятно, флот Эдуарда состоял не более чем из 150 судов. Но часть этого флота (около 50 судов) была необходима для перевозки продовольствия, лошадей и дам – приближенных королевы Филиппы, отправлявшихся за море к своей госпоже. Для перевозки солдат, стало быть, оставалось около 100 кораблей. Стотонный ког мог вместить максимум сто человек (включая двадцать пять членов команды), но в собранном флоте были, наверно, корабли и меньшей грузоподъемности. Тогда, по примерным расчетам, эта армия Эдуарда состояла не более чем из пяти тысяч солдат в соотношении три лучника к двум тяжеловооруженным всадникам.

В июне 1340 года, когда флот Эдуарда был готов выйти в море, англичане узнали, что флот французов направляется к Слейсу, порту при впадении в море Звина и Хонде (северо-восточнее Брюгге). Англичане сочли, что французы намереваются вторгнуться в Англию или воспрепятствовать их кораблям пересечь Английский канал. Тогда Эдуард решил не отправляться в Дюнкерк или Остенде, чтобы высадить армию, а дать бой французскому флоту. Это было рискованное решение, приведшее в изумление английского канцлера, архиепископа Стратфорда, и тот, когда не смог уговорить Эдуарда отказаться от опрометчивой акции, отказался от должности и вернул Эдуарду Большую государственную печать. Эдуард вызвал к себе адмирала Роберта Морли и спросил его мнение. Морли

поначалу служил Эдуарду II, затем примкнул к партии, свергнувшей этого английского короля, при Эдуарде III принимал участие в шотландских кампаниях, пока наконец не перешел на флотскую службу. Он с успехом командовал морскими налетами на французское побережье и в феврале 1339 года стал адмиралом Севера. Морли высказался против боя с французским флотом, пояснив, что это сражение связано с большим риском. Его поддержал и опытный фламандский моряк Джон Краббе. В свое время он был наемным пиратом на службе у шотландского короля, затем попал в плен к англичанам, после чего сражался на их стороне, дослужившись до капитана. Эдуард возмутился и холодно сообщил всем троим, что они могут остаться в Англии, а он не преминет сразиться с французами. Эдуард успокоился лишь после того, как Морли и Краббе пошли на попятный, заявив, что не могут возражать королю и готовы выйти с ним в море, чтобы дать бой французскому флоту.

Морское сражение при Слейсе (первая значительная баталия Столетней войны) имело для англичан такое же большое значение, как разгром испанской Непобедимой армады в 1558 году и Трафальгарское сражение 1805 года. Если бы Эдуард проиграл этот бой, то двадцатитысячная французская армия, с которой Филипп VI собирался вторгнуться в Англию, не встретила бы никакого отпора на море, да и на суше ей оказали бы лишь небольшое сопротивление. Но несомненно, что Эдуард, решив дать бой французскому флоту, рисковал так же, как спустя пятьсот с лишним лет адмирал Джеллико, командующий английским британским флотом в Ютландском морском сражении. И тот и другой могли проиграть в одночасье.

Несмотря на то что англичане время от времени совершали морские налеты на французское побережье, французы имели на море весомое преимущество, а если бы Великая морская армия, как гордо Филипп VI называл свой флот, вошла в Английский канал годом раньше, состав французского флота был бы еще более мощным. В то время французы имели большее количество кораблей, чем сейчас, в том числе гораздо больше галер, более маневренных и лучше приспособленных к сражениям на море, чем неповоротливые английские коги. К счастью для англичан, волнения в Генуэзской республике не позволили местным властям предоставить свои галеры (с ними и экипажи) французскому королю, да и сами англичане во время очередного морского рейда сожгли в Булони несколько французских галер, вытащенных на берег. Теперь же в состав французского флота, находившегося у Слейса, входило всего-навсего шесть галер: четыре своих и две генуэзских. Кроме них в состав французского флота входило двадцать две весельные баржи – не такие маневренные, как галеры, но все же более управляемые, семь военных парусных кораблей и сто пятьдесят семь реквизированных торговых судов. Французы при Слейсе располагали девятнадцатитысячной армией (включая экипажи судов), но, правда, только пять сотен лучников и сто пятьдесят тяжеловооруженных конников являлись профессиональными воинами. Остальные боевого опыта не имели.

Зная, что Эдуард собирается идти в Нидерланды, французам следовало блокировать английские порты или встретить английский флот в море и уничтожить его. Французы не сделали ни того ни другого. Французские корабли стояли в эстуарии, простиравшемся до острова Кадзанд, в трех милях от побережья. Адмиралы Бегюше и Кирье, связав корабли цепями, построили их в три защитные линии фронтом к морю. Бегюше, невысокий грузный норманн, ранее успел провести несколько успешных морских налетов на английское побережье. Кирье тоже был опытным моряком, но адмиралы между собой не ладили. Несмотря на свой опыт, они допустили роковую ошибку. Им следовало дать бой англичанам в открытом море – в то время французские моряки были искуснее англичан, и их мастерство обеспечило бы им преимущество, несмотря на нехватку галер. Вместо этого французские адмиралы решили дать бой англичанам у берега, чуть ли не на суше, а на суше англичане драться умели. Еще одним военачальником французского флота был наемник из Генуи, побывавший во многих морских сражениях Пьетро Бернаберо (Бербануар, Бербевер или Бербабере – в зависимости от источника информации). Вот он придерживался правильного суждения. Он заявил, что выбранное французами защитное построение кораблей мешает

необходимой маневренности и лучше дать бой англичанам в открытом море, используя преимущество в количестве кораблей.

Английский флот отплыл из устья Оруэлла на рассвете 24 июня 1340 года. Король находился на борту кога «Томас». На следующий день, в 9 часов утра, англичане подошли к фламандскому побережью и увидели вдали флот противника. Эдуард повелел одному из священнослужителей сойти на берег и отправиться за десять миль, в Брюгге, чтобы уговорить фламандцев напасть на французский флот с берега, в то время как англичане нападут на неприятеля с моря. Кроме того, на берег высадились три рыцаря, чтобы разведать количественный состав и точную дислокацию французского флота. Утром 24 июня Эдуард получил необходимые сведения, а также донесение посланного к фламандцам священнослужителя. Жители Брюгге считали, что если англичане нападут на французский флот, значительно превосходящий английский количественным составом, то непременно проиграют сражение. Они посоветовали английскому королю подождать несколько дней, пообещав прислать в качестве подкрепления несколько своих кораблей.

Король не внял советам фламандцев, но решил подождать атаковать неприятеля, пока солнце светит в глаза. Он отвел свой флот в море, чтобы принять боевой порядок. Маневрирование заняло почти весь день. Французы, вероятно, подумали, что англичане решили ретироваться, и стали разъединять свои корабли, чтобы преследовать неприятеля. Возможно, на этом настаивал Бернаберо. Как бы там ни было, многие французские корабли все еще были скреплены цепями между собой, когда Эдуард, дождавшись прилива и попутного ветра, перешел в наступление.

Эдуард построил свои корабли в одну линию фронтом к противнику, причем каждый корабль с солдатами на борту находился между кораблями со стрелками из лука. Лучники располагались на специальных платформах, возведенных на носу и корме, откуда, сблизившись с французскими кораблями, повели залповую стрельбу, посылая во французов град стрел и сметая их с палуб. Французские лучники тоже не оставались без дела, но они уступали в мастерстве англичанам да и стреляли каждый сам по себе. Самые большие французские корабли находились в передней оборонительной линии, и англичане их взяли на абордаж, что было непросто, ибо французские корабли были выше английских; оказавшись на палубе неприятельских кораблей, англичане, пустив в ход мечи, булавы и пики, действовали умело, используя опыт, полученный в шотландских кампаниях. Англичане захватывали корабль за кораблем, находившейся в передней оборонительной линии неприятеля, и вернули себе ког «Кристофер». Во второй оборонительной линии, которую составляли корабли меньшей грузоподъемности, с менее обученными солдатами на борту, началась паника, и к исходу дня англичане захватили большинство этих судов. Корабли, стоявшие в третьей линии, пытались уплыть. Во время боя французы, не выдержав натиска англичан, прыгали за борт, но тех, кто сумел добраться до берега, встречали фламандцы, подоспевшие к месту сражения. Те, кто не умел плавать (а такие составляли большинство), утонули, как и те, кто плавать умел, но был в тяжелых доспехах. С наступлением темноты некоторым французским судам и генуэзским галерам удалось выйти из боя и скрыться в ночи. В сражении при Слейсе англичане одержали убедительную победу: захватили или пустили ко дну сто девяносто неприятельских кораблей.

Хронисты, современники Эдуарда, приписывают эту ошеломляющую победу милости Бога, однако причины победы были в другом. Французы, несмотря на преимущество в искусстве судовождения и количественном составе флота, не использовали возможность дать бой англичанам в открытом море и поставили свои корабли в эстуарии, да еще лишив их маневренности. А в ближнем бою, напоминавшем битву на суше, англичане были явно сильнее за счет скорострельности лучников и боевой подготовки солдат, получивших богатый опыт в сухопутных сражениях. По данным некоторых источников, французы потеряли в бою при Слейсе от двадцати до тридцати тысяч убитыми, но эти данные представляются крайне завышенными. Конечно, если в сухопутном сражении при неблагоприятном положении дел, грозящем разгромом, можно бежать с поля боя и

сохранить себе жизнь, то в бою на море, при той же необходимости, бежать некуда, разве что прыгнуть в море, и все же наиболее вероятно, что французы в бою при Слейсе потеряли не более половины своего войска (около десяти тысяч убитыми, ранеными и попавшими в плен).

Адмирал Кирье пал в бою, а Бегюше попал в плен. Тот, кто взял его в плен, рассчитывал получить выкуп за французского адмирала, но король рассудил иначе. Из памяти англичан еще не изгладились морские налеты французов на английское побережье, сопровождавшиеся убийствами и разбоем, и Эдуард приказал повесить несчастного Бегюше на мачте его же судна. Потери англичан оказались сравнительно небольшими: от четырехсот до шестисот человек убитыми или ранеными. Не избежал ранений и английский король, но Эдуард получил незначительные ранения – в бедро и руку. После боя при Слейсе у французов еще остались возможности совершать морские налеты на английское побережье, но о крупномасштабном вторжении в Англию речи больше быть не могло.

После победы при Слейсе у англичан появилась, казалось бы, неплохая возможность развить успех в Северной Франции: Эдуард решил захватить Турне, а Роберу Артуа, возглавившему фламандское войско, усиленное отрядом английских лучников, повелел взять Сент-Омер. Обе акции провалились: Робер не сумел взять Сент-Омер и присоединился со своим войском к английскому королю, но Эдуард даже с полученным подкреплением не смог захватить Турне – у него не было осадных машин.

Тем временем у английского короля снова стало не хватать денег на содержание армии, и он обратился в парламент за помощью. Англичане поддерживали войну, но были крайне негативно настроены против введения новых налогов. Один из хронистов пишет: «Народная любовь обратилась в ненависть, а молитвы – в проклятия, по той причине, что вызрело недовольство». Кое-какие субсидии Эдуард все-таки получил, но этих средств не хватило ни на осаду неприятельских городов, ни даже на простое пребывание армии на вражеской территории. В сентябре, когда погода ухудшилась, продовольственные деньги подходили к концу, а союзники Эдуарда начали порывать отношения, папа римский предложил английскому королю принять участие в Крестовом походе, который собирался организовать. Эдуард согласился и вернулся в Англию. Столь бесславным оказался конец кампании с многообещающим началом. Только через шесть лет Эдуард одержит не менее блистательную победу, как в сражении при Слейсе, но это случится уже на суше.

Глава третья

От обязанности служить к профессиональному войску

Столетняя война в известном смысле война профессионалов и дилетантов, в ходе которой рос профессионализм английской армии, а за ним, с отставанием, и профессионализм французов. Еще во времена Эдуарда I английская система формирования армии, сочетавшая англосаксонский порядок комплектования и норманнский порядок набора (основанный на устоях феодализма), начала давать сбои. Англосаксонская армия набиралась из полупрофессиональных солдат на службе короля, а также из народного ополчения, и представляла собой временную военную силу, которая использовалась как для участия в локальных конфликтах, так и для защиты страны, как, например, под водительством короля Гарольда в битве при Стэмфорд-Бридже, а затем в битве при Гастингсе. Норманнская система формирования армии исходила из феодального положения, гласившего, что все земли принадлежат королю, а он жалует эти земли своим сторонникам, которые за это обязаны предоставлять ему военную помощь. Эта помощь выражалась в определенном количестве рыцарей и солдат, предоставлявшихся королю землевладельцами и арендаторами на оговоренное время, обычно на сорок дней. Эти арендаторы часть земли нередко передавали в использование своим арендаторам, и те тоже брали на себя военные обязательства.

Каждый рыцарь сам себя обеспечивал необходимой экипировкой: кольчугой (впоследствии замененной цельнометаллическими доспехами), шлемом, копьем, мечом и щитом, а также по меньшей мере одним боевым конем. У каждого рыцаря имелись сопровождающие: паж для чистки снаряжения и прочих услуг, грум для ухода за лошадьёю и слуга. Войска нередко пополняли оруженосцы и молодые аристократы, стремившиеся получить рыцарское достоинство. Монастыри и епископства тоже имели военные обязательства, обычно, но не всегда, заменявшиеся денежной компенсацией. Количество рыцарей, направлявшихся в армию каждым землевладельцем после норманнского завоевания Англии, неуклонно снижалось, по всей вероятности, потому, что экипировка все более и более дорожала, и в 1217 году сто пятнадцать арендаторов поставили армии всего четыреста семьдесят рыцарей.

Когда Эдуард III взшел на престол, в Англии сословие пэров еще не приняло современную упорядоченную систему деления на дворянские титулы, такие как нынешние барон, виконт, граф, маркиз и герцог. Эдуард III первым ввел титул герцога – для своего старшего сына принца Уэльского. После завоевания Англии норманны переняли у англосаксов титул «эрл» (то же, что «граф», но произошедший от скандинавского *jarl*), а Вильгельм I учредил титул барона (низшую степень сословия по отношению к эрлу). А вот звание рыцаря в те времена имело не то значение, что сейчас, когда существуют две степени рыцарства: рыцарь-бакалавр (в это достоинство возводит король) и рыцарь-баронет. Рыцарь-бакалавр – титул пожизненный, а рыцарь-баронет – наследственный. Рыцари-бакалавры именуются сэрами, а их жены – леди. Рыцари-баронеты также именуются сэрами, но на письме после фамилии баронета ставятся буквы *Bart* или *Bt* (сокращение от английского *baronet*). Титул рыцаря-баронета относительно низок; его ввел Яков I в 1611 году для пополнения королевской казны.

В Средневековье система дворянских титулов была более гибкой. Чтобы просто считаться рыцарем, достаточно было иметь необходимое снаряжение. Если человек проявлял доблесть, мужество и военное искусство, то со временем, чаще перед сражением, его официально возводили в рыцарское достоинство. А вот титул рыцаря-баннерета (упраздненный в XVII веке) можно было получить только на поле боя, да и то, как правило, лишь в том случае, если в этом сражении участвовал сам король²³. Рыцарь-баннерет имел

---

²³ Иногда титул рыцаря-баннерета можно было снискать даже в том случае, если король в сражении не участвовал, но на поле боя находился его штандарт.

право нести прямоугольное знамя (в отличие от рыцарей ниже рангом, которым дозволялось нести треугольное знамя), а также иметь собственные герб и девиз.

Люди, входившие в рыцарское сословие, готовили себя к военной карьере, но прежде всего – к турнирам и рыцарским поединкам, и потому в сражении с неприятелем их было довольно трудно настроить на коллективные действия и обязать неукоснительно следовать тактике ведения боя, выбранной военачальником. Рыцари – посвященные в это достоинство или нет – были, по сегодняшним понятиям, офицерами, а рядовой и сержантский состав (продолжая говорить сегодняшним языком) набирали из людей, годных к военной службе, в округах или графствах. Но эти люди служили в армии лишь определенное время, да и сам набор в армию сопровождался постоянными спорами: кто должен содержать этих людей – местные власти или правительство.

Когда король лично общался со всеми крупными землевладельцами королевства, феодальная система формирования армии работала сносно и королевское войско успешно пресекало династические конфликты и шотландскую интервенцию. Но и тогда королевская армия не могла проводить кампанию, длившуюся больше сорока дней, и комплектовать людьми постоянные гарнизоны, когда в каком-либо месте возникала такая необходимость. Солдаты не могли находиться вне дома, когда приходило время заниматься сельскохозяйственными работами, и это значительно ограничивало размах и продолжительность военной кампании. Но еще в 1171 году, когда против Генриха II выступили его сыновья, выяснилось, что войско, состоявшее из людей, отбывавших воинскую повинность, усилено «рыцарями на жалованье». Учитывая, что английским монархам придется воевать за пределами королевства (в основном во Франции и Шотландии) и вести длительные кампании с отрывом на это время солдат от дома, переход от феодальной системы формирования армии к набору людей, служащих за плату, был, несомненно, прогрессивным явлением. Раз солдаты служат за жалованье, их можно посылать в те места, куда приказывает король, и он, пока платит, может на них полагаться.

В Англии профессиональную армию стал организовывать Эдуард I; он платил всем, кроме высших военачальников. Этим он заложил основу блестящих побед своего внука Эдуарда III, одержанных над французскими армиями, превышавшими английское войско количественным составом, но сформированными согласно полуфеодальной системе набора в армию. Одним из путей набора профессиональных солдат являлась вербовка иностранных наемников, готовых служить тому, кто больше заплатит. В английскую армию нанимались выходцы из неплодородных земель, таких как Бретань, из густонаселенных районов, таких как Фландрия и Брабант, а также из мест, где было трудно найти работу (таких как, к примеру, Генуя). Набор наемников в армию сопровождался сложностями, обусловленными свойственной англичанам антипатией к иностранцам (полностью не изжитой до настоящего времени), и потому в составе английской армии, действовавшей за пределами королевства, было много наемников из Бретани и Фландрии, а в войсках, действовавших на территории Англии, сравнительно мало. Даже валлийских солдат англичане не жаловали, а те после окончания военной кампании спешили в ближайший порт, чтобы уехать домой.

Привлечение наемников в армию привело, по крайней мере у англичан, к пересмотру взглядов на использование солдат различного профессионального назначения. Ранее основной костяк армии составляли конные рыцари, сражавшиеся в доспехах, защитном вооружении. Их кони тоже несли доспехи, прикрывавшие нос, грудь и крестец. Тактика боя была простой: конные рыцари шли в атаку, стараясь рассеять противника, смять всех, кто встретится на пути. В отдельных случаях их поддерживали плохо вооруженные пехотинцы и недостаточно обученное ополчение. Рыцари облачались в кольчугу или цельнометаллические доспехи, а их оружием были копье, меч и щит.

Рыцарь немыслим без боевого коня. Некоторые историки полагают, что эти кони были схожими с современными першеронами или шайрами. Но более вероятно, что кони рыцарей были схожи с нынешними ирландскими гунтерами, низкорослыми коренастыми лошадьми с коротким, но хорошо развитым крупом. Высота таких коней в холке составляла

четырнадцать-пятнадцать ладоней²⁴, хотя в Королевском арсенале в Лидсе можно увидеть снаряжение боевых рыцарских коней, наводящее на мысль, что эти кони были на ладонь выше²⁵. Также некоторые историки полагают, что кони рыцарей были физиологически полноценными, да и на гобелене из Байе боевой конь английского рыцаря выглядит именно таковым. Но полноценные кони по сравнению с холощеными излишне норовисты, и потому на средневековых живописных полотнах изображенные на них физиологически полноценные кони могут просто олицетворять силу и мужество настоящего рыцаря.

До сих пор также ведутся споры о роли стремян в конном бою. Некоторые историки полагают, что только после того как это приспособление вошло в обиход, рыцари смогли биться на поле боя, а до этого их уделом была разведка и служба посыльными. По суждению этих историков, только привстав и опершись ногами на стремяна, рыцарь мог нанести противнику сильный удар, не вылетев из седла. Вероятно, для тех, кто так рассуждает, верховая езда не является привычным занятием. Стремяна, конечно, полезны, чтобы удерживать равновесие, когда лошадь неожиданно заупрямится и выкинет фортель, но римские седла, какими пользовались средневековые рыцари, были весьма удобны, и из такого седла затруднительно вылететь, даже не имея стремян. Средневековые седла походили на кресло и служили безопасности всадника, и тот мог вылететь из седла лишь в том случае, если лошадь падала – допустим, убитая или раненная в бою. В этом случае всадник мог сломать себе шею или получить смертельный удар от оказавшегося рядом противника. На средневековых рисунках вооруженные конники изображаются в кожаных длинных, по щиколотку, штанах и с вытянутыми ногами без опоры на стремяна. Похоже, полезность стремян проявлялась при посадке на лошадь. Без них при большом весе доспехов сесть в седло было трудно.

Кроме боевого коня рыцарю требовались дорожная лошадь для повседневной езды и вьючная лошадь для перевозки имущества. Затраты на фураж для трех лошадей и на питание для него самого, не говоря уже о стоимости лошадей и оружия, делали вооруженного рыцаря весьма дорогостоящим участником военных кампаний. Но постепенному вытеснению рыцарей с поля боя способствовали не высокие затраты на снаряжение, а развитие воинского искусства и увеличение в армии количества пехотинцев.

Во время валлийских войн англичане начали сомневаться в достоинствах армии, которую составляли главным образом рыцари. Пересеченная местность Уэльса не давала возможности взять верх над противником в открытом бою, а сами англичане несли существенные потери от поднявшихся на холмы пеших лучников, которые, осыпав врага градом стрел, исчезали. В 1302 году во Фландрии близ Камбре понесли большие потери от пехотинцев и французские конные рыцари. Фламандцы на пути движения конницы неприятеля вырыли широкие и глубокие рвы, заполнили их водой и прикрыли ветками. Когда рыцари перешли в наступление, их кони падали во рвы, и всадники тоже оказывались в воде. Пехотинцы пронзали их пиками, превратив бой в побоище.

Вероятно, после сражения с шотландским войском при Бэннокберне англичане пришли к суждению, что хорошо организованная пехота (пусть составленная из «неотесанных мужланов») может взять верх над рыцарской конницей, если даст бой в заранее намеченном месте. 23 июня 1314 года Роберт Брюс, предводитель шотландцев, державших оборону против английской армии, разместил свое войско на краю поля, окаймленного с двух боковых сторон лесом. Его люди (подобно фламандцам в 1302 году) вырыли в поле на пути английской рыцарской конницы широкие и глубокие рвы и прикрыли их вырубленным подлеском и травой. Немногим ранее английский авангард был разбит, пытаясь обойти шотландское войско с фланга и подойти к Стирлингу, чтобы осадить этот город. И вот 24 июня Эдуард II решил отправить в наступление конницу, что привело к огромным потерям. Шотландские пехотинцы при приближении неприятеля не рассеялись, а встретили сумевших переправиться через рвы конных рыцарей выставленными навстречу пиками. Восемью

---

²⁴ Ладонь равна 4 дюймам.

²⁵ Возможно, высокорослые кони использовались на торжественных церемониях.

годами позднее сэр Эндрю Харкла силой пехотинцев и лучников остановил войско Ланкастера (предводителя баронской оппозиции королю), пытавшееся близ Боробриджа перейти реку Ур по единственному мосту, а затем лучники Харклы пресекли попытку конницы неприятеля перейти реку вброд.

Новшества в организации боя вводились не сразу и стали результатом военной практики. Многие шотландцы служили наемниками в Европе и переняли опыт фламандцев. Кроме того, правители все более и более проникались суждением, что конные рыцари слишком дорогостоящие участники военных кампаний, и стали всерьез задумываться о более дешевой альтернативе. Но почти не вызывает сомнения, что англичан привели к этой мысли неудачный исход боя при Бэннокберне и, напротив, удачные действия на территории Англии при пресечении войсками локальных конфликтов, когда в боях с неприятелем использовались различные сочетания конников, пехотинцев и лучников.

Полученный англичанами опыт в сражениях при Бэннокберне, а затем и при Боробридже пошел на пользу, и они воспользовались приобретенными знаниями в битве при Даплин-Муре и при Халидон-Хиллс. При Даплин-Муре (в шести милях юго-западнее Перта) 11 августа 1322 года полторатысячная армия «лишенных наследства», которой командовал Эдуард Балиол, прислушиваясь к советникам, пополнявшим его войско с молчаливого согласия короля, разбила трехтысячную армию Роберта Брюса, которой командовал эрл Дональд Мар. «Лишенные наследства» потеряли в сражении всего двух рыцарей и тридцать три тяжеловооруженных всадника. Потери шотландцев доподлинно неизвестны, но они, должно быть, составили несколько сотен солдат. 19 июля 1333 года при Халидон-Хиллс (в двух милях северо-западнее Берик-апон-Твид) четырехтысячная английская армия под командованием Эдуарда III разгромила пятитысячную шотландскую армию, которую возглавлял Арчибальд Дуглас. И на этот раз потери англичан были намного ниже потерь противника и исчислялись рыцарем, оруженосцем и десятью пехотинцами. Шотландцы в этом бою, по некоторым данным, потеряли около тысячи человек, включая пять эрлов и самого Дугласа. После разгрома шотландцев при Халидон-Хиллс они больше не смогли собрать армию, чтобы воевать с англичанами, и королевство Роберта Брюса стало клониться к неминуемому закату.

Битвы при Даплин-Муре и Халидон-Хиллс имели немало общего, что позволило англичанам при численности армий меньшей, чем у противника, одержать блистательные победы. Опыт, приобретенный в этих сражениях, англичане сполна использовали в Столетней войне. В обоих сражениях основной костяк английского войска составляли стрелки из лука, при этом военачальники обеспечили прикрытие флангов и умелыми действиями сузили фронт противника. В битве при Даплин-Муре отряд «лишенных наследства» занял оборонительную позицию на самом краю долины, примыкавшей к отвесным холмам, а при Халидон-Хиллс правый фланг Эдуарда прикрывал берег моря, а левый – речка, окаймленная болотистой местностью. В обоих случаях англичане сражались с шотландцами в пешем строю, поместив стрелков из лука на флангах, и в обоих случаях английские лучники обрушивали град стрел на фланги противника, заставляя тех подаваться к центру и тем самым сужать свой фронт. К тому времени, когда в битве при Даплин-Муре шотландцы достигли первой английской пехотной линии, они потеряли боеспособность, и им пришлось повернуть назад и бежать. Тогда англичане ввели в бой свою конницу, которая стала преследовать неприятеля, чтобы добить.

Оборонительная позиция на заранее выбранной для сражения местности, использование стрелков из лука на флангах (не позволявших противнику обойти английскую армию и нарушавших строй неприятеля), а также построение пехотинцев по фронту с глубиной в несколько линий обеспечили англичанам надежную тактику, применявшуюся в Столетней войне. Лишь когда англичане растянули общий фронт, а французы извлекли уроки из своих поражений, военное преимущество англичан стало сходиться на нет.

Англичане своим победам, одержанным над противником в четырнадцатом столетии, во многом обязаны оружейному новшеству – лонгбоу, длинному луку. Обычные луки и

стрелы применялись еще в стародавние времена. Известны наскальные рисунки времен палеолита и неолита, изображающие людей, вооруженных этим оружием. Обычными луками вооружались солдаты вспомогательных войск римской армии, и такое оружие использовалось обеими сторонами в битве при Гастингсе. Когда обычные луки уступили свое место лонгбоу, доподлинно неизвестно, но замена эта происходила не сразу. Вполне вероятно, что первыми использовали длинные луки валлийцы во второй половине двенадцатого столетия. Но достоверных свидетельств этому нет. Англичане охотно вооружались лонгбоу, недорогим и эффективным оружием, что может служить примером нынешнему правительству, которое тратит огромные деньги на оборону. Хотя лонгбоу обладали значительной разрушительной силой, противники англичан не торопились перенимать это оружие, наносящее немалый урон. Согласно закону об оружии 1285 года, лонгбоу следовало хранить в надежном месте у себя дома, тренироваться в стрельбе из лука на стрельбище, чему непременно учили с детства (как в Шотландии игре на волынке), постепенно увеличивая длину оружия. Стрельба из лука развивала мускулатуру, особенно мышцы плеч и спины.

Лонгбоу изготовляли из тиса, как местного, так и импортного (ирландского, испанского, итальянского). Длина лонгбоу, как считают некоторые историки, составляла шесть футов, превышая средний рост человека. Но более вероятно, что длина этого оружия англичан не превышала пяти футов и двух-трех дюймов. Поначалу луки и стрелы изготовляли одни и те же ремесленники, но потом они разделились: одни стали мастерить только луки, другие – стрелы. Сила натяжения тетивы приближалась к ста фунтам, длина стрелы составляла «суконный ярд», а эффективная дальность лонгбоу доходила до трехсот ярдов. Ведутся споры, чему равнялся «суконный ярд», мера длины фламандских ткачей, многие из которых переехали в Англию во времена Эдуарда III. По разным оценкам, «суконный ярд» равнялся от 27,25 дюйма до 37 дюймов, хотя, по некоторым источникам, одному английскому эллу. Элл равен 45 дюймам, и вряд ли стрела лонгбоу могла быть столь длинной. Но какой бы длины ни была стрела, для ее изготовления требовалось немало труда вместе с высокой техникой. Мастеровому следовало обзавестись подходящим материалом для древка (на это обычно шел ясень), вырезать древко необходимой длины и формы и прикрепить к нему наконечник и оперение, стабилизирующее полет. На оперение шло три гусиных пера. Но у гуся всего лишь шесть перьев, пригодных для стрел (по три на каждом крыле), и хотя эти перья, гусем утраченные, каждый год у него, естественно, обновлялись, для сотни тысяч стрел, использовавшихся во время войны, в Англии в те времена должно было быть большое число гусей.

Наконечники стрел были двух типов: с зубцами (для поражения не защищенного доспехами человека) и без зубцов, но более узкие и острые (чтобы могли пробивать доспехи). По некоторым источникам, стрела пробивала дюймовую дубовую доску с расстояния в 100 ярдов, но тогда, чтобы пробить цельнометаллические доспехи, ее следовало пустить с меньшего расстояния и придать отлогую траекторию. Обычно лучники располагались рядом друг с другом и стреляли залпом под углом 45°, чтобы стрела поражала цель сверху. Но в бою, если стрелы всего лишь ранили облаченных в доспехи всадников, их кони лишались должного управления и сеяли панику. Скорострельность бывалого лучника доходила до десяти стрел в минуту. В 1415 году в битве при Азенкуре 5000 лучников Генриха V, сражавшихся с французами, могли каждые полминуты выпускать 25000 стрел и их безостановочным градом деморализовать неприятеля.

Другим оружейным новшеством в четырнадцатом столетии стал арбалет, стальной лук, стянутый тетивой и прикрепленный перпендикулярно к деревянному ложу. Он стрелял стальными или железными болтами и обладал огромной пробивной силой и большей точностью, чем лонгбоу; в связи с постоянной сложной перезарядкой, на что уходило время, арбалет выпускал в минуту лишь две стрелы, зато научиться пользоваться этим оружием было намного легче. Англичане применяли это оружие для защиты замков и крепостей. В полевых условиях, во время сражения, арбалетчики могли установить большой щит на

опорах (как у мольберта) и за ним, не опасаясь стрельбы противника, перезаряжать арбалеты. К помощи арбалетчиков прибегали французы, но в их армиях арбалетчики преимущественно пополнялись наемниками, своих было мало. А что касается стрелков из длинного лука, то во французских войсках их было не много: французы считали, что готовить таких стрелков неразумно.

В Англии луки и стрелы выпускались в большом количестве. В 1341 году, когда Эдуард III вернулся из Франции и решил набрать новую армию для продолжения военных действий на континенте, правительство закупило и сложило на хранение в Тауэр 7700 луков и 12 800 пучков стрел. Пучок состоял из 24 стрел, таким образом, общее закупленное количество равнялось 307200 единицам, для оперения которых 153600 гусей лишились шести перьев каждый. Но и этого огромного числа стрел хватало лишь для трехминутной стрельбы 10000 лучников, которых Эдуард собирался взять с собой на войну. Число закупленных стрел постоянно росло, и в 1421 году на хранение в Тауэр поместили 425000 стрел (на сей раз понесли урон 212500 гусей).

Производство лонгбоу в Англии велось планоно. Шерифы получали специальную разрядку на изготовление в своем округе определенного количества луков, тетив и стрел. Шерифы делали заказы местным ремесленникам, получали изготовленную продукцию, паковали ее и посылали на хранение в Тауэр. Луки могли быть «белыми» (без защиты поверхности) или пропитанными маслом (но не окрашенными, ибо при сгибании лука, когда ему придавали нужную кривизну, краска на сгибе могла осыпаться). Согласно счетам камергера Честера, города в графстве Чешир, стоимость лука составляла шиллинг шесть пенсов (0,075 фунта), а пучка стрел – шиллинг четыре пенса (0,064 фунта). В наши дни длинный лук современного производства стоит 300 фунтов, а пучок стрел – 130 фунтов. В 1346 году, когда Эдуард вновь отправился во Францию воевать, в его армии находились как конные, так и пешие лучники, что снижало скорость передвижения, и во все последующие времена большинство лучников передвигались на лошадях, а вот бой они вели, как всегда, в пешем строю. Стрелки из лука носили железный или стальной шлем и короткую стеганую куртку без рукавов. Лучники являлись весьма выгодными солдатами: луки и стрелы стоили дешево, их изготовление, поощрявшееся законами, обеспечивало работой многих людей, и, конечно, самое главное – армия, имевшая в своем составе стрелков из лука, могла одолеть противника, превосходившего ее численностью.

В четырнадцатом столетии в Англии тяжеловооруженные конники уступили место солдатам с более легким вооружением, но это по-прежнему в основном были люди благородных кровей: от рыцарей и тех, кто надеялся получить это звание, до оруженосцев и мелкопоместных дворян, обычно в соотношении один рыцарь к четырем прочим. Как конные лучники, они передвигались верхом, а сражались в пешем строю, что привело к частичной смене вооружения. Эти солдаты обычно облачались в кольчугу (в отличие от французов, предпочитавших цельнометаллические доспехи) и имели на вооружении щиты меньших размеров, чем прежние (впоследствии от щитов вообще отказались). Хотя они экипировались мечом (боевым топором, булавой, кинжалами), их главным оружием была алебарда.

В хрониках не рассказывается о том, как эти солдаты вели сражение, но, вероятно, они выстраивались в два-четыре ряда в зависимости от ширины фронта и располагались близко друг к другу, но не настолько, чтобы мешать соседям сражаться (по всей видимости, их разделяло примерно два с половиной фута). В английскую армию также входил отряд копьеносцев, в основном выходцев из Уэльса. На поле боя они выстраивались в большой развернутый строй, выставив вперед копья. Натыкаясь на них, вражеские солдаты получали ранения, и их добивали, как рассказывают хронисты, ножами (на самом деле в ход пускали укороченные мечи). Кроме копьеносцев в пехоту входили застрельщики и разведчики (в основном выходцы из Уэльса, Корнуолла, Ирландии и в небольшом количестве из Шотландии), вооруженные кинжалами и короткими копьями. На поле боя они добивали вражеских раненых.

В середине четырнадцатого столетия тяжеловооруженных конников в английской армии почти не осталось, но кавалерия, как и прежде, была нужна, и ее стали формировать легковооруженные конники – хобилары, называвшиеся в именных списках *armatti*. У них были низкорослые лошади – гунтеры. Но хобиларов теперь использовали не в боях с неприятелем, а для патрулирования, связи, разведки и нахождения мест, где можно пополнить продовольственные запасы. Большая часть английского войска передвигалась на лошадях и поэтому не обходилась без грумов и кузнецов. Армию сопровождал обоз с фуражом, привезенным из Англии или закупленным или даже конфискованным на местах. Кроме того, в английскую армию входили подрывники, необходимые при осаде неприятельских крепостей, каменщики и плотники для строительства переправ и защитных сооружений, мастера по изготовлению и ремонту луков и стрел и даже военный оркестр. На вооружении армии могло быть также несколько пушек, но в хрониках об этом прямо не говорится.

Английская армия во времена Эдуарда III состояла из трех видов солдат: входивших в свиту короля и свиты баронов; служивших по контракту наемников, набранных королем и правительством, а также людей, набранных в армию уполномоченными вербовочными комиссиями. Свиты составлялись из войск землевладельцев и людей, набранных по контрактам (как и наемники короля и правительства). Войска землевладельцев состояли из арендаторов, имевших перед своими сеньорами феодальные обязательства. Солдаты свит, служившие по контракту (иногда называемые отголоском феодализма), нанимались людьми рангом от баннерета и выше и были обязаны служить определенное время, но чаще пожизненно.

Контракт определял жалованье солдата, обязанности и место, где он будет служить (в Англии или за рубежом). В контракте также, как правило, оговаривалось, что определенная доля военной добычи, захваченная солдатами, передается его нанимателю. Служить следовало только своему господину, и никакому другому без договора сторон. Контракт скреплялся печатью, и каждая сторона получала по экземпляру. Войти в чью-либо свиту, но служить в ней по контракту могли только рыцари или оруженосцы, обязанные носить единую форму, определенную нанимателем. Численный состав свит был различным. Так, свита графа Нортгемптона, набранная в 1341 году, состояла из 7 баннеретов, 74 рыцарей, 199 конников, 200 копьеносцев и хобиларов и 100 лучников. Свита графа Дерби, набранная в 1342 году, состояла из 5 баннеретов, 50 рыцарей, 144 оруженосцев и 200 конных лучников (часть которых выполняла свои феодальные обязательства, а другая служила по контракту). Свита мелкопоместных дворян была значительно меньше. Так, свита Джона Бошама состояла из 5 оруженосцев, 6 конников и 4 конных стрелков из лука.

Рыцари имели феодальные обязательства, и правительству было важно, чтобы рыцарей в стране было много, так что оно изыскивало разные способы, чтобы убедить имущих людей получить рыцарское достоинство. Да и для рыцарей, отправлявшихся на войну в составе чьей-либо свиты или по собственному желанию, это звание было выгодно, ибо они получали большее жалованье, чем нетитулованные солдаты, а если брали в плен богатого человека, то сами получали за него выкуп. Правда, стоимость оружия, снаряжения, лошадей и содержание слуг некоторых отпугивали, но тех, кто отказывался служить, штрафовали. При сильных монархах – Эдуарде I, Эдуарде III, Генрихе V – отказывавшихся служить было мало. При слабых и непопулярных монархах – Эдуарде II, Ричарде II, Генрихе VI – рыцари часто уклонялись от службы в армии.

Наемники, набранные королем и правительством, служили в армии так же, как и наемники в чьей-либо свите, но не имели никаких обязательств перед определенным бароном. Контракты заключались не только с солдатами, но и с людьми, обязывавшимися набрать за определенное время в установленной местности оговоренное число солдат нужной специализации. Условия службы этих солдат определялись заранее. Количество набранных таким образом рекрутов тоже было различным. Так, в 1341 году капитан Эдуард Монтегю обязался набрать в Бретани 6 рыцарей, 12 вооруженных конников, 12 копьеносцев

и 12 стрелков из лука за 76 фунтов²⁶. А вот сэру Хью Калвли удалось в той же Бретани рекрутировать тысячу человек.

В начале Столетней войны солдаты набирались в английскую армию вербовочными комиссиями, основой деятельности которых являлась воинская повинность гражданского населения. Такой набор в армию мало отличался от саксонских времен. Поначалу число солдат, набранных вербовочными комиссиями, превышало число наемников, но постепенно количество профессиональных солдат все более и более возрастало. За исключением жителей прибрежных районов все мужчины от шестнадцати до шестидесяти лет подлежали призыву в армию. Вербовочные комиссии состояли из королевских сержантов (людей примерно того же звания, что старший сержантский состав в наши дни), рыцарей на службе у короля и должностных лиц на местах. Использовать местные власти для призыва солдат в английскую армию, казалось, было проще всего, если бы не мздоимство. Вербовщики на местах за взятку освобождали от службы в армии не желающих в ней служить и часто рекрутировали людей, негодных к военной службе. Королевские сержанты и рыцари короля были не так продажны, к тому же сами имели военный опыт и потому набирали в армию подходящих людей.

Однако нередко люди, наиболее годные к армии, уже были призваны в свиты местных аристократов или становились наемниками. Кроме того, далеко не у всех было оружие, и согласно решению властей на местах те, кто не подлежал призыву на военную службу, должны были платить за оружие тех, кто шел в армию. Обеспечению набора в войска служили побудительные мотивы. Людей уверяли, что во время войны им будет выделяться определенная доля военной добычи общей стоимостью до ста фунтов, что равнялось двадцатилетнему заработку пешего лучника. Кроме того, объявлялось помилование находившимся вне закона. По существовавшим порядкам, если человек, подозревавшийся в преступлении, упорно игнорировал вызов в суд, его объявляли находящимся вне закона и могли даже убить, не опасаясь последствий. Правда, если человек, совершив преступление в одном графстве, перебирался в другое, то там в содеянном обвинить его не могли, но преступление все же с рук не сходило: его имущество конфисковывали в пользу короны. Помиловать взамен на службу в английской армии мог только король, но в силу помилование обычно вступало лишь после окончания срока военной службы и при условии положительной аттестации командиром. В 1339–1340 годах были помилованы 850 человек, треть которых совершили убийство. По всей вероятности, помилованные преступники составляли десятую часть английского войска.

Солдат, призванных на военную службу вербовочными комиссиями, объединяли в винтенарии (двадцатки)²⁷. Этим подразделением командовал винтенар (младший офицер). Пять винтенарий составляли сентенарию (сотню), которой командовал сентенар (сотник). Ему полагалась лошадь, даже в том случае, если его подчиненные были пешими. Как новобранцы проходили военную подготовку, известно мало, но, должно быть, имелся специальный – возможно, недельный – курс обучения, включавший стрельбу из лука. Хотя в те времена солдат не заставляли ходить строем, да еще в ногу, от них, вероятно, требовалось не отставать друг от друга, чтобы они быстро могли принять боевой порядок, когда возникала необходимость.

Солдатам надлежало сражаться как единое целое, беспрекословно подчиняться приказам, понимать военный язык и уверенно обращаться с оружием. Физическая подготовка и навык жить в полевых условиях, должно быть, были не так важны, как для нынешних новобранцев, но несомненно, что и в те времена солдат обучали оказывать первую медицинскую помощь и требовали соблюдать личную гигиену. Солдаты носили

---

²⁶ Обычно стоимость такого набора солдат составляла 80 фунтов. Поэтому или Эдуард Монтегю доплатил собственные деньги, надеясь восполнить свои потери грабежом на войне, или убедил рекрутов наняться на военную службу за более низкое жалованье.

²⁷ Vingt (*фр.*) – двадцать.

форменную одежду, что помогало их контролировать и поддерживать дисциплину, но единой формы в ее нынешнем понимании тогда не было. Многие подразделения носили форму согласно принятому стандарту, а состоятельные бароны нередко соперничали друг с другом в части экипировки своих солдат.

Большинство солдат носили форму светлых тонов, форма других имела некоторые отличия. Так, валлийцы носили стеганые туники, с одной стороны белого цвета, а с другой – зеленого. Лондонцев отличали красно-белые шевроны на рукавах. Но хотя солдаты английской армии и носили более или менее идентичную форму, в пылу сражения, когда повсюду развевались различные штандарты и знамена военачальников, отличить своих от чужих было не так-то просто, и потому Эдуард III, последовав примеру деда, повелел всем солдатам носить нарукавную повязку с изображением красного креста святого Георгия.

В английской армии платили и людям, выполнявшим свои феодальные обязательства. Плата была поденной (как и в настоящее время) и зависела от звания и социального положения. Герцогу (поначалу единственному – принцу Уэльскому) платили в день 13 шиллингов и 4 пенса (0, 67 фунта), графу – 8 шиллингов (0,4 фунта), рыцарю-баннерету – 4 шиллинга (0,2 фунта), рыцарю-бакалавру – 2 шиллинга (0,1 фунта), вооруженному всаднику (но не рыцарю) – 1 шиллинг (0,05 фунта), английскому винтенару, хобилару и конному лучнику – 6 пенсов (0,025 фунта), валлийскому винтенару, пешему лучнику и английскому пехотинцу – 3 пенса (0, 0125 фунта), валлийскому копьеносцу – 2 пенса (0,083 фунта). Исходя из числа подчиненных, герцога можно приравнять к бригадиру, графа – к командиру батальона, баннерета – к командиру роты, а рыцаря – к командиру взвода. Соотношение их заработка 7:4:2:1, учитывая разные полномочия и ответственность, можно для тех времен считать справедливым²⁸.

После морской победы при Слейсе англичане больше не опасались французского вторжения в глубь страны, но возможность отдельных неприятельских налетов на побережье еще оставалась. Оборона приморских районов Англии была возложена на местные власти, что вылилось в организацию – с одобрения короля, береговой обороны, состоявшей из штаба береговых наблюдателей и службы предупреждения, – береговой линии сигнальных огней, зажигавшихся при угрозе высадки неприятеля. Каждый сигнальный огонь обслуживали от четырех до шести наблюдателей. Они ставили друг на друга три бочки из-под вина, заполненных песком, и, забравшись на них, вели наблюдение за морскими просторами. Не остались без участия в обороне и церкви. Им было предложено звонить, когда надо, лишь в один колокол, а устраивать перезвон только при высадке неприятеля.

Приморскими районами Англии считалась территория, уходившая от моря в глубь страны на три лиги (девять миль). Жители этих районов не подлежали призыву в армию для прохождения службы в других краях. А вот для крупных землевладельцев существовало ограничение другого – обременительного – характера. Им настоятельно предлагалось жить в своем графстве, чтобы в случае вторжения неприятеля собрать и возглавить народное ополчение. Также существовала договоренность, что в случае нападения неприятеля на приморское графство на помощь должно прийти народное ополчение из близлежащих удаленных от моря графств. Тем не менее было трудно препятствовать населению приморских районов менять свое местожительство, особенно это касалось жителей острова Уайт, Портсмута и Саутгемптона, которые наиболее часто страдали от неприятельских рейдов. И все же такая система защиты приморских районов от нападения неприятеля (которым оказывались французы) помогала отразить кратковременные налеты, но с крупномасштабным вторжением в Англию она, пожалуй, справиться не могла. К счастью, после боя при Слейсе вторжение неприятеля в глубь страны англичанам не угрожало.

---

²⁸ В наше время это соотношение, правда, меньше: 3,25:2,25:1,75:1, но оно имеет малую связь с характером и объемом работы и иллюстрирует пренебрежение демократией и универсальное правило платить руководству больше.

Когда Эдуард III собирал деньги на формирование новой армии, чтобы возобновить войну с Францией (что случится в 1346 году), в Бретани начались беспорядки, которые Англия оставить без внимания не могла. Бретань являлась стратегически важным районом для англичан, ибо вдоль ее побережья постоянно курсировали купеческие суда между Англией и Бордо, перевозившие зерно в Аквитанию и возвращавшиеся с вином. К тому же в случае шторма в Бискайском заливе на пути в Аквитанию в Бретани можно было переждать непогоду. Для Англии было важно, чтобы Бретань в лучшем случае являлась союзником, а в худшем – соблюдала нейтралитет. Хотя бретонские герцоги считались вассалами французского короля, они чеканили свои деньги, а при вступлении в должность устраивали пышную церемонию, схожую с коронацией. Они всегда старались быть независимыми от французской короны, и им это удавалось в той или иной мере – все зависело от того, какого рода контроль в силах установить сменявшие друг друга французские короли над дальней провинцией. Бывало, бретонцы, недовольные правлением герцога, подавали жалобы в находившийся в Париже *parlement* (парламент)²⁹, но решения, принятые этой инстанцией, бретонские герцоги игнорировали, и даже король был почти бессилён. Бретонский герцог Артур II, правивший с 1305 по 1312 год, был дважды женат. От первого брака с Марией, виконтессой Лиможской, у него имелось два сына: Жак III, наследовавший ему в 1312 году, и Ги, который скончался в 1331 году. От второй жены Иоланды, графини Монфор, у него был еще один сын – Жан де Монфор. Герцог Жан III умер в 1341 году, не оставив наследника. У Ги, умершего раньше, была дочь – Жанна де Пантьевр.

Жан де Монфор еще до кончины герцога Жана III проводил немало времени во французской столице, пытаясь в суде доказать свои наследственные права на некоторые поместья, а также посещал Фландрию, где женился на дочери графа, властителя этой области. Когда в 1341 году герцог Жан III умер, Жан де Монфор посчитал себя преемником графа, но у него нашлась сильная конкурентка – Жанна де Пантьевр. Тогда Жан де Монфор обратился за содействием к Эдуарду III, посчитав, что раз Эдуард объявил себя французским монархом, то он может решить вопрос в его пользу. Тем временем ассамблея, созванная в Париже Филиппом VI, решила спор о бретонском наследстве в пользу Жанны де Пантьевр, что неудивительно: она была женой Карла Блуа, преданного сторонника короля. Поспособствовав этому решению ассамблеи, Филипп намеренно не принял во внимание то, что всего несколько лет назад он категорически утверждал: наследование престола по женской линии неприемлемо (иначе это суждение распространилось бы и на герцогство).

Тогда Жан де Монфор решил отстаивать свои права силой оружия, но большой поддержки среди населения не нашел. Однако когда Карл Блуа во главе французского войска вторгся в Бретань, положение изменилось: бретонцы разделились на два враждующих лагеря – высшая знать приняла сторону Карла, а мелкопоместное дворянство, говорившее по-бретонски, возмутилось покушением на их независимость и стало поддерживать де Монфора. К этой партии присоединились купцы и обитатели побережья, жившие на доходы от стабильной торговли с Англией. Однако де Монфор оказать сопротивление неприятелю не сумел. В Бретань вторглась французская армия под командованием Иоанна, герцога Нормандского, сына Филиппа. Сначала Иоанн захватил Шамтосо на Луаре, затем осадил и 18 ноября взял Нант. В этом сражении Жан де Монфор попал в плен. Начались переговоры: что может де Монфор посчитать компенсацией за отказ от власти в Бретани. Но антифранцузская партия имела свои взгляды на то, кому в герцогстве должна принадлежать власть, и продолжила вооруженную борьбу с неприятелем. Усилия сторонников де Монфора не увенчались успехом. Весной 1342 года Иоанн с боем взял Рен, а затем Ван. Но когда, казалось, партия де Монфора потерпела бесповоротное поражение, его жена, Жанна Фландрская, решительная женщина «с сердцем льва и несгибаемостью мужчины» (как ее охарактеризовал хронист Фруассар), отправилась в Англию и убедила Эдуарда III (которого

---

²⁹ Это не парламент по английскому образцу, а Королевский верховный суд и предположительно высшая инстанция для провинциальных судов.

не требовалось особенно уговаривать) направить в Бретань английскую армию. В марте 1342 года на бретонскую землю высадился сэр Уолтер Мэнни с сорока рыцарями и двумястами лучниками. За ним в июле того же года последовал Уильям Богун, граф Нортгемптонский, имевший в составе своего войска пятьдесят рыцарей и тысячу лучников.

Высадившись в Бретани, Нортгемптон присоединил к своему войску солдат Уолтера Мэнни, возложил на себя командование объединенными силами и осадил город Морле. В сентябре на помощь осажденному городу подошла французская армия под командованием Карла Блуа. Тогда Нортгемптон ночью отошел со своим войском на четыре мили к северо-западу от Морле и занял оборонительную позицию. Тыл Нортгемптона прикрывал густой лес, а фланги – лишь перелески, и потому Нортгемптон приказал вырыть перед ними канавы. Но этим он не ограничился. Используя, к своей выгоде, печальный опыт, полученный англичанами в битве при Бэннокберне, он приказал также вырыть канавы и ямы перед фронтом, после чего прикрыть их ветками и травой. Перед боем Нортгемптон всех солдат, имевшихся в его войске, выстроил пешими, растянув по фронту. В противоположность тому, что в будущем станет стандартом английской оборонительной тактики, Нортгемптон не стал ставить лучников на фланги, а включил в общее фронтальное построение, видимо опасаясь, что в ином случае глубина фронта окажется недостаточной. Нортгемптон мог выстроить свое войско в две линии глубиной и шириной в 600 ярдов, но в связи с тем, что большинство войска составляли стрелки из лука, в отличие от рыцарей не имевшие (как можно предположить) такого оружия, как мечи, булавы и алебарды, то более вероятно, что он построил войско в три-четыре ряда шириной от 300 до 400 ярдов. Как бы там ни было, когда 30 сентября пятитысячная французская армия перешла в наступление с тяжелой конницей впереди, французские рыцари, не заметив препятствий, падали вместе с конями, и с ними легко расправлялись пешие англичане. В этом бою французы потеряли убитыми по меньшей мере пятьдесят рыцарей и еще около ста пятидесяти оказались в плену. Остальные французы с поля боя бежали. Не имея достаточных сил, Нортгемптон не стал их преследовать.

В октябре к Нортгемптону присоединился Эдуард III, высадившийся в Бресте с пятитысячной армией, и вскоре англобретонцы взяли в Бретани все приморские города. Иоанн, герцог Нормандский, тоже не остался без подкрепления, после того как Филипп VI привел в Бретань свое войско. Однако французы предпочли защитную тактику, не помышляя дать противнику решительное сражение. Они сочли, что разумнее подождать, когда у английского короля закончатся деньги на содержание армии или он допустит ошибку, которая позволит его одолеть. Французы позволили Эдуарду взять Ван, что, правда, удалось англичанам далеко не после первого штурма города. В одной из атак, которую возглавлял Робер Артуа, он получил ранение, затем, уже вроде бы поправляясь, заразился дизентерией и умер. Его тело доставили в Англию и похоронили в Лондоне. Ван стал англо-бретонским административным центром, но дальше, к сожалению сторонников де Монфора, дело не двигалось. В противостоянии сторон наступило затишье, и наконец в январе 1343 года было заключено перемирие, которое зафиксировало существовавшее в тот момент положение дел. Дальнейшие переговоры о мире могли начаться на более продуктивной основе лишь при посредничестве папы римского. Жан де Монфор бежал из тюрьмы, нарушив слово не пытаться бежать (данное им за относительную свободу), приехал в Англию и принес оммаж Эдуарду III как французскому королю. В 1345 году Жан де Монфор вернулся в Бретань, намереваясь продолжать борьбу за наследственные права, но в сентябре внезапно скончался от заражения крови, не придав в свое время значения небольшой ране. Партии де Монфора теперь оставалось связывать свои дальнейшие планы с его пятилетним сыном. Война в Бретани все же принесла англичанам заметный успех: они получили хороший плацдарм для дальнейших военных действий во Франции.

И Эдуард начал готовиться к возобновлению войны с Францией. Одной из задач, которые следовало решить, являлось продовольственное обеспечение армии. Считалось, что после высадки войска на континенте через какое-то время продукты питания можно будет закупать у союзников, но было необходимо и до этого кормить армию: на сборных пунктах,

в море и – первое время – на континенте. Полагалось, что интенданты станут закупать продовольствие в необходимом объеме и доставлять на сборные пункты и в порты погрузки.

В те времена в рацион солдат входили соленая говядина и свинина, бекон и баранина, вяленая рыба (обычно сельдь), пшеничная и ржаная мука, овес, горох и бобы да еще сыр, обычно закупавшийся весом в вей (двадцать шесть стоунов³⁰). Картофеля тогда, естественно, не было, и главным продуктом питания средневекового человека являлся хлеб (за исключением богатых людей). При еде большой кусок хлеба использовался как нынешняя тарелка. Пшеница росла лишь на хорошо удобренных землях, и белый хлеб в армии предназначался только для командиров, остальные ели ржаной. В те времена вода была грязной, являлась разносчиком всевозможных болезней, и ее пили лишь в крайнем случае. Главным образом пили эль, сваренный из ячменя³¹. Ячмень вымачивали до тех пор, пока он не прорастал и не давал солод, который высушивали, молотили и смешивали с теплой водой, что вызывало брожение. В результате получался слабоалкогольный напиток, не вызывавший опьянения. Солдатам в день полагался один галлон эля. Многие англичане готовили эль в домашних условиях, и даже женщинам разрешали заниматься пивоварением, но лишь немногие поставляли пиво в армию. Когда в 1340 году ярмутские пивовары подрядились поставить эль для 1510 человек – экипажей 30 кораблей, намечавших в течение сорока дней ходить из Англии во Фландрию и обратно, – три производителя поставили флотским 60400 галлонов эля по цене один пенс за галлон³².

С конца 1345 года по весну 1346 года английские солдаты согласно приказу следовали на сборные пункты, а оттуда в порты погрузки, а королевские сержанты реквизировали суда и готовили к перевозке войска во Францию. К реквизиции кораблей их владельцы и купцы относились как нельзя более негативно – ведь нарушалась торговля. Реквизиция и процесс подготовки судна к отплытию занимали немало времени. Сначала требовалось разгрузить судно (часто не в порту назначения), затем привести в Портсмут, Сандвич или Уинчелси, приготовить к погрузке войска и лошадей, потом погрузить необходимое снаряжение и продукты питания. Корабли, на которых предполагалось перевозить лошадей, следовало снабдить широкими трапами, а на борту установить стойла. Готовясь к отплытию, англичане только в Гэмпшире заказали двадцать подобных трапов и тысячу переносных загоронок для возведения стойл, а также в нужном количестве гвозди, кольца (чтобы привязывать лошадей) и ремни для поводьев. Солдаты, набранные вербовочными комиссиями, были из *Citra Trent*³³ – графств, расположенных к югу от реки Трент. Население северных территорий в то время призыву не подлежало, ибо все еще существовала угроза шотландской агрессии. Солдаты собирались на сборных пунктах своего графства, а когда их набиралось достаточное количество, чтобы приставить командира, они отправлялись в порт назначения. 2 января 1346 года тридцать солдат из Солсбери, получив приказ идти в Сандвич, за шесть дней преодолели 130 миль. Солдаты из Стаффорда, получив назначение в тот же порт, за семь дней преодолели 140 миль. Солдаты, набранные в Шафтсбери, прошли 155 миль до Уинчелси, потратив на это 12 дней. Солдатам приходилось идти по плохим дорогам и преодолевать ежедневно немалые расстояния с оружием и ранцем. Для времен, когда передвигались пешком или в лучшем случае верхом, людям требовалась физическая закалка,

---

³⁰ Стоун равен 6,25 кг.

³¹ В те времена пиво, приготовленное из хмеля, в Англии не находило употребления, а вот на континенте было привычным напитком. В современном понимании пиво и эль – то же самое, но только не в разумии пуритан.

³² В наши дни галлон эля (напитка, гораздо более крепкого) стоит 22 фунта – в 5280 раз дороже. Однако цены все же сопоставимы. В Англии в середине XIV в. цена галлона эля составляла треть дневного заработка пешего лучника, а сейчас его стоимость составляет около трети дневного заработка английского рядового. Поэтому с помощью цен на эль можно, как представляется, наиболее правильно сопоставить товарную стоимость тогдашних и нынешних денег.

³³ По ту сторону Трента (*лат.*).

и можно с уверенностью сказать, что она была им присуща. Когда набранные солдаты ожидали на месте сбора, а затем отправлялись в путь, они все это время находились «на содержании короля». Иногда солдатам на сборном пункте приходилось находиться подолгу, чтобы дожидаться остальных рекрутов или переждать непогоду, что радовало местных женщин легкого поведения и владельцев таверн, но, возможно, не было особенно по душе другим местным жителям. Вероятно, нынешний Олдершот³⁴ не сильно отличался от сборного пункта солдат четырнадцатого столетия.

Численность армии, набранной Эдуардом в 1346 году, доподлинно неизвестна: необходимые официальные документы (к примеру, платежные ведомости) до нашего времени не дошли, а авторы хроник, похоже, брали данные с потолка, как правило, соглашаясь с собственными представлениями. Наиболее достоверный источник³⁵ указывает, что в армию Эдуарда входили 16500 солдат, помимо того трубачи, знаменосцы, лекари, подрывники, кузнецы, пушкари, мастеровые, а также отдельно указанный епископ Дарема, чье ежедневное жалованье составляло 6 шиллингов 8 пенсов (0,33 фунта). Часть армии в количестве 7700 человек составляли солдаты из различного рода свит, связанные феодальными или контрактными обязательствами, и наемники, набранные со стороны. Другую часть армии в количестве 8600 человек составляли солдаты, набранные вербовочными комиссиями. В состав армии входили 8 графов, 55 баннеретов, 599 рыцарей и 121 оруженосец, но далеко не все занимали командные должности, иначе командиры были бы в явном переизбытке. На самом деле соотношение численности командного к рядовому составу было примерно таким же, как в наше время. По специализации армия состояла из 2500 вооруженных конников и 2200 конных лучников (солдат, входящих в различные свиты, или наемников), а также из 500 пеших лучников, 3000 валлийских копьеносцев и 1200 хобиларов (все набраны вербовочными комиссиями). У каждого валлийского винтенария был переводчик, как и у других командиров, не знавших английского языка. Если предположить, что во время боя с противником вооруженные конники станут сражаться в пешем строю, а верхом будут передвигаться только графы и баннереты, чтобы наблюдать за перипетиями битвы, то английская армия могла выставить на поле сражения около восьми тысяч пеших солдат и примерно столько же лучников (включая чеширских стрелков – телохранителей короля).

Эдуард III повелел всем кораблям, сосредоточенным в Портсмуте и других портах погрузки, быть готовыми к выходу в море 14 февраля 1346 года. Однако отплытие несколько раз откладывалось: сначала из-за неготовности кораблей, а затем по причине неблагоприятной погоды (стало штормить), и наконец отплытие постепенно перенесли на начало июля. В конце июля погода наладилась, и на корабли стали заводить лошадей (приблизительно двадцать тысяч) и грузить продовольствие. В случае потери лошади в битве король был обязан поставить другую лошадь владельцу павшей или возместить потерю деньгами. Каждая лошадь имела документ с описанием (с указанием высоты в холке и особых примет), в котором обозначались имя владельца и стоимость. Стоимость лошадей была разная: от 1 фунта верховой лошади хобилара до 10 фунтов боевого коня английского рыцаря. Перед отплытием в церкви Фархэма (Гэмпшир) состоялась торжественная церемония передачи Большой государственной печати английского королевства, и 5 июля английские корабли вышли в море, каждый из своего порта погрузки, чтобы собраться для дальнейшего перехода у острова Уайт. Когда корабли пришли к месту встречи, в Лондон, Дувр, Уинчелси и Сандвич отрядили посыльных, чтобы передать приказ короля: не выпускать никого из страны в ближайшие восемь дней. Англичане опасались французских шпионов, которые могли сообщить во Францию об отплытии Эдуарда.

Сам Эдуард был близок к тому, чтобы стать одним из величайших в истории Англии королей-полководцев.

---

³⁴ Олдершот – один из двух главных английских военных центров с учебным лагерем. – *Примеч. пер.*

³⁵ Andrew Ayton. English army at Crecy. Boydill, Woodbridge, 2005.

Глава четвертая Креси

Когда Эдуард оставил за кормой остров Уайт, у него было три подходящих места для высадки своего войска на континенте: Фландрия, где после боя при Слейсе он снискал расположение местного населения, Аквитания, где Генрих, граф Дерби и граф Ланкастер, боролся с произволом французских властей, и Бретань, где Эдуард мог соединиться с войсками сэра Уолтера Мэнни и партии де Монфора. В каждом из этих мест Эдуард мог не только высадиться без боя, но и организовать надежный плацдарм для дальнейшего наступления. Но Эдуард вместо этого решил высадиться в Нормандии, которой управлял сын Филиппа VI и соответственно послушной французской короне. Эдуард, разумеется, знал, что Филипп ожидает вторжения англичан, но английский король (как генерал Фредерик Морган, планировавший спустя почти шестьсот лет свой День «Д») решил высадить армию там, где ее явно не ждут. Конечно, Эдуард шел на риск, но риск был невелик. Разумеется, в Нормандии он не мог рассчитывать на теплый прием, но там не было неприятельских войск: большая часть вражеской армии находилась в Аквитании. Кроме того, высадившись в Нормандии, он открывал второй фронт, чтобы заставить французов разобщить силы. К тому же Нормандия считалась богатым краем – там только что созрел урожай, и можно было рассчитывать на пополнение продовольствия, – да и в городах было чем поживиться.

Когда в 1944 году англичане переправлялись в Нормандию, они испытали на море немало трудностей, но в 1336 году переход выдался намного труднее. В 1944 году переход занял значительно меньше времени, и хотя люди на борту кораблей в той или иной мере страдали морской болезнью, их по крайней мере не окружали конские испражнения, и не нужно было ухаживать за взбудораженными животными. В 1336 году англичанам помешал встречный ветер, и корабли стало сносить к Корнуоллу; только после того как ветер переменился, корабли стали приближаться к Нормандии. 12 июля, проведя в море семь дней, английские корабли подошли к нормандскому побережью и встали на якорь в заливе Ла-Уг (ныне Сен-Ва-ла-Уг) у восточного берега полуострова Котантен. На высадку и разгрузку ушло три дня. Корабли, которые первыми разгрузились, пошли к Барфлеру, в трех милях от места высадки. Обнаружив на рейде семь французских боевых кораблей, англичане вывели их из строя, а затем сожгли город, предварительно изъяв все городские ценности, какие могли унести с собой³⁶. Трое нормандских рыцарей перешли на сторону англичан, что было тем на руку, ибо знание перебежчиками местного диалекта могло пригодиться.

Эдуард III не собирался давать французам решительное сражение. Он намеревался совершить *chevauchée* (грабительский конный рейд), сопровождавшийся быстрым передвижением по вражеской территории с нанесением максимально возможного ущерба противнику. Во время рейда англичане намеревались разрушить города и укрепления, сжечь урожай, изъять местные ценности и истребить непокорных, посчитав, что эти акции ослабят французскую экономику, хотя бы за счет уменьшения налоговых поступлений. Террор мог вынудить население изменить своему монарху и принять условия англичан. Не ожидая встретить в Нормандии должного сопротивления, Эдуард, видно, решил, что разрушительным рейдом подорвет репутацию Филиппа VI, неспособного защитить своих подданных. В те времена подобные рейды (правда, с привлечением меньших сил) были обычным делом. Сначала участники рейда, захватив участок вражеской территории, организовывали на этом месте опорный пункт, а затем совершали набеги в глубь местности, чтобы организовать новые опорные пункты и продолжить бесчинства. В случае приближения неприятельской армии они возвращались в порт высадки, чтобы уйти

---

³⁶ Фруассар в своей «Хронике» пишет, что англичане Барфлер не сожгли, но сам он в это время в городе не был, а вот, по словам Майкла де Нортбурга, одного из королевских чиновников, очевидца событий, англичане город сожгли. Показание Нортбурга цитирует Джордж Ротсли в книге «Креси и Кале».

восвояси.

Эдуард намеревался дойти от Нормандии до Понтье, английского графства в устье Соммы, а затем, в зависимости от действий французов, вернуться в Англию или пойти во Фландрию, где рассчитывал на благорасположение местных жителей. В те времена не видели большой разницы между солдатами и другим мужским населением неприятельской стороны, ибо большая часть мужчин могла быть призвана в армию. Также стоит отметить, что если между дворянами противоборствовавших сторон в те времена еще сохранялся налет прежних рыцарских отношений, то люди более низкого социального положения рассчитывать на сочувствие к себе почти не могли, а о крестьянах, которых военные действия доводили до нищеты, вообще не думал никто – ни французы, ни англичане.

18 июля английская армия в полном составе вошла в Валонь, город, находившийся в одиннадцати милях от места высадки, а затем направилась в Карантан. Преодолев еще одиннадцать миль, англичане уткнулись в Дувр, но единственный мост через реку оказался разобраным. Пехота и конница могли без труда переправиться на другой берег, но для обоза, перевозившего предметы снабжения армии, продовольствие, фураж и захваченную добычу, была необходима надежная переправа. Нормандские мосты строили с каменными опорами и деревянным настилом, который при надобности быстро и легко разбирался, зато и его реконструкция не занимала долгое время, и потому английская армия вошла в Карантан и, значительно пополнив продовольственные запасы, предала город огню, хотя, по некоторым свидетельствам, Эдуард возражал против разрушения города. На следующий день англичане подошли к Виру, чтобы, перейдя реку, войти в Сен-Ло. На этот раз мостов было несколько, но опять без настила. Починив один из них, англичане 22 июля вошли в Сен-Ло, где, захватив тысячу бочек с вином, снова взялись за факелы. На сей раз Эдуард даже не сделал попытки спасти город от гибели, ибо еще при вступлении в городские ворота пришел в неистовство, увидев насаженные на пики головы трех нормандских дворян, перешедших на его сторону, но затем попавших в плен к неприятелю. В стане противника их, конечно, посчитали изменниками, но, по разумению Эдуарда, они не изменяли своему законному королю, то есть ему, да и в любом случае не подобало казнить пленных рыцарей.

Байе, следующий город на пути английского войска, избежал участи разрушенных неприятелем городов: представители горожан встретились с Эдуардом и согласились на вассальную зависимость от английской короны. 25 июля английская армия подошла к Кану (превышавшему количеством населения любой английский город, за исключением Лондона), преодолев двадцать миль за семь дней, – довольно быстро, если учесть, что по пути грабила окрестные поселения. Впрочем, к Кану подошли только конники, а те, кто шел пешком, отстали. Кроме того, Эдуард послал часть пехотинцев на помощь флоту, который двигался следом за армией вдоль побережья. По пути англичане время от времени высаживались на берег, грабили и сжигали прибрежные усадьбы, деревни и фермы, опустошая нормандское побережье от Шербура до Уистреама. Эдуард стремился разрушить морскую мощь Франции на побережье Ла-Манша и захватить как можно больше добычи. Не забывали о военной добыче и простые солдаты, что привело к тому, что около ста кораблей, набитых награбленным до планшира, несмотря на приказ идти вдоль побережья Нормандии, поспешили вернуться в Англию, где флотские и оказавшиеся на борту пехотинцы надеялись выручить хорошие деньги.

В отличие от взятых англичанами городов Кан имел комплекс фортификационных сооружений. В центре стоял замок Вильгельма Завоевателя, мощная, возвышавшаяся над городом крепость, а сам город окружала построенная в одиннадцатом веке крепостная стена, правда, разрушенная в некоторых местах. Примерно в восьмистах ярдах от замка, но по разные стороны от него (на северо-востоке и на юго-западе), находились две обители – женская и мужская (место захоронения Вильгельма Завоевателя). Торговый центр города и наиболее богатый район располагались в шестистах ярдах от замка, на острове Сен-Жан, омывавшемся реками Орн и Одон и их рукавами. Эти реки существуют и ныне, вот только направление их русел стало другим: большая часть Одона в пределах Кана теперь находится

под землей, а рукава давно пересохли. Там, где Одон протекал в черте города, теперь тянется Рю-дез-Алье. На этой улице находится церковь Святого Петра, раньше стоявшая на берегу ушедшей под землю части Одона. В то время через Одон возле церкви был перекинут мост Святого Петра. На острове Сен-Жан с юго-востока на северо-запад пролегалла дорога (нынешняя улица с тем же названием, что и остров). В 1845 году в южной части острова на берегу Орна построили порт Басен Сен-Пьер.

Из городов, захваченных англичанами, в Кан хлынули беженцы, а когда английская армия вошла в Фонтене-ле-Пенель (к востоку от кантона Тийи-сюр-Сель) и находилась в двенадцати милях от Кана, в гористой местности (на которой в 1944 году британскую армию постигла явная неудача), констебль Кана, командир местного гарнизона, решал, что предпринять. Его гарнизон насчитывал 1200 солдат – конников, пехотинцев и арбалетчиков из Генуи. Решив, что с таким составом весь город не удержать, он собрался защищать только замок и остров Сен-Жан. В самом деле, городская крепостная стена, местами обваленная, не могла служить серьезным препятствием для противника, а у констебля не было сил, чтобы защитить все проемы. Не стал констебль оборонять и обе обители, хотя те имели крепкие стены.

Констебль разделил гарнизон на две части: двести конников и сто арбалетчиков были отряжены на защиту замка, а остальной состав гарнизона отправился на остров Сен-Жан, чтобы держать оборону вместе с местными добровольцами. Чтобы не пустить неприятеля на остров Сен-Жан, констебль, ожидая наступления англичан с юго-востока, распорядился неподалеку от замка, на северо-востоке, соорудить баррикаду, и ее возвели из перевернутых крестьянских повозок, церковных скамей и камней, привезенных с участков, намеченных для застройки. Баррикада была предназначена для того, чтобы не допустить англичан на мост Сен-Пьер. В то же время на Одон в район замка привели и поставили на якорь несколько барж с арбалетчиками на борту. Ночью к городской стене Кана подошел профессор теологии августинец Джеффри из Малдона и передал горожанам послание Эдуарда, в котором король пообещал сохранить жизни жителям Кана и не подвергать разрушению город, если он сдастся без боя. Городской совет Кана отверг предложение английского короля, а епископ Байе, находившийся в замке, в сердцах разорвал послание. В результате несчастный Джеффри оказался в тюрьме.

Английская армия, разделенная Эдуардом на три части, подошла к Кану утром. Король хотел провести разведку, чтобы спланировать захват города, но солдаты принца Уэльского, номинально возглавлявшего авангард, подойдя к восточным воротам Кана, с удивлением обнаружили, что ворота оставлены без защиты. Беспрепятственно пройдя внутрь, солдаты вскоре определили, что город пуст, а гарнизон города и большинство жителей перешли на остров Сен-Жан. Тогда граф Уорик (вероятно, советник принца Уэльского, но фактически командир английского авангарда) ввел в город дополнительное число подчиненных, но солдаты первым делом принялись грабить и жечь оставленные жителями дома. Остановить их граф не сумел.

Продвинувшись дальше, англичане наткнулись на баррикаду, защищавшую мост Сен-Пьер. Начался бой с французами. Тем временем Эдуард, поднявшись в захваченную англичанами мужскую обитель стал с высоты обозревать город. Заметив, что у моста завязался бой, Эдуард послал к Уорику вестового с приказом немедленно отступить. Король собирался координировать действия армии. По приказу Уорика трубач протрубил «отступление», но приказ не был выполнен, и тогда граф, руководствуясь принципом «если невозможно остановить, примкни», ввел в бой все свое войско.

В это время года Одон был мелководным, и стрелки из лука и валлийские копьеносцы начали переходить реку вброд и атаковать арбалетчиков, располагавшихся в баржах у противоположного берега. Французы, защищавшие мост, опасаясь нападения с тыла, устремились на остров. За ними хлынули англичане, и бой разгорелся на узких улочках и в домах. Английские конники брали в плен богатых французов, а лучники и копейщики никого не щадили. Французские рыцари, отличимые по внешнему виду, искали английских

рыцарей, чтобы сдать в плен, понимая, что только так могут сохранить себе жизнь. Замок англичане не тронули, не решившись на штурм. Им хватило добычи, захваченной в городе.

В хрониках приводятся разные данные о потерях во время боя. Так, согласно одной, погибли 5000 французов. В другой хронике рассказывается, что после боя в городе обнаружили мертвыми 2600 человек, до неузнаваемости изуродованных. В третьей говорится, что в общей могиле у церкви Святого Петра похоронили 500 человек. И только в одном хронике сходятся: к англичанам попали в плен 230 французов (рыцарей, оруженосцев и состоятельных граждан). О потерях англичан в хрониках не сообщается. Только в одной рассказывается, как некий оруженосец скончался от ран через несколько дней после боя. Но потери англичан одним человеком, конечно, не ограничились. Лучники и копьеносцы, переходившие реку вброд и приблизившиеся к французским арбалетчикам, находившимся на баржах, без потерь обойтись никак не могли. Кроме того, согласно «Хронике Ланеркоста», жители Кана бросали в англичан камни с крыш.

Английская армия пробыла в Кане пять дней. После грабежей и насилия, сопровождавших взятие города, в армии восстановили порядок и занялись подготовкой к дальнейшему продвижению по территории Франции: погрузили в обоз захваченные ценности и продовольствие, оказали медицинскую помощь раненым и похоронили убитых. Те, кто проявлял меньше захватнического усердия, посетили с ознакомительной целью гробницу Вильгельма Завоевателя. Английскую, а затем и британскую армию нередко, вплоть до двадцатого века, обвиняли в насилии по отношению к населению захваченных городов. Но англичан, пожалуй, можно обвинить только в том, что в захваченных городах они излишне прикладывались к бутылке и чрезмерно активно искали общества женщин, хотя случаев изнасилования при этом было не много, чего не скажешь о солдатах других иностранных армий. Англичане вешали голову после излишнего возлияния, но сами вешателями не были. Находясь в Кане, Эдуард повелел, чтобы ему прислали из Англии сто кораблей (взамен самовольно покинувших расположение армии), 1200 лучников, 2450 луков и 6300 пучков стрел. Позже, придя в Уистреам, Эдуард отправил в Англию пленных под охраной отряда стрелков из лука, которых возглавил граф Хантингдон.

Пленных отпускали на свободу за выкуп, являвшийся заметной статьей дохода средневековых солдат. Получив большой выкуп, можно было разбогатеть. Практика удержания пленного до получения выкупа существовала не один век, но во время войн англичан с валлийцами и шотландцами пленные особых доходов не приносили. В Столетнюю войну эта практика расцвела. Попавшие в плен богатые горожане, у которых было мало наличных денег, могли обрести свободу за драгоценности и меха, богатые рыцари оплачивали выкуп деньгами, менее состоятельные отдавали взявшему их в плен человеку свою лошадь и военное снаряжение, бедные рыцари порой соглашались служить хозяину определенное время.

Соглашение о выкупе обычно оформлялось в письменном виде. Величина выкупа составляла от трети до половины имущественных активов, чаще в денежном выражении. Если выкуп за пленного получал человек, связанный контрактом с лицом, подрядившимся в свое время набрать в установленной местности оговоренное личным контрактом число солдат, то треть выкупа передавалась этому человеку, а он, в свою очередь, передавал треть полученных денег (или полученного имущества) своему нанимателю (как правило, королю). Пленного можно было продать, что происходило в том случае, если взявший его в плен человек не собирался долгое время содержать пленного в ожидании выкупа, предпочитая получить за него хоть какие-то деньги поскорее. Величина некоторых выкупов была довольно большой. В Кане сэр Томас Холланд, взяв в плен графа д'Э, городского констебля, продал его королю за 12000 фунтов, а тот за освобождение графа получил значительно больше. Сэр Томас Даниэль, входивший в свиту принца Уэльского, взяв в плен графа Танкарвиля, казначея Кана, был вынужден уступить его принцу за 666 фунтов и ежегодную ренту в размере 26 фунтов 13 шиллингов 4 пенса (что было неплохо для сэра Томаса, но, конечно, не оправдало его первоначальных ожиданий), а принц за Танкарвиля получил

выкуп в размере 6000 фунтов.

Закончив подготовку к дальнейшему продвижению по территории Франции, Эдуард повелел, чтобы вызванные им из Англии корабли шли на встречу с английской армией в порт Ле-Кротуа в Понтье, что давало возможность вывезти армию континента в случае изменения ситуации к худшему. Но до Ле-Кротуа было 140 миль, да еще требовалось переправиться через Сену, водную преграду, значительно более труднопроходимую, чем прежде встречавшиеся. Эдуард мог, конечно, двигаться с армией вдоль побережья, не удаляясь от флота, чтобы с его помощью переправиться через устье реки и вступить в Гавр (этот город угрозы не представлял, ибо английский флот уже успел уничтожить стоявшие на рейде французские корабли, а сам город предать огню).

Взвесив все обстоятельства, Эдуард решил двинуться в глубь страны, чтобы показать местному населению, что узурпатор верховной власти Филипп Валуа не может защитить свой народ. Английское войско пошло к Эвре, опустошая все на своем пути. Однако Эвре представлял собой хорошо укрепленный замок с большим гарнизоном, и поэтому Эдуард, чтобы не тратить время на длительную осаду, обошел непредвиденное препятствие и направил войско к Лувье, городу с развитой швейной промышленностью. Лувье не имел оборонительных укреплений, и Эдуард легко им овладел. После этого Эдуард намеревался переправиться через Сену около Пон-де-л'Арш, а затем захватить Руан. Однако вскоре выяснилось (из данных разведки), что в Руане стоит хорошо вооруженный многочисленный гарнизон под командованием графа Аркура (чей брат сэр Годфри Аркур служил в армии Эдуарда), а в Пон-де-л'Арш находится аванпост под командованием графа Дре, который тоже располагает немалыми силами. Также выяснилось, что местный мост через Сену разрушен. Получив эти сведения, Эдуард изменил первоначальный план и двинулся по левому берегу Сены к Вернону, приближаясь к Парижу. Тем временем французский король наконец собрал свое войско и двинулся с ним по правому берегу Сены, разрушая мост за мостом. Вернон оказался хорошо укрепленным, и хотя англичане на подходе к нему взяли крепость Лонгвиль, самим городом овладеть не смогли.

Единственным успехом англичан в это время стало взятие французского замка Ла-Рош-Гийон на правом берегу Сены, да еще малыми силами, которые возглавил тридцатилетний Роберт де Феррерс, землевладелец из Стаффордшира. Он встал во главе отряда, состоявшего из одного баннерета, трех рыцарей, двадцати пяти оруженосцев, тридцати двух конных лучников и трех пеших стрелков из лука. С этим отрядом он подошел к Сене и обнаружил на берегу вместительную лодку. Посадив в это суденышко всех, кто мог поместиться, он переправился через реку и подошел к замку. Замок был хорошо укрепленным сооружением, и Феррерс вряд ли бы им овладел теми малыми силами, что имел. Командир гарнизона, однако, впал в панику, решив, что к замку подошел авангард английского войска, и, вместо того чтобы организовать оборону (которую было по силам держать несколько месяцев), сдался Феррерсу. При взятии замка англичане потеряли лишь одного человека – сэра Эдварда Этта Воуда, которому в голову угодил камень, брошенный со стены. Феррерс не стал уводить с собой сдавшихся в плен людей, ограничившись тем, что взял с каждого слово, что тот позже заплатит выкуп. Завершив операцию, Феррерс вернулся в расположение армии. Его вылазка военного значения не имела, но лишней раз показала, что Филипп VI не способен защитить свой народ на собственной территории.

Еще до этого Филипп сделал попытку прийти к соглашению с Эдуардом. Он послал к англичанам одного из епископов, и тот от имени французского короля предложил Эдуарду в вассальное пользование графство Понтье и конфискованную французами часть Аквитании в обмен на вывод английских войск с территории Франции. Эдуард посчитал предложение неприемлемым.

Оставив Вернон, английская армия пошла дальше вверх по реке, надеясь переправиться через Сену у Нанта. Однако, подойдя к городу, англичане увидели, что крепостная стена усеяна неприятельскими солдатами. Эдуард решил идти дальше, и англичане продолжили двигаться вверх по Сене, обходя стороной защищенные города и опустошая незащищенные

поселения. 12 августа английская армия подошла к Пуаси, оказавшись в двадцати милях от французской столицы. Мост через Сену у Пуаси был разрушен, но каменные опоры оказались нетронутыми. В это время французская армия продолжала движение по правому берегу Сены и, обходя излучину, подходила к Сен-Клу. Воспользовавшись отсутствием неприятеля, Эдуард повелел починить мост через Сену, для чего требовалось положить новый настил. Пока поправляли мост, английские отряды опустошали пригороды французской столицы от Сен-Жермен-ан-Ле до Булони. В Париже началась паника, и горожане стали возводить баррикады на улицах, которые патрулировали солдаты для пресечения беспорядков.

Филипп VI тем временем пребывал в Сен-Дени (месте погребения французских монархов), городе к северу от Парижа, где выслушивал всевозможные советы, что предпринять. Филиппу было о чем подумать: надежда на то, что у Эдуарда закончатся деньги на содержание армии, явно не оправдалась, возможность переправиться через Сену и разбить англичан была из-за собственной нерешительности упущена, во Фландрии склонялись к союзу с Англией, а Аквитания продолжала сопротивление. Филипп объявил призыв в армию, и в город поступил приказ прислать войско в Париж. Тем временем Эдуард переправился через Сену и двинулся на север. Его авангард под командованием сэра Годфри Аркура, состоявший из пятисот конников и тысячи двухсот конных лучников, наткнулся на французское войско. Это были солдаты, собранные в Амьене и направлявшиеся в Париж. Сопротивление поднаторевшим в сражениях англичанам оказать они не смогли. Одни французы пали на поле боя, другие попали в плен, но наиболее важным достижением англичан стал захват неприятельского обоза, набитого доверху продовольствием, вином и одеждой.

Продвигаясь на север, английская армия захватила Бове. Разграбив город, англичане, как обычно, взяли за факелы. Огонь запылал даже в аббатстве Сен-Люсьен, но был ли это поджог или аббатство пострадало от перекинувшегося огня, доподлинно неизвестно. Наверное, аббатство все-таки подожгли, ибо после этого случая Эдуард незамедлительно приказал не трогать церковные учреждения и повелел повесить двадцать солдат, виновных в святотатственной акции. Наверяд ли приказ был выполнен в полной мере – солдаты стоили дорого, и вместо казненных пришлось бы набирать новых. Скорее всего повесили не более двух человек для устрашения остальных и поддержания дисциплины, показав, что хотя грабеж и поджоги не возбраняются, преступать через границы дозволенного не стоит.

Двигаясь дальше на север, английская армия овладела Мийи, затем Гранвилье и, направляясь к Пуа, взяла по пути замок в Даржи. В Пуа было два замка, но оба – без гарнизона. Решив, что сопротивление бесполезно, горожане отправили к Эдуарду своих представителей, и те сообщили, что город готов отдать крупную сумму денег, если англичане его не тронут. Выкуп пообещали внести на следующий день. Эдуард согласился и утром двинулся дальше, оставив в Пуа небольшой отряд для получения выкупа. Узнав, что английская армия ушла из Пуа, горожане пошли на попятный, решив, что выкуп платить не стоит. Когда об этом донесли Эдуарду, он вернулся в Пуа. Город разграбили и сожгли, а тех, кто был при оружии, без раздумий повесили.

Следующим городом, захваченным англичанами, был Эрен, находившийся в трех милях от Соммы, через которую Эдуард рассчитывал переправиться, чтобы иметь возможность соединиться со своим флотом. В это время английскому королю доложили, что все ближайшие мосты через Сомму разрушены, а Филипп собрал войско больше английского, которое форсированным маршем, преодолевая в день до двадцати пяти миль, приближается к англичанам. К тому времени все солдаты английской армии были обеспечены лошадьми (за счет захваченных у противника), но, несмотря на это подспорье, из-за непрекращавшихся грабежей оказавшихся на пути поселений и необходимости тратить время на пополнение продовольствия и корма для лошадей, продвижение англичан заметно замедлилось. Эдуарду было необходимо поскорее переправиться через Сомму, после чего соединиться со своим флотом или идти дальше – во Фландрию, где он рассчитывал на

помощь фламандцев, тем более что те, выступив наконец против французов, захватили Бетюн. Наиболее крупные мосты через Сомму находились в Амьене и Абвиле, но их усиленно охранял неприятель, а главные силы французской армии во главе с Филиппом приближались к Амьену.

За шесть недель английская армия прошла четыреста миль. Солдаты устали, продовольствия не хватало. К тому же англичан начали допекать местные жители, объединившиеся в небольшие отряды. Ободренные тем, что французская армия на подходе, они из засады нападали на английские продовольственные отряды и уничтожали отставших солдат. Правда, как и члены Сопротивления немецким захватчикам, действовавшие в Европе спустя шестьсот лет, они мало влияли на ход войны, но вынуждали противника удваивать караулы и увеличивать состав патрулей.

Эдуард остановился вблизи Уазмона и послал разведчиков разузнать, где можно переправиться через Сомму. Вскоре ему доложили, что все мосты от Пон-Реми (поблизости от Абвиля) до Пикиньи (поблизости от Амьена) разрушены, броды усиленно охраняются, а на правом берегу Сены полно французских солдат. Затем неожиданно выискался знающий человек, сообщивший о броде в Бланштаке (между Абвилем и устьем Соммы), который можно перейти при отливе. Кто был этот знающий человек, в точности неизвестно. В одном источнике говорится, что необходимые сведения англичанам предоставил пленный француз, получивший свободу за свое сообщение. По другому источнику, это был английский солдат, ранее бывавший в этих местах.

20 августа английская армия подошла к Аше, городу в восьми милях от Соммы. Французы от Амьена пошли вниз по правому берегу реки. Они рассчитывали на то, что англичане через Сомму не переправятся и они сами, превосходя числом армию неприятеля, в конце концов ее разобьют. В ночь на 24 августа английская армия направилась к Бланштаку, чтобы подойти к броду во время отлива, однако ночью обоз и вьючные лошади двигались медленно, и англичане достигли цели лишь утром, когда наступил прилив и переправиться через реку было немыслимо. Филипп VI тоже знал о броде в Бланштаке и послал к броду большой отряд, состоявший из конников, пехотинцев и арбалетчиков, под командованием Годемара де Фея, которого обязал помешать англичанам переправиться через реку. Хронисты явно преувеличивают численность отряда де Фея. Так, по словам Фруассара, в этот отряд входило около двенадцати тысяч солдат, хотя более вероятно, что он насчитывал приблизительно пятьсот конников и около тысячи пехотинцев (включая арбалетчиков). Достигнув брода, французы построились в три ряда.

В течение долгого времени французы и англичане бездействовали. Наконец, дождавшись малой воды в реке, граф Нортгемптон повел через брод сто конников, которых с флангов прикрывали стрелки из лука. Первыми вступили в бой французские арбалетчики, и англичане понесли некоторые потери. Но когда английские лучники приблизились к неприятелю и засыпали его стрелами, ряды французов стали редеть, что позволило передовому отряду английских конников переправиться через реку и захватить небольшой плацдарм. За ними под прикрытием лучников последовали другие солдаты. Когда количество перешедших брод англичан превысило численность отряда де Фея, он понял, что дело проиграно, и приказал отступить. Отступление вскоре вылилось в бегство, и англичане преследовали противника вплоть до Амьена. Тем временем основные силы французской армии переправились на левый берег реки. Но когда они подошли к Бланштаку³⁷, английская армия была уже далеко, а преследовать ее по горячим следам возможности не было: помешал новый прилив. Вечером 24 августа французская армия вернулась в Абвиль, а англичане разбили лагерь в лесу у Креси.

---

³⁷ Бланштак (или Бланш Тарш) имеет такое название потому, что русло Соммы в черте этого поселения пролегалo по белому мергелю (известковой глине), и повозкам с тяжелым грузом было довольно трудно переправиться на другой берег реки, даже при отливе. В настоящее время в устье Соммы канал и, разумеется, нет никакого брода; существовавший брод располагался вблизи нынешней деревеньки Пти-Порт.

Вероятно, Эдуард III все-таки был намерен дать французам решающее сражение, но собирался провести этот бой только там, где мог рассчитывать на помощь со стороны. Понтье, куда пришла английская армия, с 1279 года принадлежало английской короне по праву наследования, хотя Филипп и конфисковал это графство. Эдуард мог также дать бой во Фландрии, дружественно расположенной к англичанам, или на морском побережье, где мог рассчитывать на помощь своего флота³⁸. Но ему также было необходимо найти подходящую местность, особенности которой он бы использовал для своей диспозиции, что позволило бы применить тактику ведения боя, принесшую успех англичанам в битвах при Бэннокберне, Даплин-Муре и в Халидон-Хилла.

Историки до сих пор ведут споры о точном месте сражения при Креси. Хронисты в своих работах об этом не пишут, предпочитая красочные рассказы о рыцарской доблести. Археологи этим вопросом тоже не занимались, а если бы занялись, то навряд ли бы преуспели. Только с появлением огнестрельного оружия появилась возможность определить контуры места боя, исходя из линии падения пуль и траектории их полета. В наши дни найти на средневековом поле сражения артефакты весьма затруднительно³⁹. Правда, с помощью металлоискателя находят наконечники стрел, сломанные копья, мечи и пробитые шлемы, но такие находки крайне редки. Обычно после сражения победители или местные жители собирали на поле боя все, что еще могло пригодиться, и вскоре на нем не оставалось даже следов произошедшего.

Собираясь дать генеральное сражение неприятелю, Эдуард выбрал местом боя долину с небольшим уклоном на местности, простиравшуюся на северо-восток от Креси-ан-Понтье. Эдуард отдавал предпочтение оборонительному сражению, и выбранное место отвечало его тактическим замыслам. Между деревнями Креси и Вадикур располагался широкий и длинный холм (по которому в наши дни проходит автомобильная магистраль Д-111). Одним своим склоном холм спускался к долине, пролегавшей между ним и деревней Эстре-ле-Креси, рядом со старой римской дорогой, ныне ставшей частью шоссе Бруно. На юго-западе долину омывала река Мейе, а за холмом находился лес.

В ночь на 24 августа Эдуард разместил свою армию на холме. Он исходил из того, что французы станут наступать с юга или с юго-востока, и в этом случае для успешного ведения боя дислокация нареканий не вызывала. Утром 25 августа король вместе со старшими командирами объехал окрестности, чтобы лишний раз изучить пути возможного французского наступления. План англичан был простым: занять оборонительную позицию и, дождавшись, разгромить.

До сих пор ведутся споры о том, какова была численность армии Эдуарда, высадившейся в Ла-Уг, и какова была ее численность в сражении при Креси. Сведения хронистов расходятся, и, кроме того, все они явно преувеличивают количественный состав армии англичан. Поэтому разумно положиться на историка Эндрю Эйтона, давшего убедительную оценку как численности армии Эдуарда, высадившейся в Нормандии, так и числа солдат, выведенных из строя за время продвижения армии до Креси. Согласно оценке Эйтона, первоначально в армию Эдуарда входило 16500 солдат. До сражения при Креси английская армия не участвовала в крупных столкновениях с неприятелем, и, хотя хронисты, видно, руководствуясь этим, слаженно утверждают, что до того времени англичане потеряли всего несколько человек, эту констатацию правдоподобной не назовешь. Англичане не могли обойтись без потерь при взятии Кана, да и других городов, а также при переправе через Сомму в Бланштаке. Кроме того, несли потери и английские продовольственные отряды, на

---

³⁸ Эдуард, по всей вероятности, мог рассчитывать лишь на те корабли, какие у него остались, после того как часть флота ушла самовольно в Англию. Правда, Эдуард повелел, чтобы из Англии ему прислали сто новых судов, но нет свидетельств тому, что этот приказ был исполнен.

³⁹ Исключение составляет поле битвы при Тоутоне, произошедшей в 1461 г. во время Войны Алой и Белой розы. Сражение происходило в метель на вязкой земле, многие предметы снаряжения были втоптаны в грязь и потому сохранились до более позднего времени.

которые из засад нападали местные жители. Также стоит учесть, что какая-то часть солдат умерла от болезней, а какая-то дезертировала, уйдя на кораблях в Англию. Погибали солдаты и от случайностей (так, один из хронистов рассказывает, как при грабежах и поджогах на солдат обрушивались крыши подожженных домов). Английская армия перед сражением при Креси уменьшилась и на число тех солдат, которые отправились с Хантингдоном сопровождать пленных французов в Англию.

Хотя и весьма приблизительно, можно все-таки счесть, что английская армия за время продвижения до Кале уменьшилась на 10–15%. Если предположить, что рыцари, оруженосцы и конники понесли меньше потерь, чем остальные солдаты английской армии, то, вероятно, численность первых уменьшилась на 10%, а численность стрелков из лука и пехотинцев – на 15%. Если эти выводы близки к истине и если принять во внимание, что в сражении при Креси рыцари сражались в пешем строю, как и участники разного рода свит, тогда английскую армию в этой битве составляли пехотинцы в доспехах (четыре тысячи пятьсот человек), легковооруженные пехотинцы (четыре тысячи человек, включая хобиларов, если предположить, что они тоже принимали участие в битве и сражались в пешем строю), а также стрелки из лука (три с лишним тысячи человек).

Армия Эдуарда состояла из трех баталий (*battles*), и тоже ведутся споры о том, что они собой представляли и как располагались в бою. Можно уверенно допустить, что солдаты, входившие в разного рода свиты, во время битвы не сражались в рядах этих образований. Гораздо более вероятно, что солдаты английской армии были разделены по профессиональному признаку и лучники сражались отдельно от пехотинцев и конников (сражавшихся в доспехах в пешем строю). По мнению хрониста Жана ле Беля, на которого часто ссылается Фруассар, в сражении при Креси все три баталии Эдуарда были развернуты в одну линию, и даже современные, сделавшие себе имя историки придерживаются такого мнения или считают, что эти баталии располагались одна за другой. Если все три баталии были развернуты в одну фронтальную линию, такое построение не могло обеспечить необходимой глубины фронта, и в случае прорыва фронтальной линии неприятель беспрепятственно выходил на оперативный простор. К тому же если бы все три баталии одновременно вступили в бой, то Эдуард не имел бы резерва, крайне необходимого, чтобы повлиять на ход боя. Если же баталии армии Эдуарда располагались одна за другой, такое построение войска снижало его ударную мощь и не могло противостоять неприятелю по всему фронту атаки.

Длина холма, на котором Эдуард расположил свою армию, составляла 1500 ярдов, и если допустить, что во фронтальной линии англичан размещались стрелки из лука и были разрывы между войсковыми подразделениями, то теоретически для формирования фронта хватило бы 2400 пехотинцев, построенных в два ряда, или 4800 пехотинцев, построенных в четыре ряда. Таким образом, при построении солдат в два ряда хватило бы даже одной баталии, но такого, по всей видимости, быть не могло: столь малые силы не выдержали бы удара французов.

Из хроник и иллюстраций к ним можно понять, что англичане были построены в три и четыре ряда, и тогда на формирование фронта требовалось две баталии (но я не склонен доверять в этой части хроникам). Если же следовать теории вероятности, присущей военным действиям, и наиболее вероятным фактам, изложенным в хрониках, тогда, скорее всего, фронт англичан формировался двумя баталиями с построением солдат в четыре ряда (одной, находившейся справа, командовал принц Уэльский, а другой, находившейся слева, граф Арундел), а за ними располагалась резервная баталия под командованием самого короля. Эдуард, разумеется, был главнокомандующим, и ему было правильнее располагаться в тылу на командном пункте. Он мог разместить этот командный пункт на ветряной мельнице, стоявшей на холме, чтобы следить с высоты за ходом сражения и своевременно бросить в бой резерв (если возникнет такая необходимость).

Также ведутся споры о том, где располагались английские лучники в сражении при Креси. Некоторые историки полагают, что лучники занимали место во фронте, впереди

пехотинцев, но такое расположение неразумно: при таком построении армии лучники мешали бы пехотинцам. Более того, наступавший противник в конце концов заставил бы лучников отступить, а подпиравшие их пехотинцы помешали бы этому отступлению; началась бы неразбериха. Не вызывает сомнения, что лучники в сражении при Креси располагались так же, как в битве при Даплин-Муре и в Халидон-Хилле, то есть занимали места на флангах, что не давало возможности неприятелю выйти англичанам во фланг и заставляло французов смещаться к центру, сужало развертывание по фронту и упрощало ответные действия.

Более сложно определить, располагались ли лучники, помимо места на флангах, еще и в центре английской армии. Если у каждой батальи имелся свой отряд лучников, то вполне вероятно, что лучники располагались на флангах своих батальи, и тогда определенное число лучников находилось в центре армии Эдуарда. В некоторых хрониках, сопровождаемых иллюстрациями, говорится, что в сражении при Креси английские лучники были расположены клином. Но при таком построении лучников их командиру пришлось бы регулировать залповую стрельбу по расположению группировки противника. Поэтому предпочтительнее располагать стрелков из лука квадратом. Если на каждом фланге английской армии было примерно 1500 лучников, то они могли сосредоточиться в двух квадратах: каждый 38×38 (стрелков из лука). Если каждый лучник занимал место радиусом в два ярда (сподручное для стрельбы), то фронт квадрата равнялся приблизительно 75 ярдам, но в разгар сражения квадрат мог трансформироваться в ромб или клин. Если лучники находились на флангах своих батальи, тогда на каждом фланге располагался квадрат поперечником примерно в 50 ярдов. Скорее всего лучники находились только на флангах всей армии, но нельзя исключить, что некоторое их число располагалось в центре боевого порядка.

Перед боем Эдуард приказал вырыть ямы на пути наступления вражеской конницы и повелел поставить обоз в находившемся на дальнем краю холма лесу Креси-Гранж. Обоз поставили таким образом, чтобы между его многочисленными повозками образовалось место для становища лошадей. Если в английской армии перед сражением при Креси было, как и ранее, 2000 лошадей разного назначения (для чего выбывшие из строя были заменены захваченными в бою или отобранными у местного населения), то их становище занимало большую площадь. Ни материала, ни времени для строительства стойл у англичан, разумеется, не было, и, вероятно, они построили изгороди, одна за другой, в необходимом количестве. Чтобы кони не брыкались и не задевали соседей, их, должно быть, привязывали к изгороди на расстоянии 12 футов друг от друга. Тогда становище занимало площадь 400×500 ярдов. Лошадей нужно было кормить, и этим, вероятно, занимались гражданские, хотя, возможно, в лагере находилась часть хобиларов, чтобы следить за порядком и оказывать помощь в уходе за лошадьми. Утром 26 августа английская армия была готова к сражению. Перед боем солдатам прочитали мессу, а те, кто хотел, побывали на исповеди у сопровождавших войско священников. Затем солдат накормили завтраком.

Тем временем французская армия под командованием Филиппа провела ночь на 26 августа в Абвиле. О численности войска французского короля, как и о численности армии Эдуарда, можно судить лишь приблизительно. Все источники, как английские, так и французские, сходятся лишь в одном: французы в сражении при Креси намного превосходили числом своего неприятеля. По разным источникам, во французскую тяжелую конницу (составленную из высокородных людей) входило от 12000 до 30000 конников, во французскую легкую конницу – от 60000 до 100000 конников, а численность арбалетчиков составляла от 2000 до 15000. По данным ле Бея, французская армия была в четыре раза больше английской. Если внести умеренную поправку и счесть, что французская армия была в три раза больше английской, и допустить, что Генуя и Северная Италия отрядили французам самое большее 2000 арбалетчиков, а также принять во внимание, что французам надо было держать гарнизоны в других районах страны, то можно предположить, что французская армия состояла из 30000 тяжелых и легких конников (в вероятной пропорции

1:4), которых поддерживали 2000 арбалетчиков. Должно быть, не все эти люди находились в Абвиле 25 августа: некоторые отряды и свиты прибывали в расположение войска ночью и на следующий день.

Филипп знал, что английская армия находится поблизости от Креси, и утром 26 августа французы пошли на сближение с неприятелем. Впереди двигался небольшой разведывательный отряд, состоявший из четырех рыцарей, которым было поручено узнать точное расположение англичан, их силы и готовность к сражению. Рыцари доложили, что английская армия сосредоточилась на холме между Креси и Вадикуром и, по внешним признакам, приготовилась к бою и не собиралась уходить. Кроме того, рыцари посоветовали французскому королю отложить бой на день, чтобы дать армии отдохнуть после долгого перехода. Тот же совет дали Филиппу и высшие командиры. В то время часть французского войска все еще находилась на марше, уйдя из Абвиля позже; некоторые отряды из других дальних областей Франции также были в пути; кроме того, через несколько дней на помощь французам должен был подойти большой отряд из Савойи.

Филипп VI был осмотрительным человеком и решил последовать советам военных. Поэтому он повелел остановить продвижение армии, устроить бивак и подготовиться к бою, отложенному на день. Но к тому времени авангард французского войска выдвинулся в долину и оказался на расстоянии в 1000 ярдов от англичан. Во второй половине дня англичане увидели, что долина постепенно заполняется вражеским войском. В то время Эдуард объезжал фронт своей армии, вселяя в солдат уверенность в безусловной победе. Авангард французского войска первым получил приказ Филиппа остановиться и выполнил повеление, но следовавшие следом французы, получившие такой приказ позже, встретили его с недовольством. В результате главные силы французов стали подпирать авангард, который с трудом сдерживал натиск сзади. В средневековой армии обычно тон задавали рыцари: каждый считал себя равным любому другому рыцарю, и все они беспрекословно выполняли приказы свыше лишь в исключительных случаях, но им было не отказать в жажде битвы. Вскоре Филиппу и его маршалам стало ясно, что войско на месте не удержать и сражение вот-вот начнется.

В составе французского авангарда был большой отряд арбалетчиков. Если лучники при стрельбе обычно компактно группировались и (за исключением стрельбы на близкое расстояние) практиковали высокую траекторию полета стрелы и вели залповую стрельбу, то арбалетчики практиковали отлогую траекторию полета стрелы и обычно строились в линию, развернутую по фронту. Задача арбалетчиков была такова: поразить как можно больше врагов и посеять панику в рядах неприятеля. Доподлинно неизвестно, как располагались французские арбалетчики в сражении при Креси, но можно предположить, что они действовали таким же манером, как стрелки из мушкетов с фитильным замком век спустя. Арбалет со сложной перезарядкой выпускал в минуту лишь две стрелы. При построении арбалетчиков в две развернутые линии, одна за другой, первая линия, отстрелявшись, уступала место другой, чтобы самой перезарядить арбалеты. При построении арбалетчиков в три развернутые линии залп из оружия производился с интервалом в 10 секунд. Если в сражении при Креси у французов было три линии арбалетчиков, а расстояние между стрелками равнялось одному ярду, то фронт арбалетчиков составлял приблизительно 700 ярдов. Из того, как сложилось сражение при Креси, можно предположить, что арбалетчики, входившие в авангард французского войска, не взяли с собой заградительные щиты (служившие для перезарядки оружия).

Под грохот барабанов и звуки труб арбалетчики приблизились к позиции англичан. Пройдя долину, они, должно быть, стали подниматься на холм и, оказавшись на расстоянии 200–250 ярдов от неприятеля, привели в действие арбалеты. Англичане, возможно, позволили произвести неприятелю один, а то и два залпа, но арбалетчикам светило в глаза яркое солнце, да и прицельно стрелять в высоту было трудно, поэтому большого успеха они не добились. Затем последовал ответ англичан, и всего за тридцать секунд на арбалетчиков с высоты упал чудовищный град из 15000 стрел. Английским лучникам не нужно было

выбирать конкретную цель, они просто стреляли в поражаемое пространство – место расположения арбалетчиков. Хотя бы одна из трех стрел достигала цели. Арбалетчики, по всей вероятности, понесли значительные потери. Как сообщают источники, арбалетчики еще на марше попали под сильный дождь, что привело к тому, что тетива арбалетов намокла, и это сказалось на готовности оружия к бою⁴⁰. Остаться на месте было смерти подобно, и арбалетчики начали отступать, но их подпирала конные рыцари. Во французской армии арбалетчиками были наемники, главным образом гнуэзцы, в глазах французских военачальников они были презренными иностранцами, и, видимо, потому граф Алансонский (как указывают источники) отдал коннице приказ наступать. Был ли на самом деле отдан этот приказ или все случилось произвольно – неизвестно, но только многие арбалетчики не смогли выйти из боя: погибли под копытами лошадей.

Лошади обычно не наступают на что-либо живое на своем пути⁴¹, но в сражении при Креси во время атаки французских конников лошади передвигались близко друг к другу и к тому же конский шлем, состоявший из боковых и верхних пластин, значительно снижал кругозор. Если у каждой был коридор шириной в три фута, то в первой атаке французов на позицию англичан принимали участие от 300 до 400 конников. В той атаке французам пришлось прокладывать себе путь через расстроенные ряды арбалетчиков, спасавшихся бегством, и, поначалу сплоченный, строй конников рассыпался. В это время с высоты на французов посыпался новый град стрел. Возможно, это не вывело из строя большого числа людей, но заставило уцелевших спешить и вогнало в панику лошадей. Если стрела попадала в незащищенное бедро лошади, это не губило ее, но она зачастую сбрасывала седока и, конечно, замедляла бег.

Части французских конников, участвовавших в первой атаке, все же удалось приблизиться к англичанам, но, вероятно, для большинства – на свою беду. На расстоянии ста ярдов до цели стрела пробивала доспехи, а при удачном выстреле проникала в прорезь забрала. Французы предпринимали одну атаку за другой, но все их усилия были тщетными: английские лучники, которым постоянно подносили новые стрелы, сеяли смерть среди нападавших. Французские конники падали один за другим, а уцелевшие в бою лошади разбегались. Англичан поддерживали валлийские копьеносцы, которые добивали врагов, получивших ранения и неспособных выйти из боя. Еще до начала сражения Эдуард повелел не обирать павших на поле боя и не брать пленных: английский король не собирался терять людей, которые могли хотя бы на время оставить войско для получения выкупа.

В сражении при Креси и англичанам было непросто. Рассказывают, что некий рыцарь из свиты принца Уэльского явился к английскому королю и, сообщив, что принц оказался в отчаянном положении, попросил прислать подкрепление. Эдуард отказал, добавив: «Пусть парень сражается. У него есть возможность заслужить золотые шпоры». Однако маловероятно, что король отказал в помощи своему шестнадцатилетнему сыну, тем более что у него был резерв, не вступавший в бой. Принц Уэльский в сражении уцелел, и, по свидетельству очевидцев, ему достался шлем с тремя перьями и девизом «*Ich dien*» («Я служу»), принадлежавший королю Иоанну Богемскому. Иоанн, король Богемии и принц Люксембургский, претендент на престол Польши и Венгрии и курфюрст Священной Римской империи, в 1336 году ослеп на один глаз, но полностью зрение не потерял. При Креси пятидесятилетний король Богемии находился, по своей воле, в самом пекле сражения. Он погиб, а вот его сын Карл, менее опрометчивый, чем отец, вовремя оценил обстановку, покинул поле брани до окончания боя, чтобы в будущем стать императором Священной

---

⁴⁰ От того же дождя пострадала и тетива длинных луков (оружие англичан). Но у английских лучников при себе имелась резервная тетива (хранившаяся обычно под шлемом, на голове). Замена тетивы лука занимала значительно меньше времени, чем замена тетивы арбалета.

⁴¹ На скачках с препятствиями наездники падают, но лошади делают все возможное, чтобы их не задеть. Однажды, участвуя в таком состязании, я вылетел из седла. Надо мной промчались другие лошади, но я не получил повреждения; пострадала лишь моя гордость.

Римской империи Карлом IV.

Яростное сражение продолжалось до позднего вечера. В конце битвы Филипп VI, уразумев, что дело проиграно, по настоянию своей свиты покинул поле сражения, оставив на земле орифламму Сен-Дени⁴², королевское военное знамя, которое на время военных действий забирали из аббатства в войска. Король вместе со свитой доскакал до замка Ла-Бруайе, постучал в замковые ворота и (согласно Фруассару) воскликнул: «Ouvrez, ouvrez, chastelain – ç'est l'infortuné roi de France» («Открывайте! Это несчастный король Франции»). Ночью в долину, где происходило сражение, пришли герольды и священнослужители, чтобы идентифицировать павших. Позже эта долина получила название *Vallée des Clercs* (Ва́йе-де-Клерк – долина Клириков).

Англичане в сражении при Креси одержали уверенную победу. На поле боя погиб цвет французского рыцарства, и хотя число павших рыцарей в точности неизвестно, можно с уверенностью сказать, что на поле брани нашли свой конец от полутора до двух тысяч высокородных французов. Кроме них погибли тысячи пехотинцев и арбалетчиков. В сражении при Креси погибли граф Алансонский, граф Блуаский, граф д'Аркур (чей брат был военачальником в армии англичан), граф Фландрии и герцог Лотарингский. Потери англичан были значительно меньше. Согласно сохранившимся документам, после сражения при Креси англичане недосчитались сорока конников. Опираясь на эти цифры, можно предположить, что в сражении также погибли сто пятьдесят английских копьеносцев и лучников. Воистину, это была ошеломляющая, блистательная победа английской армии.

Но можно сказать, что скорее французы проиграли сражение при Креси, чем англичане выиграли эту битву. Французы уступали англичанам в организованности, их войско было неуправляемым, дисциплина отсутствовала, арбалетчики не сумели проявить свою ударную мощь – помешали рыцари, отличившиеся лишь бравадой и бесшабашностью. Англичане превосходили неприятеля в тактическом отношении. Прежде всего перед боем они заняли подходящую местность, особенности которой использовали для своей диспозиции. Сыграло большую роль продуманное построение английского войска: узкий фронт, защищенный с флангов стрелками из лука, интенсивность стрельбы которых раз за разом срывала атака французской конницы. Сыграл свою роль и тактический прием англичан: конники сражались в пешем строю, что вселяло уверенность в пехотинцев – они знали, что рыцари в трудный момент сражения их не покинут.

Тактика армии Эдуарда в сражении при Креси стала тактической концепцией англичан в ходе всей Столетней войны. Использование конников в пешем строю позволило англичанам одолевать неприятеля вплоть до появления у французов полевой артиллерии, превосходившей своей мощью залповую стрельбу английских лонгбоу. Кроме того, в сражении при Креси сказались организация и профессиональный уровень английского войска, которым командовал харизматический лидер, способный одержать победу над неприятелем, даже если бы французы разработали план сражения, а их командиры были бы более компетентными в военном искусстве, чем оказалось на практике. Сражение при Креси доказало, что правильно развернутая английская армия, ведомая искусными командирами, способна победить гораздо более многочисленную армию неприятеля, цеплявшегося за устаревший феодальный порядок комплектования войска. Французам следовало извлечь уроки из поражения, но им этого сделать не удалось, что вылилось в неудачи на протяжении многих лет.

---

⁴² Согласно «Хронике» Джеффри ле Бейкера, написанной в 1357–1358 гг., поднятая орифламма означает: «Пленных не брать».

Глава пятая

Триумф и трагедия – Кале и «Черная смерть»

В ночь на 26 августа английская армия даже не пыталась преследовать остатки войска Филиппа, двигавшегося к Амьену. Люди были измотаны, им требовалось время на восстановление сил, и лишь на следующий день, в воскресенье, после того как герольды покончили со своей мрачной обязанностью и опознали тела павших аристократов, англичанам стала известна цена победы. В ходе быстрой и кровопролитной стычки армия устранила по меньшей мере две французские группировки: те явились на подмогу к своим, понятия не имея о том, что битва уже закончена. Англичане остались верны рыцарскому кодексу чести: тело Иоанна Богемского вымыли, завернули в полотно и отослали домой, в Германию, а тела других знатных французов перевезли в монастырь Монтруа, находившийся в десяти милях к северу от Креси. Объявили трехдневное перемирие. За это время местные жители раздели трупы простых солдат и похоронили их в долине. Отчет о битве немедленно передали в Англию. Политическая хитрость родилась не в XXI веке, и несколько приукрашенный рассказ, вместе с сообщением о захвате Кана, прочли в каждой церкви; очень скоро вся Англия ликовала и гордилась победой над ненавистным и страшным врагом. Как бы ни ворчали парламент и народ из-за перспективы повышения налогов, платить ради будущих военных успехов все были готовы.

Тем временем в Амьене начались поиски виноватых. Вину возлагали на злонамеренных советников, продажных чиновников, на погоду, ссылались даже на гнев всемогущего бога, но, как и всегда, проще было винить иностранцев. Всех гемуэзских арбалетчиков объявили предателями, их следовало найти и убить, многих и прикончили, прежде чем выяснилось, что арбалетчиков с успехом можно использовать в другом месте. Филиппу пришлось отменить собственный приказ. В любом веке военачальник, не способный признавать ошибки, обречен их повторять, а французы отказались посмотреть правде в глаза и не признали, что их способ ведения войны устарел, что, в отличие от них, противник пользуется скорострельным оружием, а в составе его войск имеется профессионально обученная пехота. Казалось невыносимым, что благородные французские рыцари могут потерпеть поражение от простых лучников – *gens de nulle valeur*, людей ничтожных, как назвал их один французский хронист. Отказ англичан выкупить пленных благородным не назовешь, поведение же валлийцев, бросавших своих раненых, не поддается никакому определению.

29 августа английская армия снова выступила в поход, сжигая и грабя все на своем пути. Земли вокруг Эдана, Сен-Жос и Этапля англичане обратили в груды дымящегося мусора, однако территории, выглядевшие достаточно укрепленными, войска предусмотрительно обходили стороной. Перед командованием встал вопрос: что дальше? Несмотря на захват Кана и блистательную победу под Креси, отпразднованную с большим размахом, добиться чего-то еще хоть сколько-нибудь значительного не получалось. Эдуард утверждал, что во Францию пришел заявить свои законные права, однако французские войска довольно быстро вернулись на земли, через которые прошла английская конница, осуществившая грабительский конный рейд. Нормандцы, принявшие сторону Эдуарда, включая гарнизон Кана, были окружены и уничтожены. Английской армии требовалось конкретное и неоспоримое преимущество – то, что можно предъявить как окончательную военную победу, то есть необходимо было взять город, не являвшийся частью английских земель во Франции. Эдуард пожелал захватить Кале и навечно присоединить к английской короне.

Население Кале составляло примерно 8000 человек. Этот ближайший к Англии французский порт не имел особого коммерческого значения. Гавань была небольшой, склонной к заиливанию, а потому сообщение между Англией и Европой осуществлялось через Виссан или Булонь, бухты которых с навигационной точки зрения были намного удобнее. При всем этом в течение многих лет Кале был бичом английской торговли, так как городок, по сути, являлся пиратским гнездом. Хотя французы смотрели на Кале как на

второстепенный торговый город, но все же не забывали, что находится он у границы с Фландрией, а стало быть, играет оборонительную роль, поскольку сдерживает нашествия фламандцев. В Кале стоял хорошо обученный гарнизон, и запасов провизии в городе хватало, чтобы выдержать длительную осаду. Пройдя через Невшатель и Виссан, англичане 3 сентября добрались до Сангатта и оттуда с возвышенности разглядели свою цель.

Вряд ли Эдуард думал совершить здесь *coup de main*⁴³, поскольку расположение Кале прекрасно отвечало оборонительной задаче. На севере его защищали гавань и открытое море, с западной стороны протекала река Ам с единственным мостом; с востока и запада город окружала заболоченная местность, пересеченная ручьями и речками, которые к тому же постоянно меняли русло. Кроме этих природных защитников имелись и надежные каменные стены, а на западной оконечности городского предместья высился замок с собственной системой крепостных стен, башен и рвов. Англичане даже не пробовали штурмовать стены, а приготовились к долгой осаде. Это была обычная практика, поскольку до изобретения эффективных орудий почти никто не брал штурмом средневековый замок или укрепленный город. Обыкновенно рассчитывали взять противника измором, надеялись на эпидемии или на предательство, вынуждавшее к капитуляции. Осажденный командир шел с противником на мировую и сдавал свою крепость. Если же замок или крепость все-таки брали штурмом, то делали это тремя способами: перелезали через стены, проламывали их или делали подкоп.

Через стены перелезали с помощью осадных башен, штурмовых лестниц либо пользовались тем и другим. Башня представляла собой трех- или четырехъярусную конструкцию, передвигавшуюся на колесах или катках. Ее подкатывали вместе с лучниками вплотную к крепостной стене, и с верхнего этажа конструкции солдаты спрыгивали прямо на стену. Это была старая военная хитрость – римляне часто пользовались осадными башнями, однако на то, чтобы построить их и установить, требовалось немало времени и труда. На башню набивалось много народа, деревянная конструкция становилась очень тяжелой, следовательно, для нее нужно было выровнять землю и построить дорогу. Скрыть все эти приготовления от защитников было невозможно, и осажденные пытались поджечь башню – швыряли на нее горящую солому, предварительно вымоченную в смоле, – а сами взбирались на стены, упреждая противника. Осадные башни все еще находились в стадии разработки и редко использовались⁴⁴. Гораздо легче было изготовить штурмовые лестницы и припрятать до последнего момента, но и в этом случае нужны были меткие лучники, которые могли сбить защитников со стен, а тем, кто поднимался первым, выжить удавалось редко.

Чтобы проникнуть в город через стены, нужно было проломить в них брешь; делали это с помощью тарана или бурава. На то и другое необходимо очень много времени, к тому же на солдат всегда могли свалиться обломки стены и зажигательные ядра, которые сбрасывали сверху защитники города. Для подкопа требовалась помощь саперов. Саперы не рыли туннель и не выныривали из него внутри города подобно демонам из старинной пантомимы, а пытались обрушить стены. Команда саперов подкапывалась под стену, одновременно укрепляя потолок деревянными опорами⁴⁵. Образовавшийся коридор выстилали горючими материалами (туши жирных свиней годились для этого лучше всего) и поджигали. Как только деревянные опоры начинали гореть, потолок обрушивался.

---

⁴³ Внезапное нападение (*фр.*).

⁴⁴ В 1356 г. французы изготовили башню для осады Бретея. На засыпку рва у них ушел месяц, а когда башню наконец-то подтащили к стене, защитники ее подожгли.

⁴⁵ Саперы Эдуарда были шахтерами родом из леса Дин, и, несмотря на то что лес принадлежал королю, Эдуард разрешил своим указом шахтерам, родившимся в расположенных в этом лесу деревнях и проработавшим в шахтах год и один день, добывать там уголь без лицензии. Этот закон действует и поныне, правда, большинство мальчиков сейчас рождаются в местных родильных домах, расположенных не в лесу, потому на них это право не распространяется.

Для обстрела стен осаждаемого города использовалось множество механизмов. С помощью мангонеля использовали энергию закрученных веревок. Лучшее всего этой цели служили человеческие волосы: к концу бревна крепили веревку, потом отпускали, и бревно, распрямляясь, выстреливало камнем или зажигательным ядром. Спрингальд, мало чем отличавшийся от римской баллисты, представлял собой гигантский арбалет, но скорострельностью, как и его маленькая ручная предшественница, не отличался и был эффективен лишь при массовом использовании. Требушет приводился в действие противовесом, мог перебрасывать через стену по-настоящему большие камни. Утверждали, что мангонель мог зашвыривать в города дохлых лошадей. Фруассар рассказывает фантастическую историю, будто в 1345 году в Аквитании французы в деревушке Оберош захватили в плен английского парламентаря, посадили его в метательную машину и вернули в замок, где он и приземлился, скорее мертвый, чем живой. У Эдуарда в его осадной артиллерии, возможно, была какая-нибудь допотопная пушка, есть свидетельство, что в битве при Креси использовали три таких орудия. Существующие описания довольно невняты: возможно, пушки стреляли каменными ядрами или большими стрелами, но поскольку секрет управления пушками был еще неизвестен и не имелось четкой технологии производства пороха, то скорее всего толку от этих орудий было мало. Пушки, должно быть, только пугали лошадей и представляли опасность не для противника, а для самих канониров. Если они и существовали, то в осаде Кале вряд ли сыграли большую роль.

В Кале не имело смысла лезть на стену или проламывать в ней брешь, так как все подступы преграждали рвы и канавы; туннели тоже не годились, потому что почва была болотистая и тяжелые осадные машины не могли по ней продвигаться. Единственный выход из положения – брать противника на измор, и англичане готовы были ждать. Из Англии пришло подкрепление – флот под командованием сэра Джона Монтомери прибыл к Кале одновременно с сухопутной армией. Солдаты начали блокировать дороги. На сухой земле, рядом с церковью Святого Петра, вырос обширный лагерь. В этом месте скрещивались дороги из Булони и Ардре. Лагерь подготовили для долгой стоянки, вскоре там появились магазины, палатки оружейников, тенты рыцарей, мишени лучников, выгулы для лошадей – была воссоздана вся инфраструктура большого города. На марше армия кормила себя сама, обирая французских крестьян, но сейчас стояла на месте, и доступная еда в предместьях постепенно истощалась, так что продукты требовалось завозить.

Печально, а возможно, и неизбежно, что в первую очередь военных историков интересуют битвы и их участники. Большею частью солдаты предпочитают находиться на поле боя, а не пересчитывать в бараках одеяла. Но факт остается фактом: у вас могут быть блестящие командиры и лучшие в мире солдаты, отлично подготовленные, настроенные на победу, с самым передовым оружием, но если вы не сможете их кормить, предоставить им кров и уход в случае болезни или ранения, то ничего не добьетесь. Управление армией намного труднее, чем командование в бою. Настоящие герои самых успешных английских и британских войн – логисты, однако их незаслуженно игнорируют. Во время осады Кале правительственные агенты сновали по всей южной Англии, закупали для армии провизию и другие припасы. Все это следовало найти, собрать, оплатить, перевезти в порты, погрузить на корабли и передать армии. Французы добились успеха: их флот перехватил один из первых английских продовольственных конвоев и потопил или сжег большую часть кораблей вместе с командой и грузами. Следующие конвои брали на борт лучников, и с тех пор поставки ни разу не были сорваны, однако присутствие солдат на кораблях увеличивало расходы логистов.

Пока шла подготовка к осаде Кале и королевские снабженцы в поиске припасов обшаривали южные и восточные графства, решили вмешаться шотландцы. После поражения при Креси французы засыпали отчаянными посланиями двадцатидвухлетнего шотландского короля Давида II, сына Роберта Брюса, женатого на сестре Эдуарда III Иоанне; в 1341 году король вернулся из ссылки. В обращенных к Давиду посланиях французы умоляли его сделать что-нибудь, дабы отвлечь англичан. Принимая во внимание, что английские солдаты

находятся на пути во Францию, Давид вторгся в Англию в начале октября 1346 года, что пришлось по душе шотландским вельможам, решившим, что настал удобный момент обобрать северную территорию. Они ринулись на римскую дорогу и, грабя все на своем пути, захватили крепость Лиддел, в восьми милях к северу от Карлайла, и обезглавили ее коменданта, сэра Уолтера де Селби. В этот момент старший военный советник Давида, сэр Уильям Дуглас, тридцатилетний лорд Лидделсейл, сказал, что этого довольно, они сделали то, что обещали французам, а сейчас лучше вернуться домой, пока не наступила расплата. Давид отверг разумный совет, заявил, что противостоять ему некому, кроме «жалких монахов, распутных священников, свинопасов, сапожников и скорняков». Рейд продолжился, пострадал маленький Ланеркостский монастырь, и хронист Ланеркоста, явно ненавидевший шотландцев, писал, что во время похода король Давид и его люди намеренно испражнялись в церковных купелях. Принимая во внимание то, что шотландцы почти так же сильно боялись гнева бога, как и любой другой человек, сообщение это кажется недостоверным⁴⁶.

Давид заблуждался, когда заявлял, что Англии нечем ответить на шотландское вторжение. Эдуард не убирал войска, стоявшие севернее реки Трент. Защита шотландских болот была вверена очень способному Уильяму де ла Зушу, пятидесятидвухлетнему архиепископу Йорка, смотрителю границы и уполномоченному по набору солдат на севере. 15 октября он командовал войском в замке Барнард, а на следующий день двинулся на север, в Бишоп-Окленд. Войско, насчитывавшее тысячу латников, две тысячи лучников и пять тысяч копьеносцев, выступило против шотландской армии примерно такой же или немного меньшей численности. Традиционные три батальи возглавляли сам архиепископ, Ральф, лорд Невилл, и Генри, лорд Перси. Армия шотландцев расположилась в нескольких милях к северу от Дарема, на территории аббатства Борепер (существует и поныне, только называется теперь Бирпарк). 17 октября 1346 года отряд фуражиров численностью примерно четыреста человек под предводительством Дугласа натолкнулся в густом тумане на авангард архиепископа, и встреча эта закончилась для Дугласа весьма печально. Вырваться удалось только половине отряда, они помчались назад и подняли тревогу.

Битва при Невиллс-Кроссе длилась чуть ли не целый день. Шотландцы воевали по старой схеме, английские лучники на флангах убивали их тоже по старой методе. Когда ряды инфантерии сомкнулись и стало ясно, что шотландцам не устоять, офицеры и солдаты на флангах бросились бежать, оставив короля и его окружение. Ланеркост, возможно, преувеличивает скорость отступления, хотя и замечает, что графа Патрика следовало бы назвать графом «*Non Hic*»⁴⁷. Как бы то ни было, король Шотландии и сэр Уильям Дуглас были взяты в плен и отвезены в Тауэр, а те, кто выжил, бежали домой, в Шотландию, и даже не задержались, чтобы справить нужду в купели. Человека, взявшего в плен Давида, наградили званием баннерета и ежегодной рентой в пятьсот фунтов стерлингов. Храбрый, но безрассудный Давид, по слухам, получил два ранения в голову. Одну стрелу хирурги удалили, но наконечник второй на много лет застрял у него в голове, пока однажды во время молитвы не выскочил сам собой.

Между тем попытка обрушить стены Кале швырянием камней провалилась. Слишком мягкая почва не годилась для требюшетов и метательных машин, поскольку им требовалось твердое покрытие. План покорения стен с судов, оснащенных штурмовыми лестницами, был в конце концов отвергнут, несмотря на большие затраты в подготовке кораблей. Так что осада продолжилась. Хотя город был хорошо обеспечен, запасы продовольствия не могли не иссякнуть, а потому командир гарнизона Жан де Вьенн, опытный и компетентный офицер,

---

⁴⁶ В статье Максвелла, опубликованной в 1913 г., профессор отказывается перевести с французского языка это обвинение, ссылаясь на то, что оно не предназначено для нежных ушей. Максвелл подчеркивает, что хронист проявляет злобу по отношению ко всему, что делали шотландцы; правда, если бы, пересекая границу, шотландцы каждый раз грабили и сжигали ваше аббатство, вы поневоле бы озлобились.

⁴⁷ Для читателей, чья латынь оставляет желать лучшего, переведем: *non hic* означает «не здесь».

решил выслать из города на ничейную землю между стенами и осаждающей армией «лишние рты» – две тысячи жителей: женщин, детей, стариков, больных и немощных. Поначалу Эдуард не давал коридор, а поскольку есть людям было нечего, кроме того немногого, что они прихватили с собой, вскоре они начали умирать. Эдуард сжалился и дал им проход. По суше гарнизон получить еду не мог, попытки доставить провизию по морю предотвращались английским флотом, и лишь немногим беглецам из осажденного города удалось добраться до гавани.

В последний месяц лета и осенью жизнь в английском лагере была довольно комфортной, но с наступлением зимы условия ухудшились. Армия на марше может быть вполне здоровой, но стоит ей остановиться, тут же подкрадываются болезни. В 1346 году не была исключением и армия Эдуарда. Не уделялось должного внимания чистоте водных источников, отхожие места были примитивными, мухи и крысы водились в изобилии, в результате началась дизентерия. Дизентерия распространялась либо из-за контакта с инфицированными, либо от поедания того, к чему прикасался заболевший человек. Симптомами заболевания служили водянистый понос, часто с примесью крови, тошнота, рвота, боли в животе и лихорадка. Хотя средневековый человек, возможно, был менее восприимчив к болезни, чем мы сейчас, диарея нередко заканчивалась фатально, но если он и оставался жив, его дееспособность сильно ослабевала.

Многие копейщики и лучники инфицировались глистами, простужались, обычным явлением стал грипп. В то время и малярия в Европе была нередким явлением, но случалась скорее летом, поскольку зимой москитов было намного меньше.

Кроме болезней солдат мучила скука: нелегко столько времени стоять на одном месте и не иметь возможности прославиться или обогатиться, поэтому стали потихоньку появляться дезертиры, да и многие рыцари находили предлог для возвращения в Англию, якобы для разрешения земельных споров или ради присутствия на свадьбе сына. С лошадьми тоже было неладно – они начали гибнуть от холода. Во всяком случае, так свидетельствуют хронисты, но поскольку у лошадей от природы крепкая шкура и они спокойно могут пережить зиму, то, наверное, дело было в эпидемии⁴⁸ или в голоде: сено заканчивалось, а ячмень и рожь, предназначавшиеся для лошадей, вероятно, ели люди.

В феврале 1347 года был издан указ о новом военном наборе – 3600 лучников, а Уэльс должен предоставить копейщиков. Требовалось это не только для восполнения потерь, вызванных болезнями, дезертирством и отпусками, но также и для замены контингента, посланного в Бретань с сэром Томасом Дагвортом. В предыдущем году этот рыцарь служил в Бретани вместе с небольшим мобильным отрядом: ему не только удалось отвлечь французов от осады английских гарнизонов Бреста, Леневана и Ла-Рош-Дерьена, но и принять участие в серии битв. Крошечный отряд Дагворта, состоявший из всадников и лучников, отвлек крупные группировки французских солдат и заставил Карла Блуа снять блокаду. Затем Дагворт присоединился к шевоше в Креси, а в январе 1347 года его вернули в Бретань.

Сэр Томас был типичным представителем профессионального солдата, сделавшего себе на войне имя и состояние. Родился он примерно в 1306 году и был младшим сыном в хорошей, но обедневшей семье, а начинал как управляющий имением графа Херефорда. Дагворт чрезвычайно удачно женился – на внучке Эдуарда I – и был возведен в рыцарское звание; произошло это, возможно, в знак признания его службы в шотландских войнах тридцатых годов, а может, благодаря высокородной жене. В 1345 году он командовал подразделением у губернатора Бретани, графа Нортгемптона, отличился и был назначен командующим английскими вооруженными силами, а в январе 1346 года вернулся в Англию. В следующие четыре года Дагворт получил большую субсидию от Эдуарда III, стал членом

---

⁴⁸ Чрезвычайно заразное респираторное заболевание лошадей было вызвано бактерией *Streptococcus equi*. Болезнь эта очень опасна и в наши дни, она распространяется среди животных с огромной скоростью. Если лошадь и поправляется (в 1346–1347 гг. это было нереально), то она по-прежнему может быть носителем вируса и никогда уже не обретет прежнюю форму.

парламента, а умер на поле боя. Он был прирожденным лидером, в его лояльности никто не сомневался, Дагворт заботился о подчиненных, старался, чтобы солдаты получали все, что им положено. В то время такое поведение командира казалось необычным, но впоследствии стало нормой, поскольку английская армия постепенно набиралась профессионализма.

Французы все еще не осознали последствий того, что назвали *la déconfiture de Crecy* (падение Креси); впрочем, Филипп не мог игнорировать блокирования Кале английской армией. Решительные попытки французов снять осаду с моря оказались тщетными. В начале 1347 года французским вассалам приказали собрать войска в Амьене к 29 мая (через неделю после Троицына дня), однако двинуться в поход армия готова была лишь в июле. Эдуард, естественно, беспокоился. Летняя погода улучшила состояние здоровья его армии, тем не менее больных было еще много; долгие месяцы блокады значительно снизили боевой дух войска; многие солдаты потеряли физическую форму, к тому же в июне в Бретань к Дагворту направили подкрепление из ста самых здоровых конников и четырехсот лучников. Это, конечно, ослабило армию в Кале, но тем не менее оказалось выгодной инвестицией. Карл Блуаский возобновил осаду Ла-Рош-Дерьен в надежде заманить английскую армию, чтобы та сняла блокаду Кале, а он выиграет сражение на своих условиях. На самом деле сокрушительное поражение потерпели именно французы, ибо 20 июня 1347 года сэр Томас Дагворт совершил ночную атаку на французскую армию и разгромил ее вчистую. Сам Томас был ранен, взят в плен, из плена он бежал, снова был захвачен и снова бежал. На рассвете 21 июня оказалось, что половина французских всадников убиты, а те рыцари, что не погибли, взяты в плен, включая и самого Карла Блуаского; сэр Томас продал его королю за 3500 фунтов. Баланс сил в Бретани перевернулся одним махом, и было заложено основание для окончательного успеха партии Монфора в войне за бретонское наследство.

Тем временем положение осажденного Кале становилось все драматичнее. Гарнизон съел всех лошадей и приступил к кошкам и собакам, Жан де Вьенн выпустил еще четыреста горожан, не способных к обороне. На сей раз Эдуард не разрешил им пройти через свои линии, отказал в еде и воде, чем обрек на гибель. Не все в английском лагере согласились с этим, однако большинство эту меру одобрили. Позволив предыдущей группе уйти беспрепятственно, англичане тем самым дали де Вьенну возможность продлить блокаду, поскольку он сэкономил на пище. К тому же вместе с обычными людьми из города могли выйти шпионы и посыльные. Это было жесткое решение, но – в сложившихся обстоятельствах – правильное.

Из Амьена наступала французская армия, и в Англию направили посыльных – призвать на подмогу рыцарей и тех, кто поехал за лошадьми взамен погибших зимой. Во время осады наступающая армия должна быть не только готовой к маневрам противной стороны, но и в любой момент ожидать атаки сзади. Французская армия дошла до Сангата и убедилась, что англичане окружили себя траншеями, стало быть, отлично подготовились и способны выдержать нападение. Французы не слишком уверенно бросили клич к атаке, но тут же отступили. До них дошло известие о Ла-Рош-Дерьен, да и после поражения при Креси солдаты были настроены не слишком оптимистично: многие не видели смысла в продолжении войны, а потому войско двинулось назад, в Амьен. Провожала их кавалькада, возглавляемая графами Ланкастером и Нортгемптоном. Они не позволили французам передохнуть и восстановить боевой дух. Филипп приказал своим баталиям разойтись.

Между тем Жан де Вьенн в осажденном Кале ждал помощи, но вместе с уходом армии Филиппа исчезла последняя надежда. Защитники города направили к англичанам посланника с предложением переговоров, и Эдуард назначил переговорщиком сэра Уолтера Мэнни. Де Вьенн сказал, что сдаст город, если жителям будут сохранены жизнь и собственность. На это Мэнни ответил, что в соответствии с законами военного времени Эдуарду не угодно никого миловать: король согласен только на безоговорочную капитуляцию, а с солдатами и жителями поступит как пожелает. Рыцари не одобряли такую политику Эдуарда, говорили, что не следует убивать людей, исполняющих свой долг, и если король так поступит, всем им это еще когда-нибудь отзовется. Следует придерживаться

принятых правил решения вооруженных конфликтов и защищать военнопленных, убедившись, что другая сторона сделает то же самое. Мэнни и другие рыцари против этого возражали. В конце концов король согласился. Де Вьенну сообщили, что большая часть гарнизона и жители будут помилованы, но их собственность конфискуют, а кроме того, шесть самых известных людей города должны прийти к Эдуарду в одних рубахах, с веревками на шее и принести ключи от города.

Утром 3 августа 1347 года Кале сдался, и произошло то, что описано французскими слагателями легенд, отчаянно хотевшими создать героическую историю двух бедственных лет. Они рассказывают, как шестеро горожан под предводительством Эсташа де Сен-Пьера, который предположительно сам взял на себя эту миссию, вышли из городских ворот и предстали перед победителями. Английская армия выстроилась как на параде, а король, королева и высшие сановники восседали на возвышении. Изнуренные люди приблизились к возвышению и упали на колени, а Сен-Пьер попросил прощения. Эдуард ему отказал и отдал приказ тотчас обезглавить всех шестерых. Высокородные офицеры стали обеспокоенно перешептываться: казнь без отпущения грехов казалась невыносимой. Эдуард был неумолим, и только когда беременная королева Филиппа жалобно стала умолять супруга, согласился даровать горожанам жизнь. На самом деле это был тщательно подготовленный и отрепетированный спектакль: миру следовало показать, что Эдуард способен на милосердие, да и королева наверняка не стала бы уговаривать мужа на публике, не надеясь на успех. Точно так же и рыцари могли загодя посоветовать королю простить горожан и не посмели бы прогневать его в присутствии побежденной армии. Как бы то ни было, Сен-Пьера и его товарищей и вправду пощадили⁴⁹.

Жана де Вьенна и именитых французских рыцарей заточили в Тауэр, а дома их вместе с имуществом перешли в собственность короля Эдуарда. Оказалось, что незначительный торговый порт Кале набит богатствами, не поддающимися описанию. Дело в том, что горожане долгие годы занимались пиратством, и, когда жителей изгнали едва ли не в той одежде, которая на них была, победители собрали добычу и занялись ее раздачей. По слухам, в Англии не было женщины, которая не носила бы что-либо взятое из Кале. Эдуард твердо был намерен удержать Кале, больше для того, чтобы править городом как частью английской Франции. Эта территория должна была превратиться в колонию с английскими купцами, их поощряли туда переселяться навсегда, пообещав бесплатное жилье и землю. Кале оставался английским владением 211 лет, после чего из-за халатности Тюдоров и хитрости французов в годы правления Марии Тюдор был потерян.

Эдуард собирался закрепить победы под Креси и Кале, устроив еще одно большое шевоше, которое раз и навсегда покончило бы с войной, но изнурительная осада вымотала армию, да и с деньгами снова стало туго, и потому, когда французы предложили переговоры через своих кардиналов, Эдуард готов был их выслушать. Французам перемирие было необходимо: они потерпели серьезные поражения в Нормандии, Аквитании, Фландрии и Бретани, и хотя их страна была довольно богата, на то, чтобы расплатиться с армией, денег не доставало. Переговорщики сновали между Кале и Амьеном, пытаясь добиться хоть какого-то соглашения, которое прекратило бы войну. Англичане, конечно же, находились в более сильной позиции, и, когда в конце сентября 1347 года было подписано девятимесячное перемирие, у них осталось все, что они завоевали.

Дома Эдуарда встретили с ликованием. Парламент согласился, что деньги потрачены не зря. Авторитет короля значительно вырос благодаря его личной воинской доблести. Взятие Кале и перемещение во Францию новых жителей рассматривались как отличная возможность для расширения торговли. Отныне Англия входила в Европу без поддержки фламандцев, тем более что поддержка эта непостоянна. 23 апреля 1348 года, в день Святого Георгия, король учредил рыцарский орден Подвязки, количество членов которого было

---

⁴⁹ Скульптура Родена «Граждане Кале», созданная в 1889 г., до сих пор стоит в Кале, а копия этого произведения находится в садах Виктория-Тауэр.

ограничено двадцатью шестью рыцарями-ветеранами, проявившими себя в бою. Орден должен был возвысить двор Эдуарда, сделать не хуже любого королевского двора Европы. Возглавлять орден могли только король и его наследники, как и принимать новых членов. Выставили только два условия: рыцари не могли воевать друг с другом и покидать страну без разрешения короля. Из двадцати шести членов ордена восемнадцать сражались при Креси, остальные отличились в других битвах. В Виндзорском замке у ордена появилась часовня Святого Георгия, орден поддерживал двадцать шесть «бедных рыцарей», плененных французами. Чтобы добыть свободу, им пришлось продать свои имения.

Подвязка была не первым рыцарским орденом: один такой имелся в Венгрии, другой – в Кастилии, но оба давно прекратили существование, да и не были столь престижными. Относительно происхождения названия ордена высказывается много предположений. Большинство полагает, что подвязку уронила графиня Солсбери и произошло это якобы, когда с ней танцевал король. Король поднял подвязку, надел на собственную ногу и сказал: «*Honi soit qui mal y pense*», – что можно перевести так: «Стыдно тому, кто плохо об этом подумает». Есть, однако, и другие кандидаты на место легендарной графини. Да и вряд ли это была Екатерина Монтегю, графиня Солсбери, потому что в 1347 году ей было почти пятьдесят лет, скорее речь идет о Джоанне, дочери графа Кентского, обвиненного в заговоре против королевы и казненного по приказу Мортимера. У этой женщины было пикантное прошлое⁵⁰. Кроме Джоанны на роль «потеряшки» претендует таинственная Алиса Солсбери, которая была, по одним свидетельствам, любовницей короля, а по другим – жертвой насилия с его стороны. Правды мы никогда не узнаем, но более простым и приземленным объяснением является то, что эмблемой должно быть что-то, что можно носить поверх доспехов, а потому с тем же успехом орден можно было назвать и орденом Нарукавной Повязки. (В девизе «Стыдно тому, кто плохо об этом подумает» слова «об этом» можно отнести к претензии Эдуарда на французский престол.) Орден Подвязки – старейший рыцарский орден в мире, и хотя двенадцать каноников не пережили Реформации, двадцать шесть рыцарей здравствуют и в настоящее время. Рыцари теперь не обязательно бедные, но по-прежнему пенсионеры. Благодаря Вильгельму IV теперь их называют военными рыцарями Виндзора.

Европа в это время потерпела катастрофу, такую страшную, что о войне и думать было невозможно. Зимой 1347/48 года в Сицилию пришла болезнь, занесли которую предположительно на корабле, приплывшем либо по Черному морю, либо с Ближнего Востока. Из Марселя болезнь быстро распространилась по Европе. Сейчас мы называем ее бубонной чумой. Современная медицина не знает точно, как это было, хотя и предполагает, что болезнь занесли блохи, паразитирующие на крысах и мышах. В негигиеничные Средние века предотвратить распространение болезни было почти невозможно, особенно в городах, при скоплении людей и отсутствии санитарии. Уровень смертности был очень высок. В августе 1348 года чума перекинулась в Англию, пришла либо из Бордо на корабле, привезшем вино, либо на судне, доставившем в Веймут имущество из Кале, а оттуда болезнь двинулась в Дорсет, Сомерсет и Девон. В Лондоне ее впервые зафиксировали в ноябре. Симптомами были опухоли (бубоны) в паху и под мышками, черные пятна на коже, лихорадка; через четыре дня все заканчивалось смертью.

Франция, ослабленная военным поражением и в отсутствие сильной центральной

---

⁵⁰ Джоанну саркастически окрестили святой девой Кента. Позже с напускной скромностью прозвали «прекрасной девой Кента». В двенадцать лет она вышла замуж за Томаса Холланда, сенешаля графа Солсбери. Брак был тайным, но законным. Когда в конце 1340 г. сэр Томас отправился воевать с варварами в страну, которая сейчас зовется Пруссией, мать выдала Джоанну замуж за Уильяма Монтегю, сына графа Солсбери, впоследствии второго графа Солсбери. Церемония бракосочетания прошла с большой помпой. Сэр Томас вернулся и промолчал о том, что на самом деле Джоанна его жена. Только после *шевоше* 1346–1347 гг., сделав себе имя и состояние, Холланд обратился в папский суд и в 1349 г. вернул себе жену. Джоанна родила Холланду пятерых детей, а в 1360 г. супруг скончался. Вдове на ту пору было всего 33 года, она вышла замуж за Черного Принца и родила ему сына, будущего Ричарда II. Удивительная девушка!

власти, пострадала невероятно. Поля пришли в запустение, фураж, предназначавшийся военным лошадям, пошел на корм сельскохозяйственным животным, обнищавшие рыцари занялись разбоем. Население сокращалось, уменьшился сбор налогов, деньги обесценились. Правительство и придворные бежали из Парижа. Филипп скитался у границ Нормандии вместе с немногочисленными чиновниками и слугами. Большинство французов расценили чуму как кару небесную; впрочем, винили и всякого рода колдунов. За богохульство отрезали языки; евреев, само собой, преследовали больше прежнего.

В Англии последствия были не такими страшными, но тем не менее очень серьезными. Уровень смертности был особенно высок среди священников, если те исполняли свой долг как следовало и находились в постоянном контакте с жертвами болезни: в епархиях Йорка и Линкольна умерло 44% от общего числа клириков, а в Эксетере, Винчестере и Или скончались 50% священников. Долгое время считали, что во время первой чумной эпидемии умерло около трети населения (к 1350 году чума добралась и до Шотландии); впрочем, некоторые современные историки полагают, что число жертв было намного больше. И все же в Англии бедствие было не столь ужасным, как во Франции; причиной тому более эффективное центральное правительство, контролировавшее всю страну, и популярный король в отличие от Франции, где управляли полуавтономные властители и непопулярный король. Первая эпидемия поразила в Англии главным образом бедных и недоедающих людей в отличие от знати, проживавшей в относительно более чистых районах. Их французским собратям повезло меньше: скончались королева, а также герцогиня Нормандская и канцлер, много представителей аристократии⁵¹. В связи с сокращением сельского населения английские крестьяне были уже не так крепко привязаны к своим хозяевам и могли требовать более высоких заработков. Вестминстер не пошел им навстречу и заявил, что крестьяне не могут получать больше того, что было у них до чумы, а тех землевладельцев, кто платил больше, штрафовали. (Французы исповедовали другую точку зрения: там рабочие не соглашались трудиться по старым расценкам.) Во Франции закон, порядок и правительство на некоторое время разладились, а в Англии власти не утратили контроль, несмотря на рост преступности и экономические проблемы. Недавние раскопки в так называемом чумном могильнике в Ист-Смитфилде (Лондон) показали, что в те времена, в отличие от концлагеря Бельзен, покойников не сбрасывали в яму навалом, а погребали аккуратными рядами, каждое тело пусть и не в гробу, но в свою могилу.

Ни одна сторона не затевала широкомасштабной операции, тем не менее война все еще тлела. В 1349 году была попытка подкупить в Кале генуэзского командира наемников: хотели, чтобы ночью 31 декабря он оставил городские ворота открытыми, опустил подъемный мост и позволил французскому отряду отвоевать город. Командир взял деньги, согласился на предательство, но тут же послал галеру к королю Эдуарду с сообщением о подкупе. Король примчался во Францию вместе со слугами и лучниками и устроил налетчикам ловушку в тот момент, когда те подбирались к воротам. Деньги генуэзец оставил себе. После смерти Иоанна Плантагенета Кастилия разорвала альянс с Англией. Кастильский флот вышел в Канал: должно быть, кастильцы намеревались помешать английской торговле с Бордо или не пустить в Кале английские продовольственные конвои, а может, то и другое. Английская разведка дала предупреждение, и 29 августа 1350 года произошло морское сражение в районе Уинчелси. Английский флот во главе с королем Эдуардом, взявшим с собой сыновей – принца Уэльского и десятилетнего Джона Гонты, – одержал великую победу над флотилией меньшего размера, но состоявшей из более крупных (а потому трудных для атаки) испанских кораблей. Эдуарду было тридцать семь лет, и в этом сражении он в последний раз участвовал в рукопашном бою, хотя его авторитет был так велик, что он вполне мог бы этого не делать.

---

⁵¹ Пятнадцатилетняя дочь Эдуарда III Джоанна скончалась от чумы в Бордо, когда ехала на собственную свадьбу к наследнику трона Кастилии.

Тогда же, в августе 1350 года, когда Франция оправлялась от чумы, умер Филипп VI. Наследовал Филиппу Иоанн II, которому исполнился 31 год. Французской истории он известен как Иоанн Добрый. Любители мифов рассказывали о невероятной личной храбрости короля и о любви к турнирам, игнорируя то, что на самом деле человеком он был порочным, непоследовательным, несправедливым, некомпетентным в военном деле и попросту глупым. По описаниям, он был красив, имел прекрасную рыжую бороду, однако, если судить по портрету в Лувре, это неухоженная щетина. Иоанн тоже основал рыцарский орден – Звезды. Члены этого ордена давали клятву не покидать поле боя живыми, что в значительной степени и объясняет, почему он более не существует. Особенно возмутило англичан, усилило антипатию к папству и нашло выход в Реформации то, что на коронацию Иоанна II папа назначил двенадцать кардиналов, причем восемь из них были французы, трое – испанцы и один итальянец (то есть ни одного англичанина).

Немедленно возобновить войну Иоанн был не в состоянии, хотя и начал собирать средства путем взимания больших налогов и обесценивания валюты. С этой целью он чеканил больше денег, уменьшив в монетах содержание серебра. Несмотря на заключенное в Кале перемирие, перестрелки в Аквитании и Бретани не прекращались. 20 июля 1350 года великому сэру Томасу Дагворту устроили в Бретани засаду, и хотя он яростно сражался, все же в конце концов был убит. На следующий год Генри Ланкастер совершил короткое и разорительное шеваше по Артуа и Пикардии. В Бретани произошел, возможно, один из последних рыцарских поединков – битва Тридцати. Французский отряд под командованием Жана де Бомануара вылетел из замка Жослен и, проскакав восемь миль, оказался возле стен замка Плоэрмель. Осада не состоялась. Командующий английским гарнизоном Роберт Бембро согласился на рыцарский поединок: по тридцать человек с каждой стороны должны были пешими сразиться друг с другом. Договорились о правилах боя и об оружии, условились и о том, когда и где можно отдохнуть и перевязать раны, назначили место встречи – на равном расстоянии от своих замков. Поединок состоялся 13 мая 1351 года; англичане проиграли, однако обвинили французов в нарушении правил.

Преемником Дагворта в Бретани стал сэр Уолтер Бентли, суровый профессиональный вояка из Стаффордшира. Происходил он из семьи, в прошлом часто находившейся в оппозиции к королю. Эдуард III не проявлял злопамятности по отношению к бывшим оппозиционерам, если те становились ему полезны и были готовы хранить верность. Он не верил в то, что грехи отцов передаются по наследству детям, и это подтверждается тем, что среди его старших командиров были Хью Диспенсер и Роджер Мортимер, сыновья казненных по приказу короля.

14 августа 1352 года с отрядом, состоявшим примерно из двухсот конников и трехсот лучников, Бентли одолел более крупное французское войско в Мороне, на полпути между Ренном и Плоэрмелем. В соответствии с английской тактической доктриной, Бентли расположил своих людей на склоне – спешенные конники в центре, лучники на флангах. После Креси французы кое-чему научились: их командир Ги де Нель приказал большинству своих людей спешиться, а нескольким сотням всадников – спуститься вниз, к английским лучникам. Если бы их атака была хорошо скоординирована, такая тактика могла бы сработать. Французским всадникам удалось рассеять английских лучников, но, вместо того чтобы развернуться и атаковать англичан с тыла, они принялись грабить конвой Бентли. На левом фланге англичане отразили атаку конницы, но не смогли, как обычно, обрушить град стрел на подступающую французскую пехоту. Взбиравшиеся на отвесный склон, утомленные жарой и весом доспехов, французы не были готовы к рукопашной схватке, и английские воины сбросили их с холма. Хронисты, как всегда, либо завысили, либо приуменьшили людские потери. Согласно Джеффри ле Бейкеру, французы потеряли десять сеньоров, шестьсот сорок рыцарей, пятьсот оруженосцев и «простого народу без числа», а кроме того, пленными сто сорок рыцарей. Настоящая цифра, возможно, около двухсот французов (многие из них рыцари Звезды); что до пленных, то данные, похоже, верны. Об английских потерях не упоминает ни один источник. Ле Бейкер свидетельствует, что Бентли

велел казнить на месте двенадцать лучников, разбежавшихся в момент атаки французских кавалеристов, но это кажется совершенно невероятным; впрочем, не исключено, что в назидание другим он казнил одного из командиров ополченцев.

Хотя английская экономика оправилась от чумы быстрее, чем французская (зарботки повысились, но и цены возросли, а хозяева получали почти прежние доходы), Эдуард был рад возможности переговоров, не забывая при этом готовиться к возобновлению войны. С момента захвата Кале стороны пытались о чем-то договориться, однако ничего не получалось, потому что Филипп VI отказывался признавать завоеванные территории английскими, считая их владениями Валуа, а англичане считали такое заявление неприемлемым. К 1353 году положение изменилось, и не только потому, что Филиппу наследовал Иоанн, но также и потому, что умер папа Климент VI и на смену ему пришел Иннокентий VI. Иннокентий был настроен еще более профранцузски, чем предшественник, но понимал необходимость окончания войны в ослабленной чумой Европе.

В замке Гин, в пяти милях к югу от Кале, начались переговоры, однако были прерваны внезапным нападением отряда под командованием лучника Джона Данкастера. Утомленный гарнизонной службой в Кале, Джон собрал несколько солдат, и ночью все они, измазав лица сажей, перемахнули через стену и захватили замок Гин. Кардинал Ги Булонский носился между Авиньоном, Парижем и Гином, и в результате в апреле 1354 года в Гине был предложен черновой вариант договора, согласно которому Эдуард в обмен за отказ от притязаний на французский престол должен был на условиях суверенитета получить Аквитанию, Нормандию, Турин, Пуату и предместья Кале. Такое соглашение стало бы окончанием войны, дало бы англичанам то, что им принадлежало по праву, и в то же время позволило бы Иоанну удержать часть своего королевства, а не потерять его вовсе. Договор должен был ратифицировать в Авиньоне папа. Этого не произошло. Иоанн передумал, поскольку против договора возражали его вельможи, да и Ги Булонский вышел из доверия. Король Эдуард разгневался из-за провала переговоров, особенно потому, что уже заверил парламент и в успехе мирного соглашения, и в том, что повышения налогов на военные расходы более не понадобится.

Требовалось, чтобы французский король увидел свою ошибку и понял, что на этот раз компромисса не будет. В 1355 году созрел план – напасть на Францию с трех сторон: сам король нанесет удар изнутри – из Кале; Генри Ланкастер, ныне герцог, ударит из Нормандии, а Черный Принц (принц Уэльский получил это прозвище после Креси) будет действовать из Аквитании. Были проблемы с погодой и с поиском достаточного количества солдат; тем не менее в октябре 1355 года Эдуард высадился в Кале с войском около восьми тысяч человек и двинулся в сторону Амьена, где Жан Валуа собрал более многочисленную армию. Но тут из Англии пришла плохая весть: шотландцы снова разбушевались – 6 ноября вторглись в Англию и устроили осаду замка Берик. Смутьяны привыкли действовать без участия короля (Давид все еще находился в английской тюрьме). Шотландцы заявили, что связаны договором с союзником и должны напасть на Англию в случае ее вторжения во Францию. В прошлый раз они проделали это в 1346 году, однако тогда на севере Англии было достаточно войск; сейчас же, в 1355 году, во Францию вошли три английские армии, да и чума сильно сократила численность населения, из-за чего Эдуард вынужден был призвать в армию северян, так что защитников на границе с Шотландией было мало. У короля не осталось выбора: ему пришлось вернуться в Кале, а оттуда – домой.

Армия Ланкастера в Бретань так и не пришла: этому помешали плохая погода и несвоевременные ветры, относившие флот обратно к английским берегам. Через канал сумела переправиться только армия Черного Принца. В сентябре 1355 года принц Эдуард высадился в Бордо с войском, состоявшим примерно из тысячи конников, тысячи семисот лучников и нескольких сотен валлийских копьеносцев. Двадцатипятилетний молодой человек уже доказал личную храбрость при Креси, однако ни разу не командовал целым войском. Отец ему, правда, оставил в помощь опытных и умных офицеров. Графы Уорик, Саффолк и Солсбери принимали участие в шотландских войнах, в битве при Креси и при

осаде Кале. Они готовы были дать совет и предостеречь молодого человека от опрометчивого авантюризма.

В Бордо к англичанам присоединились гасконские отряды. Принц приказал распрячь лошадей, дал солдатам время оправиться от морской болезни и пустился в шевоше по Арманьяку и Лангедоку. Он жег, убивал, грабил, уничтожал все на своем пути и к ноябрю добрался до Лионского залива, преодолев триста миль от побережья до побережья. При этом он обходил укрепленные города и замки. Принца манила к себе Тулуза, тем не менее он и ее обошел, однако в Нарбонне попал под обстрел французских требюшетов. Убедившись в том, что гарнизон достаточно силен, Эдуард благоразумно удалился, сжигая по дороге предместья. Настал момент вернуться на дружественную территорию. Вечера становились короче, в реках поднималась вода, лошади утомились от бешеного бега и неподходящего корма. Французские войска тоже были на марше, как и частные авантюристы, нападавшие на обозы с награбленным за месяц добром. Прежде чем попасть в Аквитанию, нужно было переправиться через множество рек, разбухших от дождей. Французы разрушили мосты, думая, что Арьеж и Гаронну на лошадях не одолеть, но англичане тем не менее справились и двинулись на запад. Вскоре преследовавшие их французские отряды остались на расстоянии дневного марша. Вечером англичане увидели огни, зажженные в лагере противника. Французам тоже помешали разлившиеся реки, к тому же между командирами начался разлад: они спорили, не зная, что делать дальше; 28 ноября 1355 года Черный Принц и его армия пересекли границу Аквитании.

1355 год в некоторых отношениях разочаровал: ожидаемый мир не наступил, нападения с трех фронтов не получилось, да и шотландцы снова вторглись в Англию. С последней угрозой скоро справились. Шевоше Черного Принца не привело к большим сражениям и еще раз продемонстрировало неспособность французского короля защитить своих подданных. Это воодушевило гасконцев, уменьшило налоги, которые можно было взимать с ограбленных земель. Англичане захватили огромное количество ценного добра, одежды, вина, не говоря уже о лошадях и пленниках, за которых можно было взять выкуп. Солдаты Эдуарда остались довольны и хотели повторить успех в следующем году. Эта надежда оправдалась, потому что 1356 год принес англичанам большие победы в Столетней войне.

Глава шестая Пленение короля

Зимой 1355/56-го и весной 1356 года Черный Принц укреплял свое положение в Аквитании и готовился к новому шевоше. Крупных операций не предпринимал, зато осуществлял постоянные, хотя и ограниченные, рейды на французскую территорию. Целью этих вылазок было отвоевание английских владений; к весне 1356 года англичане захватили тридцать замков и городов и поставили в них свои гарнизоны. В Англию отправили запрос: требовалось подкрепление. Сэру Ричарду Стаффорду предписывалось прислать триста конных лучников. Двести человек запросили из Чешира, а остальных – из любых графств, лишь бы нашлись. Солдат нужно было проверить, снарядить, отправить в Плимут, где им надлежало незамедлительно сесть на корабль, следующий до Бордо. Во всяком случае, нужно было успеть до Вербного воскресенья (15 мая 1356 года). Требовалось и дооснащение оружием, так что принц послал в Англию одного из своих снабженцев, Роберта Пайпота из Брукфорда, чтобы тот закупил 1000 луков, 2000 колчанов со стрелами и 57600 тетив. Расход тетив был весьма значителен. У Пайпота возникли проблемы с закупкой стрел, поскольку все оружейные склады были уже раскуплены королем и понадобилось изготовить новые стрелы. Чтобы выполнить заказ, мастера трудились день и ночь.

Проблем в воинском призыве не было, лишь бы солдаты были свободны, хотя население и сильно поредело после чумы. Жалованье было приличным, к тому же манила возможность грабежа и получения выкупа за взятых в плен солдат противника. Платили за каждый день, а командирам, кроме жалованья, за каждые тридцать солдат раз в квартал полагался бонус в сто марок (примерно 66,66 фунта). Командиры, в подчинении которых находилось сто человек (а такие были), за короткое время могли весьма недурно заработать, и это не считая доли в добыче и выкупе за пленных.

С английской точки зрения очень важно было сойтись в бою с главной французской королевской армией и одолеть ее. Несмотря на успех кампании 1355 года, англичане по-прежнему не могли заставить французов признать легитимность английской Франции. Требовалась решающая битва, та, что могла покончить с войной. Англичане вновь запланировали наступление на центральную Францию с трех сторон: Генри Ланкастер должен был выйти из Нормандии, король Эдуард – из Кале, а Черный Принц – из Аквитании. Принцу надлежало двинуться к северу и пойти на Париж. У нас нет письменного свидетельства, но скорее всего принц должен был соединиться с армией Ланкастера где-то возле реки Луары. Расходы на это предприятие были огромными – содержание трех армий, управление разбросанными гарнизонами, оборона Кале и Аквитании. Только в 1355–1356 годах было выделено сто тысяч фунтов стерлингов, причем примерно половина из этих денег предназначалась армии Черного Принца. Впрочем, Англия могла себе это позволить – частично благодаря налогам, хотя в основном операция оплачивалась из таможенных пошлин и доходов, полученных от прежних кампаний, в том числе выкупов за пленных.

У Иоанна во Франции были большие проблемы. Политика уклонения от сражений в надежде на то, что у Англии скоро кончатся деньги и англичане уйдут восвояси, окончательно провалилась. Король не сумел защитить тех, кого считал своими подданными, его правительство раздирали разногласия, и страна по-прежнему страдала от неурядиц, вызванных чумой. Против него замыслил собственный сын и наследник вместе с королем Наварры. Иоанн очень нуждался в деньгах, без которых трудно было продолжать войну. Нехватка была столь велика, что король объявил мораторий на выплату правительственного долга, а это привело к банкротству и богачей, и скромных торговцев. Последнее, возможно, было главным достижением принца Эдуарда в предыдущем году, ибо в результате шевоше, совершенного на территории от Бордо до Средиземного моря, экономика Франции была окончательно разрушена. Подсчитано, что в результате уничтожения только Каркассона и Лиму французы лишились средств, способных обеспечить тысячу тяжеловооруженных воинов. Английская пропаганда во многом поспособствовала тому, что Иоанн опустил руки

и позволил англичанам передвигаться по стране где им вздумается. Пользуясь этим, они внушали местному населению, что король попусту растрчивает казенные деньги, мучает их налогами, тогда как при законном короле Франции – Эдуарде III – жить будет не в пример лучше. Единственным выходом для Иоанна станет удовлетворение всех английских требований, а если принять во внимание, что и французская знать недовольна королем, готова лишиться его трона и даже жизни, то Иоанну лучше отказаться от своей стратегии и согласиться на сражение с англичанами на выгодных для французов условиях. По всему течению реки Луары объявили рекрутский набор.

4 августа 1356 года Черный Принц двинулся на Париж. Поскольку он не мог позволить французской армии воспользоваться его отсутствием и вторгнуться в Аквитанию, Эдуард оставил за себя сенешаля Джона Чиверстона с двухтысячным войском. У принца Эдуарда осталось около пяти тысяч солдат, из них три тысячи лучников, две тысячи конных да несколько конюхов. Вся армия была конной – так она могла быстро передвигаться, не останавливаясь надолго, чтобы противник не воспользовался ее малочисленностью, а в бой англичане вступали, только когда им это было выгодно. Как и в предшествующих шеваше, армия обходила хорошо укрепленные крепости и города и обращала внимание на слабо защищенные или такие, где стены были не в лучшем состоянии. В этом случае армия быстро их захватывала вместе с запасами еды и вина. Обоз у принца был небольшой и предназначался главным образом для перевозки добычи, запасных стрел и оружия: армия должна была жить тем, что добывала по пути. До конца августа войско принца покрывало в день расстояние, равное примерно десяти милям. Когда они добрались до Вьерзона на реке Шер, то обнаружили, что городок опустел. Как и всегда, армия занялась грабежом и поджогами, а отряд под командованием сэра Джеймса Одли и сэра Джона Чендоса отъехал в Обиньи, в 25 милях к северо-востоку от Вьерзона, где занялся тем же.

Одли и Чендос, так же как Мэнни, Холланд и Дагворт, имели весьма скромное происхождение, но благодаря войне сумели поднять свой статус и обогатиться. В 1356 году Одли, незаконнорожденному сыну рыцаря из Оксфордшира, было около тридцати восьми. Хронисты впервые упоминают его в 1346–1347 годах во время экспедиции Эдуарда III: тогда он состоял в свите принца Уэльского. Одли принимал участие в битве при Креси и в осаде Кале; неизвестно, был ли он возведен в рыцарское достоинство, но он являлся одним из членов ордена Подвязки. Дата рождения Джона Чендоса, младшего сына рыцаря из Дербишира, неизвестна – скорее всего они были ровесниками с Одли, поскольку не только вместе воевали, но и дружили. В рыцарское достоинство Чендос был возведен в 1339 году за храбрость и способности, проявленные в битве при Камбре. Он принимал участие в морском сражении при Слейсе и так же, как Одли, был в распоряжении принца Уэльского при Креси. В 1350 году Чендос был на борту корабля принца в Уинчелси и удостоился ордена Подвязки.

Одли и Чендос завершили в Обиньи свою разрушительную работу и на обратном пути столкнулись с французским отрядом грабителей, возглавляемым неким Филиппом де Шамбри, прозванным – возможно, за внешность – Гримутоном – Серым Барашком. От французов, взятых в плен в этой перестрелке, Черный Принц узнал, что противник не так далеко, как он предполагал. К этому моменту Иоанн собрал армию и выдвинул ее подразделения к Шартру, однако ясного представления о том, где находятся англичане, у него не было. По широкой пятидесятимильной полосе разрушений, тянувшейся к Парижу, и по толпам беженцев Иоанн увидел, с какой стороны наступает Черный Принц, но не знал, как далеко тот продвинулся. Французам известно было только то, что англичане переправились через Луару, и это давало преимущество, потому что на реке было наводнение: французы надеялись загнать английскую армию в западню, не дав ей возможности улизнуть.

Приблизившись к Вьерзону, Черный Принц, должно быть, понял, что соединиться с Ланкастером у него не получится. Герцог наверняка рассчитал, что если продолжит идти к Туру, то с французской армией он встретится раньше, чем с принцем Эдуардом. Ланкастер не собирался вступать в безнадежную битву и благоразумно отступил, отправив послание

французскому королю, что сражаться не станет, а пойдет туда, куда вздумается. От соединения с Ланкастером экспедиция Черного Принца не зависела, а теперь, когда это стало невозможно, Эдуард переосмыслил ситуацию. Решающего сражения с французами он не боялся: напротив, надеялся на него, однако двигаться к Парижу без помощи армии Ланкастера было бы неразумно. Сражение должно было состояться в месте, выбранном принцем, – так он в наилучшем виде использует английскую тактику, согласно которой не следует вступать в бой на условиях, продиктованных противником. Пойти назад по пути, которым он сюда пришел, не годилось, поскольку территорию принц зачистил: ни еды, ни фуража для лошадей там не добыть. Поэтому Эдуард решил двинуться на запад, к Туру: в этом случае возможно покинуть разграбленные места, и тогда он возвратится в Бордо, если не подвернется возможность для решающей битвы.

Эдуард Плантагенет, принц Уэльский, он же Черный Принц, во многих отношениях загадочная фигура. Мы даже не уверены в происхождении его прозвища. Викторианцы полагали, что назвали его так из-за черных доспехов, в этот цвет они окрасили и погребальный памятник в Кентерберийском соборе (позднее гробнице вернули первоначальный вид – сталь и позолоту). Было и другое объяснение, французское, доказывающее, как ненавидели этого человека. Судя по современным описаниям и картинам, а также скульптурному портрету на гробнице, он был высоким, хорошо сложенным и красивым, с удлиненным лицом Плантагенетов. Как и многие аристократы того времени, увлекался турнирами и рыцарскими поединками. С тринадцати лет сопровождал своего отца в походах; нет сомнений в его личной храбрости, что он доказал при Креси. Принц благородно вел себя по отношению к другим, даже к врагам. Он продемонстрировал это, когда почтил мертвого короля Иоанна Богемского, – в качестве личной эмблемы взял себе его страусиное перо⁵². Человеком он был религиозным и верил искренне и глубоко. Из перечней пожертвований, а также оружия и серебра – подарков друзьям, которые хорошо ему служили, – мы знаем, что принц был щедр. По крайней мере, в ранние годы он мало извлекал личной выгоды из выкупов за пленных, часто раздавал деньги товарищам и слугам. После того как стал самостоятельным, без поддержки отца, принц проявил себя отличным тактиком и природным лидером, но при этом всегда прислушивался к подчиненным, у которых было больше боевого опыта. С другой стороны, у него была репутация жесткого лендлорда, и жители земель, из которых он извлекал главные доходы – Уэльса, Корнуолла, Чешира и Аквитании, – жаловались на высокие налоги, хотя шли они главным образом на военные кампании, а не на личные удовольствия.

Кто-то считал принца холодным и нелюдимым, но такое поведение можно объяснить выборочным отношением Эдуарда к людям: он предпочитал компанию тех, кого знал и кому доверял. В политическом отношении он бывал наивен, в интригах безнадежен, часто соглашался на меньшее, чем мог бы получить при более искушенных переговорах. С современной точки зрения поведение его во время кампаний выглядит преступным: поджоги, уничтожение городов, посевов, но в те времена все поступали так на вражеской территории. Делали это не из страсти к уничтожению, а из желания вынудить противника дать бой и одновременно доказать населению, что правитель не способен его защитить. Вердикт истории (во всяком случае, британской) в целом таков: принц Эдуард был великим солдатом, великим англичанином, а потому достоин занимать место в британском пантеоне.

Следует отметить, что молодой Эдуард продемонстрировал большую уверенность в себе и в своих людях. Он рассчитал, что его конница легко обгонит тяжеловесную французскую армию, а потому двинулся вдоль русла реки Шер к Роморантену на Луаре, чтобы взять город в осаду. Оставить позади себя вражеский гарнизон принц не мог, к тому же надеялся, что французы попытаются освободить город, и тогда он навяжет им бой. Если Иоанн не заглотив наживку, то Эдуард по крайней мере возьмет город и уйдет, прежде чем французы успеют вмешаться. На покорение Роморантена ушло пять дней. Когда рухнули

---

⁵² Позднее в эту эмблему добавили три пера, и она стала эмблемой уэльских принцев.

стены и крепость охватило огнем, город был вынужден сдаться, однако французы так и не предприняли попытки снять осаду. Много времени англичане потеряли на переправу через Луару в районе Тура, хотя, возможно, остановка была продиктована надеждой на то, что войско Ланкастера соединится наконец-то с войском принца.

Французы уничтожили все мосты через Луару – от Тура и далее к северо-востоку, до Блуа. В результате 11 сентября, так и не найдя переправу и не встретившись с герцогом Ланкастером, принц не спеша двинулся на юг, к английской базе в Бордо. Был ли он слишком уверен в себе или хотел вынудить французов последовать за ним, неизвестно. Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства указывают на последнее, но, может, верно и то и другое. На самом деле французская армия оказалась гораздо ближе, чем думали как сам Черный Принц, так и Иоанн. Когда англичане добрались до Шательро, а французы – до Лаэ, они уже шли параллельно друг другу. Сражения хотели оба командующих: Черный Принц собирался нанести решающий удар, потому что, как выразился хронист ле Бейкер, «он желал битвы ради мира, который обычно за этим следует», а Иоанн жаждал вступить в бой, потому что не мог успокоить народ дальнейшими отсрочками. Французы двигались быстрее, чем кто-либо от них ожидал, и 15 сентября добрались до восточного берега реки Вьенн в Шовиньи. Оттуда французы намеревались идти на запад, к Пуатье, чтобы отрезать англичан от Бордо. Эдуарда ничуть не встревожили донесения разведывательных патрулей. Французы наконец-то решились дать бой, и принц готов был удовлетворить их желание. Английский обоз с награбленной добычей отошел к западу, чтобы не мешать продвижению армии.

17 сентября сильные английские патрули под командованием гасконских рыцарей д'Обрикура и Гистеля нанесли первые удары по французскому арьергарду, что дало преимущество англичанам. Разведчики обеих армий тоже ненадолго схлестнулись. Англичане попытались перехватить французов, переправлявшихся через Вьенн, однако запоздали. Французская армия заняла позицию на плато к юго-востоку от Пуатье, а английское войско расположилось с южной стороны. Следующий день был воскресный. Английская армия до рассвета искала позицию, удобную для сражения, и остановилась возле Нуайе-Мопертюи, примерно в четырех милях к юго-востоку от Пуатье.

По инициативе Перигора день прошел в переговорах – кардинал носился туда-сюда, пытаясь уговорить противников прийти к соглашению и избежать битвы. Наконец принц Эдуард согласился на встречу. С французской стороны присутствовали два архиепископа, граф Танкарвиль (в Кане он попал в плен, но был выкуплен за 6000 фунтов) и три других аристократа; английскую сторону представляли графы Уорик и Саффолк и старшие командиры, в том числе Одли, Чендос и сэр Бартоломью Бургхерш. Бургхерш также сделал себе имя на войне, хотя по сравнению с другими начинал с более удобной позиции. Он был внучатым племянником лорда Бадлмера, жена которого в 1322 году отказала в гостеприимстве королеве Изабелле в замке Лидс, а после вторжения оскорбленной Изабеллы и Мортимера семья потеряла свое имение, но через какое-то время обрела его снова. На момент государственного переворота Эдуарда III они снова ненадолго потеряли замок, однако в конце концов восстановили свои права. Отец Бургхерша – первый лорд Бургхерш – нажил много денег (относительно честным путем). Тем не менее сын его, будучи первоклассным военным, добился своего положения сам: он принимал участие в большинстве сражений Эдуарда III и Черного Принца и стал одним из первых рыцарей ордена Подвязки.

Трудно сказать, на что рассчитывала каждая сторона, соглашаясь на переговоры. Неясно также, хотели ли они прийти к мирному соглашению. Речь шла о пленных, находившихся в руках англичан: французы требовали их возвращения, а англичане настаивали на том, что любое соглашение должно быть ратифицировано королем. Ни одно условие не являлось приемлемым, а когда французы сказали, что вопрос может быть разрешен с помощью рыцарского поединка – по сто человек с каждой стороны, – граф Уорик не согласился, заявив, что решить дело должно только сражение между двумя армиями.

Даже если французам можно поверить в том, что они сдержат свое слово, англичане не хотели терять преимущество: они знали, что их тактика – использование лучников и спешившихся всадников, вступивших в единоборство, – принесет успех, а в рыцарском поединке они могли бы и потерпеть поражение. Иоанн все еще склонялся к компромиссу, однако сдался перед риторикой двух человек – Уильяма Дугласа и епископа Шалона. Во французской армии Дуглас командовал отрядом из двухсот шотландцев. Точно неизвестно, кто такой был этот Дуглас: у шотландцев, к сожалению, мало фамилий, и они используют лишь несколько христианских имен. Во всяком случае, это был не тот Уильям Дуглас, лорд Лиддесдейл, что все еще томился в Тауэре. Этот Дуглас и в самом деле воевал с англичанами. Сейчас он внушал Иоанну, что Черному Принцу верить нельзя: он может согласиться на что угодно, а сам по-прежнему будет грабить французские земли, так что лучше разделаться с ним немедленно, а не ждать, когда у него будут выигранные условия. Епископ говорил о стыде и позоре, которые навлекли на короля Франции английские вылазки; к тому же, добавил он, у англичан подходят к концу припасы, они отрезаны от своей базы, да и в численности их войско многократно уступает французской армии. Иоанна он убедил, переговоры прервались, поведение Перигора только усилило подозрения англичан относительно папских миротворцев. Французы вызвали подкрепление – призвали в свои ряды еще тысячу тяжеловооруженных воинов.

Пока весь воскресный день шли переговоры, англичане готовили свою позицию. В соответствии со ставшей теперь стандартной тактикой три батальи должны были спешиться, две пройти вперед, а третья – встать позади; лучники располагались на флангах. Известно было, что авангардом должны командовать графы Уорик и Оксфорд, во главе второй батальи – стоять сам принц, а арьергард возглавлять графы Солсбери и Саффолк. Однако принц встал в тылу, что нормально для командующего операцией, авангард расположился слева, арьергард – справа. Какие установки были даны авангарду и арьергарду, неясно. Раздельное командование – плохая идея, французы из-за этого потерпели много поражений. Хронисты, разумеется, люди невоенные, возможно, они просто сообщают нам имена старших командиров каждой батальи, не подразумевая, что действовали они, подчиняясь общей команде. На самом деле общая команда хороша в войне на истощение, а во время маневра может привести к хаосу; должно быть, каждая английская батальи сражалась, исполняя команду своего командира – в данном случае Уорика и Солсбери.

Историки так и не договорились о точной дислокации армий, но наиболее вероятно, что англичане, занимавшие оборонительную позицию, расположились на низком холме, тянувшемся вдоль старинного тракта у излучины реки Муасон к западу от деревни Ле-Бор. Линия фронта составляла примерно 800 ярдов, фланги защищали крутые спуски к реке, а тылы находились под защитой самой реки. Согласно французским хронистам, армия Иоанна выступила из Пуатье и добиралась до Мопертюи (это название означает «плохая дорога»). Здесь сейчас сельский тракт, идущий на юго-восток: из Жибодри в Кадрусс через Моп и Бру-де-Шевр; тропа очень старая, так что, вполне возможно, это та самая дорога. Где-то здесь должны были находиться английские батальи, лучники стояли на правом фланге к югу от Кадрусса, а левый фланг возле Ле-Плана. Резерв должен был расположиться позади, в нескольких сотнях ярдов, а всадниками, отряд которых насчитывал двести человек, командовал капталь де Буш.

Англичане заняли отличную позицию: с одной стороны их фланги были защищены густым лесом, с другой – крутым откосом, а посередине подход преграждали болотистая местность и кустарник. В англо-гасконской армии было около двух тысяч тяжеловооруженных бойцов и три тысячи лучников, три батальи примерно равной численности. Отряды лучников, как обычно, выступали в форме квадрата, ромба или клина. Черного Принца беспокоило не само сражение: он готов был выступить против войска, состоявшего из 3000 лучников и 16 000 конных, а то, что французы займут выжидательную позицию, дождутся, пока у англичан закончится скудное продовольствие, и тогда Эдуарду придется отступить в поиске припасов. Принц, конечно же, мог атаковать французов, но

делать это против численно превосходящего войска противника там, где нельзя наилучшим образом использовать английское оружие, означало потерпеть поражение. Требовалось вызвать французов на бой, но они, похоже, не собирались наступать, потому что заметили, что у англичан выгодная оборонительная позиция. Французы усвоили урок из своего поражения при Креси и пошли бы в атаку, если бы думали, что смогут перехватить англичан на марше или в момент отступления. Принц учел это и приказал Солсбери, стоявшему на правом фланге, совершить маневр – сделать вид, что отступает.

Несмотря на многие присущие ему недостатки, Иоанн научился прислушиваться к здравым советам. Многие командиры имели дело с англичанами – если не при Креси, то в Нормандии или Бретани. Сэр Уильям Дуглас воевал с ними в Шотландии, случалось, что и во Франции. Командиры сказали королю, что послать тяжеловооруженных всадников против спешившихся англичан все равно что совершить самоубийство; единственный выход для французов – тоже спешиться. Знали они не понаслышке и о меткости английских лучников, стало быть, требовалось наслать на них конницу, только следовало прежде надеть броню на всадников и лошадей, чтобы не поразили стрелы. Вняв этому мудрому совету, Иоанн приказал пятистам рыцарям должным образом подготовить своих лошадей. Они послушались и полностью прикрыли тела животных, в том числе голову и шею. Это замедлило их движения, но в таком виде они, по крайней мере, могли добраться до ненавистных лучников. Конницу разделили на два отряда, каждым из которых командовал один из французских маршалов, а остальная армия состояла из трех баталий. Авангард возглавил дофин, сын Иоанна⁵³, вторую баталию – брат Иоанна герцог Орлеанский, а третью – сам Иоанн; впереди короля ехал всадник с орифламмой. Черный Принц держался стойко, несмотря на то что солдат во французском войске было в три или в четыре раза больше, чем у него; впрочем, численное преимущество противника до какой-то степени нивелировалось болотами, ручьями и небольшими оврагами, следовательно, одновременно на англичан могло наступать ограниченное количество солдат.

Французы полагали, что, если уж не удалось извести Черного Принца голодом, стоит послать на его лучников кавалерию, а когда она с ней расправится, в рукопашную схватку с противником вступит первая баталия, а потом, в случае необходимости, ее поддержат две другие. Кустарник и деревья затрудняли обзор, и французы не видели, что намерены сделать англичане, однако командир правого фланга маршал Арно д'Одреем, ободренный Уильямом Дугласом, уверился в том, что видит трепетание знамен графа Уорика (возможно, это был спланированный маневр Черного Принца). Не посоветовавшись ни с кем, д'Одреем приказал своим людям идти в наступление. Французы стали подниматься на холм, и поначалу град английских стрел не оказывал должного воздействия, поскольку стрелы отскакивали от брони. Для англичан это могло иметь серьезные последствия, если бы не заместитель Уорика граф Оксфорд: он спешился, побежал к лучникам, приказал им сдвинуться подальше к флангу и стрелять по не защищенным броней ногам лошадей. Все тотчас переменялось – стрелы пронзали ноги и животы лошадей. Животные не падали, но делались неуправляемыми: вставали на дыбы и сбрасывали даже самых ловких всадников, – а потом скакали назад и подминали под себя спешившихся рыцарей. Д'Одреем был взят в плен, Дуглас – тяжело ранен, однако избежал пленения (а возможно, и казни) – с поля его унесли личные слуги.

Французской коннице был нанесен страшный удар, равный катастрофе, случившейся с кавалерией маршала Жана де Клермона. Он не был обманут видом трепещущих сигнальных флажков, но когда его брат маршал помчался в сторону английского левого фланга, выбора у него не осталось, и он кинулся на правый фланг противника. Клермон был даже менее сдержан, чем д'Одреем, ибо по пути ему встретился густой кустарник с единственным

---

⁵³ Сына Иоанна Карла впервые называли дофином, впоследствии так стали называть всех наследников французского престола. Термин этот пришел из Дофине, территории, включенной в состав Франции дедом Карла, Филиппом Валуа.

проходом, через который могли проскочить одновременно четыре лошади. Преодолев град стрел, он пошел на пехоту, но не смог продвинуться, и уцелевшие французы побежали, пробираясь меж павшими лошадьми и телами солдат. Первая фаза боя завершилась в пользу англичан, но офицеры должны были увериться в том, что солдаты остались на месте, и подавили соблазн пуститься в погоню и захватить кого-нибудь в плен.

Настал черед спешиться французским тяжеловооруженным всадникам. Первая баталия под командованием восемнадцатилетнего дофина, личная храбрость которого превышала здравый смысл, помчалась по «плохой дороге». С дофином был отряд численностью примерно 5000 человек. Выступая в четыре или пять рядов, они сумели преодолеть около тысячи ярдов. Чтобы вступить в бой с английской пехотой, им требовалось вскарабкаться на холм и пробраться сквозь кустарник. Там их встретил неизбежный град стрел, сеявший смерть, так что, по словам одного хрониста, баталия была уничтожена огнем. Это, разумеется, преувеличение, однако противнику требовалось одолеть примерно восемьсот ярдов; какие же надо затратить усилия на подъем в амуниции (известно, что французы носили более тяжелые доспехи, чем англичане), а на последних трехстах ярдах выдержать шквал стрел – около 30 000 в минуту! Трудно представить, как чувствовали себя люди дофина, одолевшие все преграды, а ведь им еще предстояло вступить в рукопашную схватку. Нормальная длина копий, предназначенных для всадников, составляла четырнадцать футов, и французы укоротили их до более удобной длины – пяти футов, что позволяло сражаться с англичанами на более или менее равных условиях; увы, теперь это мало что значило. Бойцы сошлись вплотную, и значение имело только то, кто ударит сильнее. Рыцарю надо было сбить противника с ног, а на земле с ним справился бы и кинжал, если воткнуть его в щель брони или забрала. Можно было также уговорить упавшего противника сдаться в плен, пообещав освободить за выкуп. Рыцари дофина, как ни старались, не смогли пройти сквозь английскую оборонительную линию, а так как потеря становилось все больше, дофин, а скорее один из его советников, предложил отступить.

Отступление во время боя даже в наши дни является одним из наиболее трудных маневров. Когда его совершают неопытные или недисциплинированные войска, частенько все заканчивается беспорядочным бегством. Именно это и произошло. Самому дофину помогли бежать с поля его слуги – французский наследник был слишком ценной персоной, и нельзя было позволить ему попасть в плен, – а побежденная баталия дофина бросилась врассыпную, налетая на следовавшие за ней части. Командир второй баталии, брат Иоанна герцог Орлеанский, увидел, что дофина выводят с поля боя, и решил, что и ему следует уносить ноги. Это он и сделал, прихватив с собой двух племянников – герцогов Нормандского и Артуа. Солдаты второй баталии заметили, что командир их покинул, решили, что делать им здесь нечего, и тоже бросились бежать. Некоторые кричали, чтобы им подали лошадей: так улизнуть было сподручнее, некоторые убежали в лес, остальные наткнулись на третью баталию – Иоанна, которая единственная не тронулась с места.

Иоанн не побежал, и его люди тоже, к нему присоединились солдаты из первых двух баталий, те, кто не стал спасаться, а также лучники, пережившие первую атаку. Эта армия насчитывала теперь около 7000 человек, большей частью тяжеловооруженных воинов, то есть их было больше, чем мог одолеть Черный Принц. Более того, по сравнению с англо-гасконцами солдаты Иоанна были свежими. Те провели в бою более суток, и у них имелись раненые. Иоанн приказал своему резерву спешиться и начать наступление на уже поредевшее английское войско, выставившее впереди себя щит из лучников. Лучники бежали, увертываясь от стрел. «Хроника» Генриха Найтона поясняет, что побежали они в сторону от боевых действий, чтобы вытащить стрелы из трупов и раненых, дабы вновь ими воспользоваться, и только настоящие пессимисты среди них вооружались камнями и швыряли их в подступавшего противника.

Черный Принц был уверен, что, поскольку до сих пор бой складывался для него удачно, и сейчас с наступлением противника можно справиться и в итоге состоится массовое отступление. Эдуард приказал гасконцу капталю де Бушу вместе с конным резервом и

отрядом конных лучников (численностью пятьдесят или шестьдесят человек) объехать фланг и напасть на французов с тыла. Тем временем французские арбалетчики и английские лучники начали дуэль на значительном расстоянии друг от друга. Дуэль эту, несмотря на недостаток стрел, выиграли лучники. Справившись с арбалетчиками, лучники развернулись в сторону наступавшей пехоты. Два передних ряда были практически невредимыми и шли рядом друг с другом, прикрывшись щитами, образовав тем самым непробиваемую стену. Капталъ со своим отрядом начал заходить в тыл французам, а англичанам со стороны показалось, будто они пустились в бегство. Солдаты возроптали, и, опасаясь, что войско охватит паника, принц воскликнул: «Святой Георгий!»

Маневр англичан был весьма рискованным. Кустарник и другие природные препятствия, а также лучники на флангах давали англичанам некоторое преимущество, но французы превосходили их численностью. Баталия принца пошла вперед, слева двигался отряд Уорика, противоборствующие линии инфантерии сошлись друг с другом с громкими боевыми кличами. Французы кричали: «Сен Дени!» и «Святой Мартин!»⁵⁴, а англичане восклицали: «С нами бог и святой Георгий!»⁵⁵. Для Черного Принца наступил решающий момент: французы сошлись с его войском вплотную, английское метательное оружие использовать было нельзя, все решала грубая сила. Лучники подбирали сломанные копыя и мечи и помогали где могли. Французы теснили англичан: похоже, что победу при Пуатье должна была отпраздновать их страна. И вдруг все снова поменялось. Граф Солсбери повернул свою баталию вправо, его солдаты выстроились в линию и напали на левый французский фланг. В это же время лучники капталя де Буша, развернувшись к западу, появились на «плохой дороге» и принялись расстреливать французских рыцарей с тыла, к ним присоединился сам капталъ вместе со своими всадниками.

Дисциплинированная пехота может выдержать кавалерийский наскок при условии, что ее фланги защищены, но не тогда, когда атаке предшествует град стрел с неожиданной стороны и не когда ее бьют одновременно с двух сторон. Посреди атаквала баталия с Черным Принцем во главе, слева в бой вступила очень неприятная пехота Уорика, а сзади напирала лучники и конница. Войско Иоанна начало разваливаться, построение рассыпалось, знамена падали на землю, солдаты бросали строй в поисках убежища либо искали лошадей, чтобы не попасть под стрелы лучников, действовавших на флангах. В считанные минуты бой был закончен, начали добивать тех, кого в плен брать было незачем, потому что выкупа за них все равно бы не дали. Некоторые бежали в сторону Пуатье, рассчитывая там найти спасение, но оказалось, что городские ворота закрыты. Многих убили люди капталя, Иоанна II взяли в плен вместе с младшим сыном Филиппом, пленили и четырех принцев из королевской семьи (включая графа Танкарвилля, у него, кажется, вошло в привычку попадать в английский плен). В плен захватили восемь графов, около двух тысяч аристократов рангом пониже, а также архиепископа Санса и двадцать старших священнослужителей. Последние, как думали англичане, представляли собой лишнее свидетельство предубеждения против папы. Пример тому – сатирическое стихотворение современника:

Папа родился французом,
А Христос англичанином.
Мир увидит, сможет ли папа
Сделать больше, чем его Спаситель.

---

⁵⁴ Известно, что английское сленговое выражение «All my eye and Betty Martin», означающее «полная чушь», происходит от французской фразы «*Aidez moi, beate Martin*» (Помоги мне, благословенный святой Мартин!) – эти слова, по мнению простых англичан, звучали как бессмыслица.

⁵⁵ Хотя солдаты Черного Принца не походили на их современных потомков, кричали они, возможно, что-то совсем другое.

Среди самых известных людей, павших в сражении, было два герцога, один маршал, коннетабль Франции, несколько пажей из числа высшей аристократии, хранитель орифламмы и епископ Шалонский. Франция потеряла в тот день около 2500 человек убитыми, и хотя 5000 – общее число вместе с ранеными – может показаться не такой большой цифрой, именно эти люди были очень дороги стране; потери нанесли страшный удар по французской нации, страна, по сути, стала недееспособной: главные люди в администрации были либо убиты, либо находились в плену. Англичане одержали не только тактическую, но и огромную стратегическую победу, которая могла бы покончить с войной. У англичан, как ни странно, потери были невелики – не более нескольких сотен убитыми и ранеными, хотя среди последних был сэр Джеймс Одли. Его отнесли в палатку, сняли доспехи и уложили на постель. Пока баталия Эдуарда стояла в тылу, Одли попросил у принца разрешения присоединиться к битве и ринулся в самую гущу сражения. Такое поведение было безответственным, но пришлось по душе Черному Принцу (да и прочим аристократам). После сражения Одли пожаловали пенсион триста фунтов стерлингов, что составляло оклад рыцаря примерно за шестнадцать лет службы.

Взятие в плен Иоанна было, конечно, огромным достижением, много спорили о том, кто именно его пленил, поскольку такого человека должны были хорошо наградить. Похоже, Иоанн, поняв, что игра окончена, оглядывался по сторонам, отыскивая глазами Черного Принца, поскольку именно ему король и должен был сдаться. Эдуарда поблизости не было, и Иоанн, кажется, сдался французскому рыцарю-предателю. Граф Уорик покончил с недостойными спорами о том, кто именно взял в плен короля: позвал за собой пленника и отвел его к принцу.

Хронисты обычно умалчивают о судьбе тех, кто был ранен при Пуатье. Мы не знаем, сколько из них умерло через несколько дней или недель от потери крови, заражения или неумелой хирургии, но, должно быть, это было внушительное число. Военные хирурги того времени не были неквалифицированными врачами, но они страдали от нехватки лечебных средств в период послеоперационных осложнений, да и обстановку, в которой приходилось оперировать, трудно назвать стерильной. В то время существовали многочисленные медицинские справочники, описывавшие различные способы обработки ран, чаще всего пользовались манускриптом Роджера Фригарда из Салерно «Хирургическая практика»; документ этот впервые появился в 1180 году. В Англии к этому манускрипту относились с уважением и пользовались им даже в начале пятнадцатого века.

Бытовало множество теорий относительно лучшего способа обращения с ранами, причиненными выстрелом из лука или арбалета. Такие раны получили самое широкое распространение, поскольку войне не видно было конца. Если наконечник стрелы застревал в теле, некоторые советовали протолкнуть его насквозь, другие в целях более легкого извлечения наконечника рекомендовали прикладывать к ране припарки; находились и люди, предлагавшие вообще ничего не делать и ждать, пока рана не наполнится гноем: в этом случае, утверждали они, плоть размягчится и наконечник можно будет вынуть спокойно. Гораздо труднее было вытащить наконечник, застрявший в кости, как было у молодого принца Генри (будущего Генриха V) в сражении при Шрусбери. Во всех случаях после извлечения наконечника рану смазывали размягченным салом или кипящим маслом либо прижигали раскаленным железом. Средневековые хирурги знали об опасности повреждения нервной системы и местного паралича, вызываемого их манипуляциями, а потому приветствовали массаж пораженной зоны. Анестезии в те времена еще не знали, и лечение раненых было воистину агонизирующим процессом.

В ту ночь англо-гасконская армия разбила лагерь в лесу Ла-Нуай, к востоку от поля битвы. Подошел обоз, для принца и его свиты поставили шатры. Эдуард пригласил на ужин Иоанна с сыном и знатных французских пленников. Продукты позаимствовали из французских запасов, поскольку у англичан вообще не было провизии. Джентльмены могут сражаться друг с другом, но ненавидеть не имеют права, Черный Принц заверил короля, что его отец, Эдуард III, отнесется к нему с глубоким почтением (хотя по-прежнему будет

считать его узурпатором). На следующий день англичане приступили к подсчету мертвых французов, многие из которых уже были ограблены местными жителями. Тела примерно 150 аристократов были увезены священниками Пуатье и похоронены в доминиканской церкви или на францисканском кладбище, остальные остались лежать, пока их наконец-то не погрузили на телеги и не сбросили во рвы возле церкви.

Настало время Эдуарду и его армии идти назад, в безопасную Аквитанию, и хотя принц нанес французам оглушительное поражение, он не мог быть уверен, что теперь ему уже не грозит опасность. В Пуатье стоял большой гарнизон, город был слишком хорошо укреплен, чтобы сдать так быстро; к тому же дофин был на свободе и мог бросить клич своим соотечественникам. Опять же баталия герцога Орлеанского хотя и бежала с поля, но потерь не понесла и, возможно, находилась где-то поблизости. Если у французов появится достойный лидер, они смогут заблокировать дорогу в Бордо и омрачить победу. Нужно было действовать быстро, однако движение в любом случае сдерживал обоз, обремененный дорогим оружием и платьем, добытыми после сражения. Вдобавок огромная толпа пленных, большая часть которых будет передвигаться пешком, поэтому шансы добраться до Бордо без задержки были незначительны. Решили воспользоваться захваченными лошадьми для перевозки багажа и оставить при себе лишь самых важных пленников, которых прежде заставили поклясться, что они заплатят выкуп до Рождества.

Армия Черного Принца немедленно двинулась в Бордо: надо было одолеть расстояние в 125 миль, но это если рассчитывать по прямой, без учета препятствий. В день англичане проходили около четырнадцати миль и прибыли в Бордо 2 октября 1356 года. В Англию отправили посыльных с хорошими вестями для короля и народа и наказали объявить о победе со всех аналогов и с возвышением всех рыночных площадей. Вместе с этим известием в Англию полетела хорошая новость из Бретани, где герцог Ланкастер помогал Жану де Монфору захватывать города, лояльные Карлу Блуаскому. Карла освободили из тюрьмы за огромный выкуп – около 60 000 фунтов, – так что вооружиться ему теперь было не под силу, и он лишь наблюдал, как Бретань постепенно переходит в руки англичан. Карл бежал к дофину в Париж.

Принц Эдуард решил перезимовать в Бордо и дожидаться весенней погоды, которая позволила бы армии благополучно вернуться в Англию. Некоторые французские аристократы, пообещавшие за свое освобождение выкуп, разорились; впрочем, даже и в этом случае денег в английской казне прибавилось, ведь шевоше принесло немалый доход и многократно окупило затраты на кампанию. За архиепископа Санского был уплачен выкуп – восемь тысяч фунтов стерлингов, король Эдуард выкупил партию нобилей за 66 000 фунтов, но издержки возместил с лихвой. Лондон ликовал, а в Париже смятение быстро сменилось гневом: еще бы! – французская армия потерпела поражение, король взят в плен, брат короля и сыновья сбежали. Рыцари, которым удалось спастись, не осмеливались и носа показать в Париже, многие не могли вернуться в свои поместья из страха: боялись, что их обвинят, а то и подвергнут физическому насилию.

Переговоры в Бордо начались, прежде чем Иоанн и его свита переехали в Англию. Иоанн соглашался почти на все, лишь бы его освободили, в то время как Генеральные штаты, состоявшие из аристократов, священнослужителей и буржуазии, номинально возглавлявшиеся дофином и пытавшиеся управлять королевством, распадавшимся на глазах, не рассматривали возвращение короля как свою первоочередную задачу. Они хотели найти способ покончить с войной, в числе вариантов Штаты рассматривали формирование армии, достаточно большой для изгнания англичан, предлагали и договориться с ними. Король Эдуард тоже не торопился освободить Иоанна, он рассматривал короля как полезное средство достижения постоянного соглашения. Эдуард посылал в Бордо секретные указания принцу Уэльскому: переговоры начать, но не соглашаться ни на что, кроме временного и короткого перемирия, которое в любом случае исключало бы Нормандию и Бретань.

Между тем в Париже дофин не прислушивался к советам Генеральных штатов, а пробовал найти деньги с помощью девальвации. Такая мера вызвала массовое недовольство,

к тому же на имперском съезде в Метце помощи от профранцузски настроенного императора Священной Римской империи дофин не дождался, а потому у его окружения не осталось другого выхода, как обратиться к Штатам и согласиться на их требование радикальной реформы администрации. В числе заявленных мер было увольнение и заключение в тюрьму многих советников дофина и его отца, а также отказ от новых девальвированных монет. Дофин должен был управлять страной только после согласования того или иного решения со Штатами. Дофина обязывали объявить новые налоги в целях продолжения войны. О том, чтобы выкупить короля, и речи не шло. Дофин согласился на все требования: что ему оставалось, какую альтернативу он мог предложить, не имея в казне ни одного су?! Когда эта новость дошла до Бордо, Иоанн решил взять дело в свои руки – написал и отправил в Париж письма с требованием читать их на всех перекрестках. В посланиях он клеймил новую администрацию и порицал сбор налогов. В результате это привело к еще большему хаосу и возражениям со стороны дофина. Вступив в переговоры с принцем Уэльским, Иоанн ничего не добился за исключением двухлетнего перемирия до Пасхи 1359 года.

Весной из Англии прибыли корабли и забрали армию домой. 24 мая 1357 года под радостные возгласы населения Черный Принц и его армия триумфально вошли в Лондон. Иоанн ехал на красивом сером боевом коне, а Черный Принц – на скромном пони. Сделано это было, разумеется, намеренно: надо было показать, что французы, со всей их напыщенностью и пижонством, ничего не смогли противопоставить силе английского оружия. Иоанна поместили во дворце Савой, построенном Генрихом Ланкастером на деньги, полученные за выкуп французских пленников. Там и началось роскошное тюремное заключение французского короля, а между тем велись переговоры относительно выкупа. Эдуарду III пришлось по душе высокородный пленник, он брал его с собой на охоту и прогуливался с ним и с другим пленным – королем Шотландии Давидом II, который к тому времени отбывал одиннадцатый год в Тауэре.

В июне 1357 года французская депутация прибыла в Вестминстер на переговоры: необходимо было решить, на каких условиях покончить с войной. Во главе делегации стояли кардинал Перигор, к которому англичане отнеслись с большим подозрением, и кардинал Капоччи, итальянец по происхождению. Итальянца сочли относительно беспристрастным. Вместе с кардиналами прибыло множество юристов, чиновников, советников и прихлебателей, все с личными слугами. Их требовалось разместить и кормить. Параллельно с переговорами шла дискуссия с шотландцами, которые наконец-то поняли безнадежность недружественных выпадов против Англии, тем более что их защитники-французы сами оказались в незавидном положении. На собрании в Эдинбурге они согласились заплатить выкуп – 67 000 фунтов, огромная сумма для нищей страны с маленьким населением и отсутствием сырья. Договорились, что выкуп будут выплачивать десять лет; на протяжении этого времени шотландцы обещали не поднимать оружия против Англии, а в доказательство своего хорошего поведения предоставили заложников. В октябре Давида привезли в Берик, где он присутствовал при подписании соглашения, после чего короля освободили. В своей стране Давид теперь пользовался малым доверием, а потому не мог вмешиваться в межфракционные споры. После долгих дискуссий и споров был заключен проект договора между Англией и Францией, утвердили его в декабре 1357 года. Согласно этому документу, почти треть французской территории, включая Кале и его предместья, отходила в полное распоряжение Эдуарда III. Выкуп за французского короля составлял шестьсот пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, сто тысяч из которых следовало заплатить незамедлительно, после чего Иоанна могли выпустить под честное слово при условии, что за него дадут заложников. Эдуард, в свою очередь, отказывался от притязаний на французскую корону.

В феврале 1358 года английский парламент собрался в Вестминстере для обсуждения договора. Члены парламента не торопились принять решение. От вторжения Англия себя обезопасила, однако очень многим хотелось продолжить войну: это были профессиональные солдаты, чиновники, надеявшиеся управлять завоеванными землями, собственники кораблей, нанятые правительством для перевозки солдат; в войне были заинтересованы

также производители оружия и доспехов, мастера, изготавливавшие луки и стрелы, и крестьяне, растившие гусей. Необходимо было посоветоваться с папой. Все знали, что понтифик хочет мира между Англией и Францией. Папа облагал английское духовенство налогами, а это означало, что английские деньги идут в Авиньон, во Францию; первосвященник назначал на английские церковные посты, а большинство англичан считали, что такие назначения – их дело, а не заморского иностранца⁵⁶. (Подобные разногласия менее чем через два века приведут к окончательному разрыву с римской церковью.) Посольство в Авиньон означало, что туда должны поехать по меньшей мере один епископ, юристы, чиновники и эскорт, и, стало быть, это займет долгое время, а армиям будут по-прежнему платить, и производители оружия без работы не останутся. Король Эдуард подвел черту: хотя он и согласился послать эмиссаров в Авиньон, делегация должна состоять из двух рыцарей и одного или двух чиновников – так они быстрее решат дело. Между тем Иоанн, знавший условия договора и понимавший, что не встретит во Франции всеобщего одобрения, откомандировал группу своих советников, чтобы они в подробностях объяснили суть дела правительству и народу.

Трудность для Иоанна состояла в том, что Франция находилась в состоянии гражданской войны. Генеральные штаты, пытаясь управлять страной без короля, облагали население повышенными налогами, однако после гибели и пленения стольких вельмож порядок и дисциплина в стране разладились, нарастало беззаконие. Демобилизованные солдаты и дезертиры, главным образом англичане и гасконцы, хотя и французы тоже, собирались в «вольные роты» и работали на того, кто согласен был им платить. Если таковых не находилось, они просто занимали подходящий замок или захватывали укрепленный город, объявляли себя баронами и взымали дань с каждого. Король Наваррский, посаженный в тюрьму Иоанном за то, что злоумышлял против него, сбежал из тюрьмы и, объявившись в Париже, «убеждал» дофина его простить. Парижское третье сословие – буржуазия – обрела все большее влияние, в то время как аристократы, побежденные и униженные при Пуатье, теряли авторитет. Буржуазный лидер Этьен Марсель, богатый торговец сукном, задумал сделать королем Франции Карла Наваррского (он был, в конце концов, из династии Капетингов). Наваррский и не возражал бы притязать на корону, когда для этого настанет время, но был слишком умен, чтобы брать ее по воле толпы, а потому поспешно покинул Париж. В марте 1358 года дофин последовал за ним, поскольку чувствовал (и не без основания): управление страной настолько разладилось, что даже его жизнь находится в опасности. Впечатление это подтвердилось, когда люди Этьена Марселя вломилась во дворец и убили двух высокородных чиновников, проживавших там вместе с дофином. Парижане захватили столицу, они выступали против любого договора с Англией.

Между тем дворяне, владевшие поместьями, вынуждены были собирать деньги на собственный выкуп, кто-то изыскивал средства на вызволение из плена родственников, а государство требовало с них и деньги за Иоанна. Поэтому дворяне еще сильнее давили на крестьян, уже и так замученных налогами. В конце концов терпение народа лопнуло. Началось все в Бовези (ныне департамент Уаза) – крестьяне подняли бунт и напали на своих хозяев, вооружившись чем попало. Похоже, все произошло спонтанно, но восстание это превзошло свирепостью французскую революцию, случившуюся четырьмя столетиями позднее. В отличие от революции у этого восстания на первых порах не было лидера. Гнев жакерии⁵⁷ был направлен главным образом на дворян, духовенство и владельцев имений. Убийства и поджоги распространялись все дальше, крестьянское движение перекинулось в Шампань и Пикардию, рассказы о творимых там бесчинствах становились все более зловещими. В сельской Франции и раньше регулярно вспыхивали волнения, иногда и с жертвами, однако через несколько дней они обыкновенно сходили на нет, не причинив

---

⁵⁶ В это время легитимность авиньонского папы признавали все христианские страны.

⁵⁷ Имя Жак было самым распространенным у французских крестьян.

большого ущерба. В этот раз крестьяне, похоже, и сами были так ошарашены тем, что наделали, что продолжили в том же духе. Более того, стали даже привлекать на помощь некоторых горожан и мелких дворян, а те, надо думать, посчитали, что в этом случае могут сохранить свою жизнь и собственность. Этьен Марсель попробовал действовать сообща с восставшими, но это не принесло ему ничего хорошего. Когда депутация от жакерии попыталась заручиться поддержкой Карла Наваррского, король напустил на них своих солдат, и многих перебили.

Эдуард III никоим образом не поддерживал жакерию: разве мог он одобрять крестьян, убивавших своих господ, даже если господа эти были французами? Тем не менее восстание было ему на руку, а потому Эдуард предлагал французскому правительству поскорее найти способ окончания войны, чтобы они занялись у себя наведением порядка. Положение во Франции было ужасное – «вольные роты», жакерия, король Наваррский, дофин и вооружившиеся и готовые на все парижане. С каждым днем становилось все очевиднее, что жакерия представляет собой угрозу установленному порядку, и когда Карл Наваррский и дворяне, чьи замки еще не были захвачены, принялись самоорганизовываться, крестьянское войско не смогло им противостоять. Хотя разрушения были огромными – только между Суассоном и Парижем было уничтожено восемьдесят замков и имений, – к середине июня восстание подавили, и началось воздаяние. Мстительные дворяне изобретали все новые способы расправы с зачинщиками. Восстание угрожало жизни каждого (за исключением, конечно же, забитого крестьянства), его рассматривали как измену короне, то есть дофину. Парижане начали отворачиваться от своего бывшего лидера Этьена Марселя, поскольку тот вместе с Карлом Наваррским злоумыслил против дофина и впустил в город армию Наварры, состоявшую главным образом из английских наемников. Толпа поднялась и 31 июля с именем дофина на устах убила Этьена и его главных помощников. Второго августа дофин въехал в Париж, а Карл Наваррский вывел свою армию из лагеря в Сен-Дени, ограбил аббатство и направился в Мант – обдумывать следующие шаги.

Несмотря на ходатайство советников Иоанна, условия договора, одобренные на заседании в Вестминстере, не были приняты дофином. После ухода Карла Наваррского и подавления парижского восстания доверие к правительству и дофину было восстановлено. Король Эдуард принял отказ дофина и решил, что еще одна военная кампания приведет французов в чувство. Англичане соответственно выдвинули дополнительные требования, включив в перечень и притязание на французскую корону. Десятитысячная армия (согласно Джону Чендосу, но скорее всего в ней было шесть тысяч человек), состоявшая поровну из конников и лучников, высадилась в Кале 28 октября 1358 года. Армия прошла через Артуа и Шампань до Реймса, как и всегда грабя и уничтожая все на своем пути. Одним из конников был поэт Джеффри Чосер, написавший впоследствии: «There is ful many a man that crieth «Werre! Werre!» that ful litel what werre amounteth»⁵⁸. С декабря 1358 года по январь 1359 года армия оставалась в Реймсе в ужасных погодных условиях. Так и не сумев взять этот хорошо защищенный город, войско двинулось на Париж. В соответствии со вновь установившейся стандартной военной тактикой король Эдуард попытался уговорить дофина выйти из города и атаковать его. Он даже послал к городским стенам сэра Уолтера Мэнни, чтобы тот прокричал оскорбления трусливым французам, из которых кое-кто начал понимать неразумность нападения на английскую армию, когда она сама того хочет, а потому французы благоразумно отказались от предложения. Единственное, что хоть чуть-чуть утешило французов, – это нападение на Уинчелси в марте 1360 года: тогда несколько французских кораблей пробрались к побережью и высадили солдат, которые сожгли город, переночевали там и снова ушли. Англичане поплатились за свое самодовольство: двадцать лет такого нападения на страну еще не было, и они не испытывали того ужаса, какой многие годы сами наводили на французов.

---

⁵⁸ У нас так много людей, которые требуют войны, не зная, к чему эта война приводит (англ.).

Король Эдуард двинулся к Шартру, оставляя позади себя пустыню. Англичане думали, что могут делать во Франции что угодно – сеять смерть и разрушения, обходя при этом укрепленные города. Такое поведение привело в чувство дофина и его советников. В Бретињи, поблизости от Шартра, начались переговоры, и через неделю соглашение было подписано. Условия были почти такими же, как и в декабрьском документе 1357 года, за исключением выкупа за Иоанна: сумма была снижена до 600 000 фунтов. В октябре 1360 года в Кале было подписано соглашение, дофин поставил подпись за своего отца, и – поскольку король Эдуард вернулся в Англию – за него расписался Черный Принц. Король Эдуард получал в полное распоряжение Аквитанию, Понтье и Кале и отказывался от притязаний на французский престол. Две трети выкупа за Иоанна были уплачены благодаря повышенным налогам на соль, вино, ткани, большую часть движимого имущества, а также благодаря помолвке одиннадцатилетней дочери Иоанна с сыном герцога Миланского. Королю было позволено вернуться во Францию, оставив в заложниках трех младших сыновей. Когда герцог Анжуйский Жан нарушил слово, уехал во Францию и отказался возвращаться, Иоанн вынужденно вернулся в Англию, где скончался во дворце Савой в апреле 1364 года. Королю было всего сорок пять лет. Черный Принц, сделавшийся герцогом Аквитании, стал правителем английской Франции. Казалось, все разрешилось к всеобщему удовлетворению.

Глава седьмая Возрождение Франции

Договор в Бретињи стал кульминацией двадцатичетырехлетней кампании Эдуарда III во Франции. Этот документ подвел итог первой фазе Столетней войны. О своих притязаниях на французский престол король заявил, когда ему было двадцать четыре года, а теперь ему исполнилось сорок семь. Битва при Пуатье завершилась великой победой, она сообщила миру (если мир нуждался в таком сообщении), что в области военного дела англичане уже не отсталые любители, а настоящие специалисты и практики. Профессиональные пехотинцы и лучники слились в непобедимое единство; мобильность английских войск означала, что французы не смогут ни загнать англичан в ловушку, ни одолеть на местности, если ее ландшафт дает им преимущество. Не сумели французы и взять англичан измором, хотя иногда это им почти удавалось. В 1356 году Черный Принц, разумеется, не смог бы взять Реймс или Париж, но он принял этот факт, а не увяз в длительной осаде, поскольку в этом случае ему пришлось бы долгое время оставаться на месте и французы сумели бы организовать оборону. Французы не смогли победить англичан на поле боя, и им ничего не оставалось, кроме как выпросить для себя хоть какие-то привилегии. Экономика страны была развалена, правительство опустило руки, поля не обрабатывались, население любой ценой просило мира, а Иоанн соглашался на что угодно, лишь бы получить свободу. У англичан в руках были все козыри, и, хотя они отказались от притязания на французский трон, официально зарегистрированная за ними треть французского королевства была лучше, чем туманная возможность захватить королевство целиком. На тот момент никто – ни французы, ни англичане – и предположить не мог, что за какие-то пятнадцать лет почти все английские завоевания окажутся потерянными.

Договор в Бретињи войну не прекратил, и она продолжилась. В Бретани борьбу между фракциями Блуа и Монфора остановила смерть Карла Блуаского в битве при Оре в сентябре 1364 года. Английской армией тогда командовал сэра Джон Чендос вместе с заместителем сэром Хью Калвли. Один человек, похоже, взял себе в привычку попадать в английский плен и освобождаться за выкуп. Заплатил за него на этот раз французский король. Это был Бертран Дюгеклен, бретонец, рожденный в обедневшей дворянской семье. Дюгеклен был исключением из правил французской социальной неподвижности. Дофин обратил на него внимание во время бретонских войн, и хотя у Дюгеклена не было больших полководческих способностей, он сделался великим французским героем в стране, остро нуждавшейся в героях. Дюгеклен стал коннетаблем Франции и был постоянной занозой в боку англичан. У Англии таким героем был Калвли, сделавший себе имя как солдат. Этот уроженец Чешира поначалу воевал в Бретани под командованием сэра Томаса Дагворта, затем поучаствовал в партизанской войне, дважды был взят в плен и дважды выпущен за выкуп – это произошло в 1351 году в бою Тридцати, а потом при осаде замка Бешерель (Калвли был капитаном гарнизона). В Пуатье Калвли был капитаном лучников, впоследствии командовал объединенным отрядом лучников и конников. После договора в Бретињи этот отряд превратился в «вольную роту». До возвращения в Бретань Калвли и его отряд служили наемниками в армии короля Кастилии – союзника Эдуарда III. В какой-то момент Калвли произвели в рыцари, своим успехом в битве при Оре он заслужил большой ежегодный пенсioen и благодарность герцога Бретани Жана де Монфора.

В 1361 году Черный Принц, теперь уже тридцатилетний, женился на подруге детства Джоан, графине Кентской, вдове сэра Томаса Холланда. Чендос характеризовал ее как даму в высшей степени достойную, несмотря на то что к этому времени она полностью разорилась. Во многих отношениях это был удивительный союз. Со времен норманнского завоевания ни один принц не брал себе в жены английскую невесту. Династические браки с членами иностранных королевских семейств были главными дипломатическими инструментами в руках английских королей. Джоан была ровесницей принца и имела четверых детей – двоих сыновей и двух дочерей (пятый ее ребенок, дочь, умер в младенчестве). Тем не менее это

был брак по любви, и, как ни странно, король Эдуард его одобрил и выхлопотал разрешение у папы, поскольку молодые были кузенами.

В том же году вернулась чума. Как и в первый раз, последствия ее в Англии были не такими разрушительными, как во Франции, тем не менее эпидемия замедлила и без того сложный бюрократический процесс передачи Англии французских земель. Болезнь ударила по аристократии не так крепко, как по простым людям. Возможно, причиной тому было качество еды и более комфортные условия проживания. На этот раз болезнь выбрала новые жертвы. В целом уровень смертности был ниже, чем в прошлый раз: в Бишопс-Уолтеме скончалось пятьдесят три человека по сравнению с двумястами шестьдесятю четырем в 1348–1349 годах, впрочем, в 1361 году и населения в этом городе было меньше. В Йоркшире умерло «только» 14% священников по сравнению с прежними 22%, однако новая эпидемия унесла с собой 24% лордов парламента. Кто-то предположил, что классовое неравенство среди умерших свидетельствует о том, что в 1361 году болезнь имела другую природу, хотя летописцы, все как один, утверждают, что симптомы 1361 года аналогичны тем, что наблюдались в прошлый раз. Возможно, простолюдины выработали иммунитет, перешедший и на детей, а хозяевам, не соприкасавшимся с зараженными при первом явлении болезни, чума отказала в иммунитете.

В июле 1362 года Черный Принц стал правителем Аквитании, за это он выплачивал королю ежегодную унцию золота. Принц Эдуард, Джоан и четверо ее детей от Холланда переехали в Бордо. Пока английских чиновников и начальников гарнизонов назначали на более высокие посты, местная администрация почти не вмешивалась. Надежались, и не без основания, на то, что герцогство может быть независимым, поскольку рассчитывали на долгий мир и верили в то, что винная торговля принесет еще больше доходов. О намерениях дофина администрация не задумывалась.

Причина смерти Иоанна II, скончавшегося в Лондоне в 1364 году, неизвестна. Возможно, его догнала последняя вспышка чумы, хотя кончине короля в чем-то могли поспособствовать изобильная еда и неумеренное потребление алкоголя. Иоанну было всего сорок с лишним лет, его правление ни в коем случае нельзя было назвать успешным. На престол дофин взшел как Карл V. Французские хронисты называют его Карлом Мудрым: еще бы – библиотека короля в Лувре насчитывала более тысячи томов. Карл был болезненным, внешне неприметным и совсем негодным к военной службе, но глупцом его уж точно назвать было нельзя. Он не собирался принимать новый статус англичан во Франции, мозг короля работал как у юриста: Карл не хотел становиться открытым оппозиционером и скорее готов был уничтожить английскую собственность и расшатать правительство Англии, но не выступать против англичан с оружием в руках, поскольку понимал, что победить их не может. Пока не может. Для англичан он представлял куда большую угрозу, чем любой предшественник из династии Валуа. Проблем у Карла поубавилось, когда назначенный англичанами герцог Жан Бретонский заявил, что его герцогство – фьеф французского короля; он закрепил свое признание юридически и выплачивал Карлу дань. В Бретани установилась относительная стабильность. А вот у Карла Наваррского (к тому моменту он получил прозвище Злой) дела обстояли неважно: средств в казне не доставало, да и рутьеры (вольные) не давали спокойно жить.

Карл Наваррский и сам представлял собой постоянную угрозу, поскольку владел землями неподалеку от Парижа и, следовательно, мог блокировать дороги в город и из города. Он враждовал с королем, когда тот был дофином, и вступал с ним в альянсы, когда ему это было выгодно, то есть вел политику выжидания. Наваррский пришел в бешенство, когда Карл V подарил Бургундию своему сыну Филиппу и заявил, что именно он, а не кто-нибудь из Валуа обладает законным правом на это герцогство. Наваррский собрал большую армию, состоявшую из «вольных рот», перебежчиков-французов и гасконцев с капиталом де Бушем во главе. Армия двинулась на Париж, однако королевское войско их остановило и вынудило вернуться в Нормандию. Выхода у Наваррского не было – в 1365 году он заключил мир, а для этого пришлось отдать все земли вокруг Парижа.

«Вольные роты» были куда большей проблемой. Они никому не подчинялись, были хорошо организованы и экипированы, у них были отличные командиры. Они охотились на французском побережье. Французы считали их всех «англичанами – бичом божьим», хотя на самом деле отряды состояли из испанцев и германцев, встречались также бретонцы, нормандцы, иногда англичане, но большинство составляли гасконцы. Тем не менее командовали ими демобилизованные офицеры, воевавшие в английской армии, такие как сэр Хью Калвли, сэр Роберт Ноллис (некогда чеширский йомен, начинавший военную карьеру лучником под командованием Калвли) и сэр Джон Хоквуд, сын лондонского кожевника, превосходный лучник. У вольных отрядов были строгие правила относительно дележа добычи, четкая субординация и форма. Они привыкли к солдатской жизни, занимались разбоем всласть и не видели причины прекращать свое занятие только из-за того, что Англия и Франция заключили между собой мир.

Эдуарда III не беспокоило существование этих рот, благо они не действовали от его имени: пусть себе занимаются во Франции своим несимпатичным промыслом. Все лучше, чем в Англии. Хотя каждый наемный отряд номинально был независим, время от времени они сливались в большие компании, насчитывавшие иногда до нескольких тысяч человек, что позволяло им совершать не только крупный разбой, но и осуществлять более амбициозные операции. Однажды отряд под командованием сэра Роберта Ноллиса вступил в Авиньон и угрожал самому папе, а другой тем временем устроил шевоше возле Лиона. Карл V не в состоянии был подавить их силой, а потому местные власти все чаще стали эти отряды просто нанимать. Но потом у Карла V появился шанс избавить Францию от наемников.

В 1360-х годах Иберийский полуостров был разделен на несколько королевств: Португалию с более или менее сохранившимися до настоящего времени границами, Кастилию и Леон, занимавших центральную и северную части современной Испании, и Арагон к югу от Пиренеев и к востоку от Средиземного моря. Наварра, втиснувшаяся между Кастилией и Арагоном и последним арабским королевством Гранада на юге, граничила с Аквитанией на севере. Король Кастилии Педро Жестокий находился в разногласиях со своим сводным братом Энрике Трастамарой. Энрике притязал на престол, спор братьев перешел в гражданскую войну. Энрике обратился за помощью к Карлу V, и тот увидел шанс нанести удар по настроенному проанглийски Педро и заодно избавиться от назойливых «вольных рот». Карл приказал Бертрану Дюгеклену сформировать самый большой отряд и отправиться вместе с ним в Испанию, на войну с Педро. Бертран собрал около десяти тысяч человек – в это войско входили англичане, гасконцы, наваррцы, французские конники и арбалетчики. Все они явились в Кастилию, где Дюгеклен нашел сторонников Энрике. Им удалось лишить Педро трона и короновать Энрике. До этого момента Черный Принц не слишком беспокоился: к Педро никто не испытывал симпатии, потому принц и не мешал этой операции, к тому же к Дюгеклену присоединились его собственные гасконцы. Эдуард III отнесся к данному событию по-другому. Каким бы неприятным ни был Педро, Англия вряд ли была заинтересована в том, чтобы французское государство контролировало север Испании: кастильские галеры угрожали английскому побережью, и вновь могли повториться нападения на торговцев вином из Бордо. Когда Педро в 1362 году инициировал альянс с Англией, король Эдуард приказал сыну восстановить Педро на троне. Черный Принц начал собирать армию, в которую должна была входить его собственная свита, состоявшая из профессиональных английских солдат, гасконцев, которым до тех пор платили Дюгеклен и Энрике, и контингент из Англии, главным образом лучники, которыми командовал младший брат Черного Принца, двадцатисемилетний Джон Гонт, с 1362 года герцог Ланкастер⁵⁹.

---

⁵⁹ Джон Гонт женился на Бланш, дочери Генри Гроссмонта, кузена Эдуарда III, первого герцога Ланкастерского. Титул герцога он получил в Англии вторым после Черного Принца (тот был герцогом Корнуолла, с тех пор этот титул носили все принцы Уэльские). В 1361 г. Генрих умер – возможно, от чумы, вернувшейся в Англию после договора в Бретиньи. Сына у Гроссмонта не было, и в 1362 г. Эдуард III сделал Джона Гонта герцогом Ланкастерским.

Чтобы поддержать Педро, английская армия, стоявшая в Аквитании, должна была перейти через Пиренеи, а для этого ей требовалось привлечь на свою сторону Карла Наваррского, контролировавшего горные перевалы. Цель была достигнута: Педро пообещал Карлу Кастилию, дававшую Наварре выход к морю, и субсидию – 20 000 фунтов. Денег у Педро не было, и ценностей никаких, разве только камни из короны, которую он прихватил с собой, когда бежал из Кастилии в Байонну за помощью к Черному Принцу. Принц ссудил ему деньги из казны Аквитании. Энрике не видел необходимости в содержании большой и дорогой армии, которая возвела его на трон, и распрощался с «вольными ротами», оставив себе только бретонцев Дюгеклена и отряд из четырехсот английских лучников с сэром Хью Калвли во главе. Кто-то из наемников вместе с выходным пособием вернулся в Аквитанию и тотчас поступил на службу к Черному Принцу. Энрике на радостях хорошо им заплатил, и наемники были довольны. Другие отправились на восток, в Арагон, – охранять границы от вторжений кастильцев.

Когда французские шпионы донесли Энрике, что Черный Принц ведет против него армию, он понял, что Калвли с его лучниками не станет сражаться против принца. Но если он помешает англичанам вступить в Испанию, то будет спасен, а потому перед Рождеством 1366 года он обратился к Карлу Наваррскому. Энрике пообещал дать все то, что дал бы ему Педро, плюс город и 11 000 фунтов наличными. Удовлетворившись тем, что вторжения не произойдет, Энрике расплатился с Калвли (что было разумно), заплатил и бретонцам Дюгеклена, что уже не было разумно. Как только Черный Принц прослышал, что король Наваррский у Энрике в кармане, то тут же послал гонцов к сэру Хью Калвли, который на тот момент находился в северной Кастилии на обратном пути в Аквитанию. Принц приказал ему вторгнуться в Наварру с юга. Карл Наваррский так встревожился, что лично поспешил к Черному Принцу – объяснить, что это лишь недоразумение: он, конечно же, поддержит Педро и пришлет к нему отряд из четырехсот латников⁶⁰. Энрике понял, что горные перевалы дорогу англичанам не закроют, вызвал Дюгеклена и обратился ко всем наемным отрядам, с кем только смог связаться.

В середине февраля 1367 года армия принца численностью около восьми тысяч человек вышла из Сен-Жан-де-Порт-Пье и направилась к перевалу Ронсесвайес. Этот перевал может быть опасен даже летом, а уж в середине зимы, покрытый толстым слоем снега, при температуре ниже нуля, к тому же ни травинки для лошадей, ни зернышка людям... Что ж, логистика в те времена была на высоте, коли армия одолела перевал и в полном порядке добралась до равнины к северу от Памплоны. Мы не знаем имен интендантов, определивших, сколько потребуется фуража и провизии, но с такими опытными людьми, как сэр Джон Чендос, сэр Роберт Ноллис и сэр Уильям Фелтон⁶¹, армия была приучена и к плохой погоде, и к походам в пересеченной местности. Черный Принц планировал из Памплоны пойти в Бургос. Столица Кастилии стояла на пересечении дорог, идущих в северном и южном направлениях. Энрике сумел заблокировать речные переправы, но к марту англичане добрались до Витории.

Черный Принц надеялся на решающее сражение при Витории. Армия выстроилась в боевой порядок, и противнику был сделан вызов, но если Энрике не сражался против англичан во Франции⁶², то Дюгеклен и его офицеры-французы сражались, и их совет был поддержан французским королем: Карл V написал Энрике письмо с просьбой ни в коем случае не принимать участия в сражении, в котором англичане наверняка одержат победу,

---

⁶⁰ Продав себя таким образом обеим сторонам, Карл Наваррский устроил фальшивое похищение, чтобы самому не принимать участия в кампании. Обе стороны приняли случившееся не за то, чем все являлось на самом деле, и в результате Карл сделался посмешищем для Европы.

⁶¹ Фелтон был сыном солдата и служил в передовом отряде под командой Джона Гонта. Вероятно, он прислуживал герцогу Ланкастеру в первой его серьезной военной кампании.

⁶² Некоторые источники утверждают, что сражался.

Карл предлагал подождать, пока у противников закончатся еда и фураж, тогда они вынуждены будут отступить, а кастильцы на этот период пусть ограничатся вылазками. Они так и поступили, и во время одной из таких вылазок погиб сэр Уильям Фелтон. Он командовал отрядом фуражиров, состоявшим из трехсот всадников и лучников, и к западу от Витории на них неожиданно напала большая французская группировка. Маленький отряд на холме возле деревни Ариньес отражал все атаки противника, пока Фелтон не был убит и фуражирам не пришлось сдаться. Несколько столетий это место называли *Inglesamendi* – холм англичан⁶³.

Совет Карла не форсировать события был разумен. И в самом деле, в середине марта Черному Принцу пришлось пойти сначала на юго-восток, а потом на юго-запад, чтобы с востока приблизиться к Бургосу. Первого апреля 1367 года принц подошел к Логроньо. Политические соображения заставили Энрике действовать. Население городов и крепостей, встречавшихся на пути английской армии, высказывалось в пользу Педро, да и кастильцы считали, что Энрике ведет себя трусливо, наемники требовали сражения и хотели, чтобы им заплатили. В противовес всем разумным доводам и советам Дюгеклена Энрике не выдержал и решил воевать. Если бы он не сделал этого, то потерял бы трон, так как население все настойчивее требовало вернуть Педро.

Армия Трастамары заблокировала главную дорогу к Бургосу с восточной стороны от деревни Нахера. Подступ к войску преграждал приток реки Нахерилья (севернее он впадал в Эбро), с тыла войска прикрывала сама Нахерилья. К западу от деревни находились (находятся и поныне) песчаные холмы, дороги для лошадей в этих местах не было. Возможно, Энрике, но скорее всего Дюгеклен, выбрал это место, чтобы армии трудно было бежать. Во всяком случае, это была хорошая оборонительная позиция, поскольку армия Энрике уступала в численности войску Черного Принца. Если принц хотел пробиться к Бургосу, то должен был наступать, а это снижало боеспособность лучников. Но принц не собирался делать то, чего хотел от него противник. Задолго до рассвета английская армия вышла из Логроньо и выстроилась на левом фланге франко-кастильской линии. Энрике в нескольких сотнях ярдов слева от своей позиции увидел развевающиеся флаги и вымпелы противника.

Дюгеклен в отчаянии отдал приказ – всей армии развернуться на север. Англичане между тем спешили и сформировали обычный боевой порядок – тяжелая пехота посередине, лучники на флангах. Левая французская баталия быстро развернулась, однако остальных солдат охватила паника: вторая баталия обратилась в беспорядочную толпу и бросилась к деревне, а некоторые кастильские легкие конники и вовсе вздумали перебежать к англичанам. Дюгеклен понял, что от идеи обороны придется отказаться. Единственное, что он мог сделать, – это атаковать англичан и надеяться на то, что его солдаты увернутся от стрел противника. Увернуться они не смогли. Кастильская тяжелая конница спешиться отказалась и поплатилась за это смертью, много было раненых, лошади обезумели, а пехота не выдержала напора. Все закончилось за считанные минуты – французы бежали, кастильцы пытались перебраться на другой берег, но единственный мост через Нахерилью в этом им не помог, и они попросту передавили друг друга. Англичане догоняли и убивали, подход к мосту был заблокирован телами их же товарищей. Дюгеклен и почти все старшие командиры были захвачены в плен. На следующее утро герольды подсчитали потери – свыше пяти тысяч убитых в армии Трастамары. Английские потери были незначительными.

Потом занялись пленными и определили, какой можно взять за них выкуп. Многих, в том числе Дюгеклена и маршала Арно д'Одреема, англичане захватывали в плен и раньше. За них тогда не заплатили обещанного выкупа, а потому начались горячие споры. Самого Энрике захватить в плен не удалось – хоть его и скинули с лошади, он все-таки бежал, взяв у одного из рыцарей коня, сумел пересечь границу с Арагоном и добраться до Франции.

---

⁶³ На этом холме в 1813 г. стояло войско французского генерала Газана в битве при Витории, когда Веллингтон положил конец господству французов в Испании.

Вопрос о том, кто взял какого пленника, был для Педро академическим: он хотел уничтожить всех, чтобы в будущем не иметь с ними дела. Черный Принц возражал: пленники принадлежали тем, кто их захватил, за них можно получить выкуп. В любом случае рыцарский кодекс чести запрещал убивать пленных, по крайней мере тех, кто был богат.

Испанская кампания, кульминацией которой было сражение при Нахере, стала военным триумфом англичан: глубокой зимой их профессиональная армия сумела добраться до вражеской территории и еще раз победила противника, которого направляло и обеспечивало французское королевство. При этом англичане почти не понесли потерь. Однако с политической и экономической точки зрения это была катастрофа. Педро начал отменять все, что пообещал: не передал принцу земли басков возле Бильбао, не захотел (или был не способен) оплатить стоимость кампании и даже не вернул выданные ему займы деньги за подкуп Карла Наваррского. Большинство кастильских рыцарей не желали платить за себя обещанный выкуп. В некоторых случаях дела рыцарей в судах Кастилии и Арагона тянулись годами. Да и сама кампания не принесла ничего хорошего: через два года Педро лишился трона и был убит – заколот самим Энрике Трастамарой, а помогли ему те, кого Педро не казнил после Нахеры. С 1369 года Кастилия вместе со своим флотом была на стороне французов.

Поскольку Педро не сдержал слова и не заплатил за кампанию, вернувшую ему трон, Черный Принц вынужден был собирать деньги с Аквитании, жители которой еще и раньше ворчали из-за того, что двор Эдуарда в Бордо слишком дорого им обходится. Когда объявили о повышении налога на очаг (примерно равного подушному налогу), население призадумалось, стоило ли им защищаться от французской оккупации. Некоторые гасконские вельможи решили обратиться к Карлу V и пожаловались на этот налог. Договор в Бретиньи исключал подобные обращения, а потому Карл просто собирал жалобы и ничего не предпринимал. Между тем он пополнял французскую казну и формировал армию.

К январю 1369 года Карл готов был действовать: он объявил, что выслушает апелляции к налоговой политике Эдуарда, а когда ему заметили, что это противоречит договору в Бретиньи, ответил, что Франция не ратифицировала отречение от Аквитании. Король Эдуард, более умудренный политик, чем его сын, посоветовал принцу понизить налог на очаг, но Черный Принц не видел другого способа восстановления финансов. Когда в июне 1369 года снова разразилась война и Карл объявил, что «конфисковал» Аквитанию, Черный Принц изумился и впал в ярость. Он не мог лично участвовать в войне, поскольку заболел: возможно, это была дизентерия, а может, малярия, может, и то и другое, – и случилось это, вероятно, во время испанской кампании. Болезнь привела к дальнейшим осложнениям, и с тех пор принц передвигался на носилках.

Карл V учел уроки Креси и Пуатье, понимая, что воевать с англичанами в открытом бою бессмысленно, поражение обеспечено. Король предложил своим командирам, в том числе Бертрану Дюгеклену, которого в 1370 году назначил коннетаблем Франции, наносить удары англичанам выборочно. Такую тактику в современном мире называют партизанской войной. Нападать надо было только на города с маленьким гарнизоном, устраивать западни, уничтожать конвои, вести агитацию среди жителей, подкупать их, склонять на свою сторону. Англичанам недоставало солдат для надежной защиты каждого города, и единственным ответом на вызов французов стало возобновление шевоше. Пригласили было из Нормандии сэра Джона Чендоса, но в январе 1370 года он был убит в Люсак-ле-Шато, французский рыцарь пронзил его в лицо. Это была серьезная потеря, поскольку Чендос был не только выдающимся полководцем и стратегом, но и уважаемым в Аквитании человеком, к тому же все отмечали его дипломатические способности. Шевоше по Нормандии возглавил Джон Гонт, он оставил после себя много разрушений, но французских отрядов так и не встретил. Сэр Роберт Ноллис тоже постарался – жег и грабил все на своем пути, дошел до Парижа, но Карл по-прежнему избегал боя, и Ноллис вынужден был удалиться.

В том же 1370 году жители Лиможа заявили о лояльности французам, что особенно уязвило принца Эдуарда, поскольку епископ Лиможа был крестным отцом сына принца и всегда называл себя другом Эдуарда. Такое предательство нельзя было стерпеть, и армия Черного Принца численностью более пяти тысяч человек (согласно Фруассару, но, возможно, там было около трех тысяч) осадила Лимож. Через месяц, после подкопа и обстрела, англичанам удалось обрушить стены, и солдаты ворвались в город. Принц, лежа на носилках, приказал расправиться с населением. Как писал летописец того времени:

«Мужчины, женщины и дети бросились перед принцем на колени, умоляя: «Сжальтесь над нами, милосердный господин». Но принц был так разгневан, что не желал слышать. Ни один мужчина, ни одна женщина не были прощены: всех, кого можно было найти, казнили, в том числе и совершенно невиновных. Не понимаю, как не сжалились над людьми, столь незначительными и неспособными на предательство. Однако они заплатили за него, и заплатили дороже, чем их вожаки... более трех тысяч людей вытащили из дома и всем перерезали горло».

Они и в самом деле заплатили больше, чем их вожаки⁶⁴, ибо многим вельможам, заявившим о смене лояльности, позволили сдаться, и после выкупа они были освобождены, а епископа Лиможа, которого следовало казнить как предателя, передали папе (французу). Количество казненных жителей, конечно же, сильно преувеличено, но если массовое истребление и в самом деле имело место, то это подтверждает версию, что именно французы прозвали Эдуарда Черным Принцем.

Хотя Лимож был возвращен, по крайней мере на время, английская Франция быстро разваливалась. В 1371 году Черный Принц, изможденный болезнью, вернулся в Англию, оставив Джона Гонта правителем Аквитании и других английских территорий, но он не мог остановить развал и, поскольку Гонт был мужем дочери Педро Жестокого, в Кастилии его особенно не любила правящая фракция Трастамары. В 1372 году Дюгеклен вступил в Пуатье, и ворота ему, наперекор командиру английского гарнизона, открыли жители города. Осажденная кастильским флотом и атакованная с земли Дюгекленом, пала крепость Ла-Рошель. Последняя реальная возможность спасти ситуацию была у англичан, когда король сформировал армию, насчитывавшую 4000 конников и 10 000 лучников. Во Францию их должны были переправить в августе 1372 года четыреста кораблей из Сандвича. Несмотря на то что Эдуард был стар, болен и им манипулировала жадная любовница⁶⁵, он сам сел на корабль, как и Черный Принц, которого носили на носилках, однако погода оказалась против англичан: их флот неделями болтался в море, пока корабли не отнесло обратно в Англию. Операция была отменена, несмотря на потраченные на нее огромные деньги.

На следующий год из Кале вышел Джон Гонт и устроил еще одно шевоше. Он добрался до Бордо и нанес немалый урон центральной Франции, однако потерял при этом большую часть лошадей, поскольку бедным животным приходилось преодолевать огромные расстояния на пустой желудок. За все это время французского войска они так и не встретили, а Дюгеклен забавлялся тем, что посылал маленькие отряды, обиравшие английские обозы. К концу 1373 года англичане потеряли большую часть Аквитании, оставалось только графство Гиень возле Бордо да прибрежная полоса до Байонны. Французы захватили большую часть Бретани, а ее герцог нашел убежище в Англии. Французам не удалось взять Брест, он оставался в руках англичан, а на севере после победы при Пуатье им принадлежали только Кале и несколько гарнизонов в Нормандии. Французская тактика партизанской войны и постепенное «откусывание» английских территорий работали отлично, но в Гиень им было не пробраться. Несмотря на скопление в Канале французского и кастильского флота, Кале

---

⁶⁴ Ричард Барбер в «Словаре национальных биографий» – в статье, посвященной Черному Принцу, – цитируя местных историков Лиможа, утверждает, что уничтожен был только гарнизон, а не местные жители.

⁶⁵ Любовницу Эдуарда Алису Перрерс называют по-разному – колдуньей, распутницей и дочерью кровельщика. Вероятнее всего, происхождение у нее было благородное, она была фрейлиной королевы Филиппы, когда Эдуард обратил на нее внимание.

при поддержке английских судов мог еще долго продержаться, а Карлу такая длительная осада была не по карману. В 1375 году возобновились переговоры о перемирии.

На Троицу, в воскресенье, 7 июня 1376 года, в Англии скончался Черный Принц. Ему было сорок шесть. Если бы не убившая его болезнь, он наверняка стал бы великим королем, как и его отец. Эдуард последовал за сыном через год и две недели. Эдуарду на тот момент исполнилось шестьдесят пять лет, он впал в малярию, сделался сварлив и растерял былую популярность. Тем не менее он был великим королем, возможно – одним из самых великих: справился с Шотландией; вернул английские владения в Европе; подавил бунты в завоеванных землях; после нестабильных лет правления своего отца, а затем матери и Мортимера, восстановил веру в парламент. Денежная система при нем сделалась стабильной, Эдуард расширил торговлю, и Англию стали уважать и бояться. То, что в его последние годы все начало разваливаться, не умаляет величия короля.

Англия всегда становилась слабее, когда на престол всходил спорный или некомпетентный монарх, либо когда королем становился ребенок. Преемником Эдуарда III был десятилетний мальчик, второй сын Черного Принца (старший, еще один Эдуард, умер в 1369 году в возрасте шести лет) Ричард Бордоский, который будет править как Ричард II. Настоящей властью должен был обладать советник, избранный из палаты лордов, общин или из духовенства, пока Ричард не достигнет совершеннолетия, а надзирать за этим должны были дяди короля – Джон Гонт и молодые графы – Эдмунд Кембридж и Томас Бекингем. Гонта часто подозревали – и тогда, и позднее – в амбициозном желании самому взойти на трон, а поскольку право первородства тогда еще не было в Англии закреплено твердо, он наверняка мог бы этого добиться. Тем не менее, как доказывает история, Гонт был искренним сторонником легитимности, а потому устроил своему племяннику пышную коронацию.

Несмотря на желание перемирия с обеих сторон, то есть правящего совета Англии и французского короля Карла V, слишком многие были заинтересованы в беспорядках и убийствах, а потому война потихоньку тлела. В следующие несколько лет больших сражений не произошло, но нападения, осады и стычки на море продолжались, и, хотя Англия от этих столкновений уже не выигрывала, французское упорное наступление замедлилось и остановилось. Усилиям тех, кто хотел мира, был нанесен ущерб, когда в 1378 году скончался французский папа Григорий XI и конклав кардиналов избрал итальянца Бартоломео Приньяно, ставшего Урбаном VI. Французы отказались его принять и выдвинули собственного кандидата – кардинала Роберта Женевского, который хотя и был швейцарцем по рождению, большую часть времени жил во Франции. Его объявили папой Климентом VII. Так началась Великая западная схизма с Урбаном в Риме, признанным Англией, и Климентом в Авиньоне, поддержанным Францией и Шотландией. В Англии и раньше смотрели на пап с большим подозрением, но они по крайней мере выступали за мирные переговоры, а теперь, с наступлением схизмы, о переговорах забыли, и беспристрастного примирителя между враждующими сторонами не стало.

Ричард II во многих отношениях был трагической фигурой. Как младший сын, он не должен был стать королем, и хотя мать сильно (и благотворно) влияла на его обучение и последующее развитие, с отцом он почти не общался, поскольку из-за военных кампаний того часто не было дома, а дядю Гонта в стране недолюбливали. Такая непопулярность, конечно же, частично была вызвана завистью: герцогство Ланкастер было невероятно богато и во многих отношениях независимо от центральной власти. Но частые ссоры Гонта с епископами (обычно из-за церковного имущества)⁶⁶, пренебрежение общественным мнением и отсутствие харизмы военачальника (удивительно, если принять во внимание его гены) не способствовали хорошей репутации.

Самое начало правления короля выглядело неудачно: не успел Ричард II взойти на трон, как начались переговоры о перемирии. Еще неприятнее было то, что французы

---

⁶⁶ В 1379 г. Гонт объявил, что «мошенники-должники» не имеют права на церковное имущество.

воспользовались кратким перемирием для подготовки к войне: в Руане они осуществили крупномасштабную программу кораблестроения, а англичане из-за недостатка средств такой прыти не проявили. Летом 1377 года объединенный франко-кастильский флот совершил серию набегов на английские порты от Руа до Плимута. Корабли приставали где угодно, грабили то, что могли, поджигали то, что могло гореть, и убирались восвояси. Они высадились на острове Уайт, истребовали за свой уход выкуп, напали на Саутгемптон, но получили достойный отпор от местного отряда лучников и пехоты под командованием сэра Джона Арундела, младшего сына третьего графа Арундела. Затем флотилия разграбила Пул и попыталась (безуспешно) высадиться в Фолкстоне. На континенте французский адмирал Жан де Вьенн блокировал Кале с моря, а герцог Бургундский осадил его на суше. Несмотря на то что некоторые внешние оборонительные отряды потерпели поражение, и, к счастью для гарнизона Кале, командовал которым сэр Хью Калвли, плохая погода и сильные дожди сделали невозможным продвижение осадных машин и подкопы, французы ушли, предоставив сэру Хью возможность совершить вылазку, напасть на порт Этабль и вывезти оттуда большое количество вина. Между тем в Дордони герцог Анжуйский планомерно захватывал города, находившиеся в руках англичан. Он взял в плен сенешаля Аквитании сэра Томаса Фелтона, отца сэра Уильяма, убитого в Испании, и угрожал Бордо, однако вынужден был вернуться, поскольку обнаружил у себя в тылу отряды, настроенные проанглийски. Брест был осажден, но в январе 1378 года Англия прислала подкрепление; попытки англичан захватить Сен-Мало и развязать кампанию в Нормандии провалились.

В 1378 году представился шанс ответить французам ударом на удар – произошло это, когда Карл Наваррский «вышел из тени». Наваррский поссорился с Карлом V примерно по той же причине, что и Эдуард III с французскими монархами из-за Аквитании: Карл был законным королем Наварры, но в то же время вассалом французского короля, и, когда Карл V объявил о конфискации Наварры, Карл Наваррский обратился за помощью к Англии. Совет был счастлив поддержать Карла Наваррского, поскольку враг Франции заведомо являлся другом Англии. В обмен на Шербур англичане договорились прислать Карлу на четыре месяца тысячу солдат.

Приход английской армии в Наварру задерживался из-за плохой погоды и недостатка кораблей. Энрике Кастильский вошел в Наварру на правах французского союзника, но когда услышал, что в Аквитании высадилась английская армия и направляется в Наварру, благоразумно удалился. Войском этим командовал сэр Томас Тревет, на ту пору которому не было и тридцати, однако он успел повоевать с Черным Принцем при Нахере. Услышав, что помощь уже не нужна, он устроил в Кастилии шевоше, разграбил многочисленные кастильские города, значительно испортил репутацию Энрике и, прихватив с собой богатую добычу, вернулся в Англию. Тем временем Карл Наваррский заключил мир с французами, удерживавшими наваррские земли в Нормандии. Тактические достижения Тревета оказались несущественными, зато приобретение Шербура стало крупным стратегическим выигрышем наряду с Брестом, Байонной, Бордо и Кале. У Англии теперь было несколько укрепленных портов, благодаря которым она могла противостоять французским морским амбициям. При вторжении во Францию эти порты могли сослужить добрую службу.

Завладев нормандской собственностью Наварры, Карл V решил разыграть тот же сценарий в Бретани и в 1379 году объявил о конфискации этого герцогства. На сей раз он зашел слишком далеко, и бретонцы, чувствительные к своей независимости и не желавшие стать частью Франции, взяли в руки оружие и потребовали возвращения из Англии герцога Жана. Заручившись обещанием военной поддержки, Жан вернулся в Бретань, и его бурно приветствовали в Сен-Мало. Для поддержки англичане согласились выделить две тысячи тяжелой пехоты и столько же лучников сроком на четыре с половиной месяца, начиная с 1 августа, но когда английский совет обнаружил, что они не могут позволить себе перевезти так много солдат и оплатить их услуги, контингент был уменьшен до 650 человек от каждого

рода войск⁶⁷. Общее руководство должен был осуществлять защитник Саутгемптона сэр Джон Арундел, который в 1377 году входил в состав сменяющей части в Бресте, а в 1378-м побывал и в Шербуре.

Войско собралось в Саутгемптоне, но погода и отсутствие транспорта вынуждали отсрочить отбытие; по слухам, сэр Джон расквартировал свою свиту в монастыре, игнорируя протесты матери-настоятельницы, говорившей, что присутствие столь большого количества молодых людей может привести к «непростительному греху, который навлечет позор на обитель». Непростительный грех и в самом деле случился. Арундел не сделал ничего, чтобы помешать этому (командиры других подразделений сумели наладить дисциплину). Дошло до того, что солдаты украли серебро из местной церкви и вообще вели себя так, как это делают в субботнюю ночь в гарнизонном городе их нынешние потомки. Когда корабли наконец-то прибыли, люди Арундела прихватили с собой несколько монахинь, возможно, чтобы во время путешествия они пришивали пуговицы на их форму. Войско постигла божественная кара – в канале разразился страшный шторм. Большая часть кораблей с лошадьми затонула возле побережья Корнуолла или даже возле Ирландии. Чтобы облегчить нагруженные суда, монахинь, говорят, выкинули за борт. Когда это не возымело действия, за женщинами последовало награбленное в Гэмпшире добро. Собственное судно Арундела налетело на мель, и сам он утонул. Сэру Хью Калвли и большинству других капитанов удалось выжить.

Нападение французов на остатки английской Франции было приостановлено, тем не менее отсутствие координации между разными экспедиционными силами на суше и на море означало, что расходы на солдат, корабли и оружие оказались напрасными. Пока был жив Эдуард III, в стране был сильный король, он принимал решения, а поддерживавшая его администрация проводила эти решения в жизнь. Ныне страной заправлял совет, и хотя решения принимались от имени короля, слишком часто они являлись слабым компромиссом конфликтующих сторон. Население было недовольно тем, как ведется война, и тяжелыми налогами, и недовольство это выплеснулось наружу в 1381 году.

Катализатором стало решение, принятое в июне 1380 года, послать еще одну экспедицию на помощь герцогу Бретани. Дядя короля, двадцатилетний герцог Бекингам, должен был возглавить войско, состоявшее примерно из 5000 всадников – 3000 тяжеловооруженных и 2000 лучников. Командование учло трудность приобретения большого количества кораблей и угрозу шторма в канале и переправило войска кратчайшим путем из Дувра и Сандвича в Кале. Оттуда, совершив шевоше, они должны были дойти до Ренна и соединиться с герцогом Жаном. 24 июня армия вышла из Кале, уничтожая, как обычно, все на своем пути, перебравшись через Сомму, потом двинулась в Реймс, к югу от Парижа, а затем в Ренн, ни разу не встретившись по дороге с французским войском. Карл V проинструктировал своих командиров, чтобы те ни в коем случае не ввязывались в битву. У Бекингема к тому моменту заканчивались деньги, и он послал в Англию гонца с просьбой изыскать средства для поддержания армии зимой, чтобы весной она могла продолжить кампанию. Государственная казна была пуста, и после больших споров парламент решил, что требование правительства о взыскании 150 000 фунтов чрезмерно. Деньги эти нужны были для покрытия расходов армии Бекингема и поддержания портов (гарнизонам не платили несколько месяцев), а возможно, и для удовлетворения испанских и португальских амбиций Джона Гонты (он намеревался занять престол Кастилии, поскольку был женат на дочери Педро Жестокого). Парламент согласился изыскать 100 000 фунтов, две трети из которых собирался получить у мирян и одну треть – у церкви. И тут Карл V скончался. Герцог Жан договорился с его преемником, и армия Бекингема осталась ни с чем. Им пришлось вернуться домой. Это была последняя крупная английская экспедиция четырнадцатого века.

---

⁶⁷ Фруассар говорит, что их всего было 600 (четыреста пехотинцев и двести лучников), но если судить по количеству старших командиров, включавших сэра Хью Калвли и сэра Томаса Тревета, эта цифра представляется слишком низкой.

Введение в Англии еще одного подушного налога вызвало недовольство населения. Последний раз этот налог взимали в 1377 году, и тогда его размер зависел от сословия и способности платить, тарифная ставка равнялась одному гроуту, или четырем пенсам. Теперь налог вырос в три раза, стал равен одному шиллингу и не зависел от дохода. После смерти Эдуарда III налоги взимались несколько раз, английских владений во Франции почти не осталось, на море сделалось беспокойно, и, несмотря на сильное поредение населения, вызванное эпидемиями чумы, многие вельможи настаивали на введении манориальных прав и обязанностей, что было неуместно и несправедливо. Когда настал момент собирать налоги, люди стали повсеместно уклоняться и прибегать к обману, домохозяева прятали своих жен и детей или уходили в леса, лишь бы не встретиться со сборщиками, либо просто отказывались платить. В мае напали на сборщика налогов в Эссексе, а когда для разбирательства прибыл мировой судья, напали и на него. К концу месяца весь Эссекс был охвачен бунтами, а в начале июня восстание перекинулось в Кент. Нельзя сказать, что в прошлом никто не бунтовал, но вспышки недовольства всегда оставались локальными. В этот раз все было серьезно – самое серьезное нападение на власть в Англии в четырнадцатом веке. Восставшие, как и всегда, обвиняли злых советников короля, под лозунгом «За короля Ричарда и общины» они требовали головы тех, кого называли предателями. Армия по-прежнему находилась во Франции или на границе с Шотландией – самое удобное время для революции, к тому же правительство медленно реагировало на сложившуюся ситуацию.

История окрестила эти события крестьянской революцией, однако с таким названием вряд ли можно согласиться. Хотя многие из тех, кто принимал участие в погромах, и в самом деле являлись крестьянами, среди восставших было немало фермеров-арендаторов, мелких земельных собственников, местных чиновников – присяжных поверенных, управляющих имениями, судебных приставов, констеблей – и демобилизованных лучников. Тот факт, что различные группы бунтовщиков общались друг с другом и поддерживали строгую дисциплину, означал, что в их рядах немало образованных и привыкших руководить людей, своего рода офицеров.

Поскольку беспорядки и бунты распространялись все сильнее, король, его семья и королевские советники укрылись в Тауэре. Одним из этих людей был кузен короля Генрих Болингброк, сын Джона Гонта. Он был ровесником короля, в будущем он придет тому на смену и станет править под именем Генриха IV. Ричарда убедили встретиться с бунтовщиками. Они уже находились в предместьях Лондона, но городские ворота были для них закрыты. 13 июля король покинул Тауэр и на барже отправился по реке до Ротерхита. К бунтовщикам он обратился с борта судна, поскольку советники посчитали, что сойти на берег опасно. Бунтовщики передали свои требования королю: им нужны были головы Джона Гонта, архиепископа Кентерберийского, главного судьи и казначея. Король дал дипломатичный ответ: они, мол, получают головы тех, кого захотят, но только в согласии с законом. После этого заявления баржу отправили назад, в Тауэр.

У бунтарей заканчивалось продовольствие, а добыть его можно было в Лондоне. Двигаясь в южном направлении по течению реки, они ограбили дворец архиепископа в Ламбете и освободили заключенных из тюрьмы Саутворк. Затем, вопреки приказам лорд-мэра Уолворта, кто-то опустил подъемный мост и отворил ворота. Бунтовщики ворвались внутрь (действия их были явно организованы), ограбили дворец Савой Джона Гонта и разрушили квартал юристов Темпл, выпустили заключенных из тюрем Флит и Ньюгейт, а потом поубивали иностранцев (главным образом фламандцев), которым не посчастливилось оказаться у них на пути. Король мог только наблюдать из Тауэра клубы дыма, поднимавшиеся над городом. К этому времени ему стало известно имя лидера восстания – Уот Тайлер. Возможно, он был из Кента или из Эссекса, дом его мог быть в Мейдстоуне или Колчестере, предполагают, что он был кровельщиком, но есть мнение, что он происходил из кентских дворян.

Король согласился еще раз встретиться с повстанцами 14 июня на Майл-Энде. У бунтовщиков появились новые требования вдобавок к прежним. Голов ненавистных людей

им показалось мало, они высказывали политические амбиции, как то: отмена рабства и крепостной зависимости, фиксированная рента – четыре пенсы за акр земли, – равенство всех людей после короля (отмена титулов лордов и рыцарей) и амнистия всем принимавшим участие в восстании. Король заявил, что удовлетворит все требования, и вернулся в Тауэр, где обнаружил, что за время его отсутствия еще одна группа бунтовщиков вломилась в ворота, вытащила лорд-канцлера архиепископа Садбери и лорд-казначей сэра Роберта Хейлса, после чего обезглавила обоих на холме Тауэр-Хилл. Генриху Болингброку посчастливилось – он избежал той же судьбы. Действовали ли убийцы по наущению Тайлера и был ли он на Майл-Энде, неизвестно. Большая часть бунтовщиков разошлась, отправилась по домам, довольная тем, что король пообещал исполнить их требования, но самые стойкие, включая Тайлера, остались. Король согласился встретиться с ними на следующий день в Смитфилде.

В воскресенье, 15 июня, король выехал из Тауэра в сопровождении двухсот конных, лорд-мэра и некоторых придворных. В Смитфилде король вместе со своим окружением встал на одном конце поля, а бунтовщики – на другом. Тайлер должен был обратиться к королю, и он верхом проехал через поле. О том, что случилось потом, рассказывают по-разному; каждый верит своему летописцу. Возможно, Тайлер спешился, а может, и нет. Возможно, он взял короля за руку и назвал его братом, возможно, забыл снять при этом шляпу. Возможно, что к требованиям прошлого дня он добавил еще одно – реформирование Церкви и отмену положения вне закона, возможно, он потребовал кувшин вина промочить горло. Может, он вытащил кинжал и пригрозил лорд-мэру, а может, кто-то из свиты короля назвал его вором и мошенником. Возможно также, что у кого-то с самого начала было намерение арестовать или убить Тайлера, о чем мог знать, а мог и не знать король. Единственное, что не оспаривается, однако, – то, что Тайлер был зарезан, вероятно, лорд-мэром Уолвортом. Тайлер упал на землю. Некоторые из его людей, бывшие лучники, увидев, что их вожак упал, натянули луки. Молодой король проявил удивительное мужество (следует принять во внимание: ему, испорченному ребенку, не приходило в голову, что он может быть в опасности, а потому он не испытывал страха). Ричард пустился галопом к бунтовщикам, выхватил меч, предложил посмотреть на него как на своего капитана и приказал следовать за ним в Клеркенвелл, где он даст им все, что они просят. Бунтовщики отправились в Клеркенвелл, а король и его эскорт поехали своей дорогой. Что касается лорд-мэра Уолворта, то, возможно, он помчался галопом в город и призвал всех солдат, рыцарей и горожан, умевших обращаться с оружием. Если верить Уолсингему, собралось около тысячи человек, но возможно, что несколько сотен, все они отправились в Клеркенвелл, где их окружили, а может, и не окружили, бунтовщики. Бунтовщиков заставили бросить оружие, а может, просто убедили пойти домой, и к городским воротам их сопроводили рыцари из королевской свиты. В чем нельзя сомневаться, так это в том, что умирающего Тайлера привезли в Тайберн и повесили в присутствии лорд-мэра.

Тайлер умер, бунтовщики разошлись, а революция захлебнулась, хотя и не сразу. Поначалу правительство собиралось прийти к примирению. Несколько человек казнили, начались судебные разбирательства, в ходе которых выясняли, что именно привело к «предательству», осуждали главным образом за уголовные преступления, а в Эссексе между тем вспыхнули новые волнения. На этот раз пощады не было: любого, кто всего лишь попадал под подозрение в причастности к мятежу, пытали и вздергивали на виселице либо обезглавливали. Король, разумеется, не исполнил ни одного своего обещания, он не забыл урок успешного обмана и заметил, что бунтовщики беззаветно ему верят. Хотя король и пытался не идти на уступки, позднее при нем состоялась легкая реформа администрации. Ее навязал парламент, и вопросами предоставления денежных средств ведали отныне только лорды парламента.

Во Франции тоже свершилась революция, ее вызвали чрезмерные налоги, но беспощадные и немедленные действия герцога Бургундского быстро подавили бунт. Как бы сильно ни хотели обе страны продолжать войну, ничего большего, чем потасовка на море,

они не устроили, а угроза французского вторжения в Англию в 1386 году так и осталась угрозой, поскольку в дело вмешались плохая погода и преувеличенное представление французов о том, какой прием их может ожидать⁶⁸. Английским солдатам очень хотелось продолжить войну, поскольку для них она была единственным способом прославиться и заработать, но война слишком дорого обходилась казне: шерсть и вино можно было перевозить только в сопровождении вооруженных конвоев. Гарнизоны в английской Франции сильно страдали: содержание их было сокращено до минимума, и они могли надеяться только на выкуп и вымогательство.

Ричарду по мере взросления становился все более не по душе контроль советников, управлявших королевством. Дядя Глостер и граф Арундел потребовали у короля отставки Ричарда де ла Поля, графа Саффолка, из-за его губительной внешней политики: графу вменили в вину то, что он не сумел предотвратить потерю контроля над Фландрией и утратил поддержку герцога Бретани. На это Ричард раздраженно ответил, что по их требованию он и поваренка из кухни не уволит. Тогда Глостер напомнил королю, что в прошлом монархов лишали трона, как случилось с дедом Ричарда, Эдуардом II. Ричард вышел из себя, сказал, что подданные взбунтовались против него и он вынужден обратиться за помощью к своему брату, королю Франции. Ричард все же не осуществил своей угрозы, смирился и отправил Саффолка в отставку, а Глостер и Арундел возглавили новый совет. Тем не менее стремление Ричарда назначать фаворитов на выгодные посты и нежелание продолжать конфликт с Францией едва не привели к гражданской войне. В этом противостоянии с одной стороны выступали с вооруженными свитами Глостер и Арундел, а с другой – король и солдаты, которым Ричард платил из собственных средств.

Лорды-апеллянты⁶⁹ – так называла себя оппозиция – в декабре 1387 года выиграли единственную битву около Рэдкот-Бриджа, а на следующий год так называемый «Безжалостный парламент» осудил пятерых фаворитов короля и приговорил как предателей к виселице и четвертованию. Как бы сильно те этого ни заслуживали, юридически такое решение являлось убийством, и король задумал отомстить, но не сразу. На следующий, 1389 год он объявил, что отныне будет править на законных основаниях, поскольку ему исполнилось 22 года. Ричард благоразумно не стал менять многих советников, которых навязали ему лорды-апеллянты. Государственная казна была пуста, корона заложена, пришло время выплачивать долги, а тут еще и участвовавшие набеги шотландцев... Ричард отчаянно хотел прекратить войну с Францией. Ему нужен был мир, и это искреннее желание короля разделяли на другом берегу канала. В 1389 году было заключено временное перемирие, но шли переговоры о том, чтобы временное соглашение переросло в постоянное. Англия отдала французам Шербур и Брест, что вызвало недовольство лордов-апеллянтов, однако мир все же продлился еще несколько лет. За это время Ричард сделал свой двор таким же блестящим и дорогим, как любой другой в Европе, и начал потихоньку рекрутировать солдат, главным образом из Чешира. Они носили эмблему Ричарда II – нагрудный знак «белый олень», – а не принятый в Англии крест Святого Георгия.

В 1396 году Ричард женился во второй раз (Анна Богемская, брак с которой был заключен в 1382 году, скончалась в 1394-м). Новой супруге Изабелле, дочери французского короля Карла VI, было девять лет. Во время свадебной церемонии в Кале Ричард сделал заявление, вызвавшее отторжение у всех слоев английского общества: пообещал вместе с французами сместить папу Урбана и признать папу Климента из Авиньона единственным легитимным наследником ключей святого Петра. Возмутились не только английские священнослужители, посчитавшие, что король их бросил, но и миряне, решившие, что король играет на руку французам. Ричард остался спокоен. Приданое за невесту составило

---

⁶⁸ Поскольку большая часть армии вместе с Джоном Гонтон ушла в Испанию, прием этот не был бы таким уж свирепым, и в портах южного английского побережья наверняка началась бы паника.

⁶⁹ Английское слово *appeal* тогда означало «обвинять», следовательно, этот термин можно перевести как «лорды-обвинители».

170 000 фунтов – достаточно для того, чтобы рекрутировать больше солдат и приступить к отмщению за смерть друзей, казненных девять лет назад. В июле 1397 года он приказал арестовать Глостера, Арундела и Уорика – главных лордов-апеллянтов. Глостера перевезли в Кале и потихоньку убили (возможно, задушили – все-таки он был сыном короля), Арундела, Уорика и их сторонников пытали перед парламентом (Ричард сделал из того зеркальное отражение «Безжалостного парламента»), председательствовал Джон Гонт. В сентябре Арундела казнили, а Уорика приговорили к пожизненному заключению. Сын Гонта Генрих Болингброк одно время был среди лордов-апеллянтов, но хотя его и помиловали из-за того, что он смягчил требования лордов, в Болингброке видели потенциальную угрозу, а потому отправили на десять лет в ссылку.

Оппозиция росла, поскольку правление Ричарда превращалось в тиранию с пренебрежением к законам и традициям королевства, увеличивались налоги – надо же было оплачивать невероятную роскошь двора. Король заявлял, что правит милостью божьей, он ввел по отношению к себе обращение «величество», до сих пор не употреблявшееся ни одним английским монархом. Джон Гонт ни разу не высказал неудовольствия судьбой своего брата Глостера, не воспротивился и ссылке сына, по крайней мере публично. Насколько мы можем судить, он оставался сторонником короны, впрочем, неизвестно, что он говорил своему сыну и что тому советовал. В 1398 году Ричард наконец добился того, в чем нуждался и чего хотел достичь во внешней политике: заключил перемирие с Францией на двадцать восемь лет. Но после кончины Джона Гонта в 1399 году король зашел слишком далеко: десятилетнюю ссылку Генриха Болингброка заменил на пожизненную. К тому же конфисковал герцогство Ланкастер со всеми его замками, землями и титулами. Для вельмож это стало последней каплей: если король смог это сделать с Ланкастерами, то чьи владения станут следующими? Не зная или не обращая внимания на реакцию страны, Ричард отправился в Ирландию, поскольку в этой несчастной стране снова стало неспокойно. Тут-то и увидел свой шанс Генрих Болингброк. Большую часть ссылки он провел в Париже, и французская знать все более была готова помочь ему, поддержать. Взяв с собой только пятьдесят человек личной охраны, пехоту и товарищей по ссылке, в июне 1399 года Генрих сел на корабль в Булони и, сообщив, что отправляется с паломничеством в Святую землю, в конце месяца высадился в Хамбере.

Рыцари и знать Йоркшира поддержали Генриха и присоединились к нему со своими вооруженными отрядами. Генрих, кажется, тогда еще не имел намерения сместить Ричарда, хотел только вернуть Ланкастер и убрать «злых советников» короля. Когда на его сторону с собственными свитами перешли граф Нортумберленд и его сын Генри Перси (Хотспер – «Горячая Шпора»), Генрих уверился в поддержке севера. После поражения герцога Йоркского Эдмунда – дяди короля и регента на время отсутствия Ричарда в Ирландии – и после сдачи без боя честерской крепости шпионы Ричарда поняли, что положение серьезно. В Ирландии король действовал нерешительно, и даже когда за ним и его армией пришли корабли, Ричард передумал и не стал садиться в порту, из которого собирался отбыть на родину, а в результате потерял много времени, разгружаясь и вновь погружаясь в другом городе. Ричард высадился в Уэльсе, солдаты его потихоньку разбежались. С несколькими доверенными советниками Ричард нашел убежище в замке Конвей. К Ричарду явился граф Нортумберленд в качестве эмиссара Генриха, короля убедили сдаться, после чего препроводили в Лондон и поместили в Тауэр.

Генрих не только хотел получить то, что считал по праву своим, но и метил на трон. Зная, каким беспринципным может быть Ричард, он решил не оставлять его у власти, поскольку тот непременно бы отомстил. Надо было подумать, как получить корону, чтобы все выглядело законно. Прецедент со смещением Эдуарда II был неубедительным, поскольку на смену королю пришел законный наследник, сын Эдуард III. Следующим после Ричарда наследником был не Генрих, а еще один кузен, восьмилетний Эдмунд Мортимер, пятый граф Марч, чья мать Филиппа была дочерью Лайонела Антверпенского, второго сына Эдуарда III, а Генрих был сыном третьего сына Эдуарда. Притязания англичан на французский трон

опирались на наследии по материнской линии, на этом основании Эдмунду отказать не могли. Судьи не советовали Генриху бороться за трон силой, поскольку тем самым он дал бы неверный сигнал другим потенциальным узурпаторам. 29 сентября 1399 года двадцатидвухлетнему правлению Ричарда настал конец: его уговорили передать корону Генриху, хотя основание для этого было весьма шатким. Парламент одобрил это решение, и 13 октября Генриха короновали. Он стал править как Генрих IV. Ричарда отправили в крепость Понтефракт.

В декабре разоблачили заговор, целью которого было возвращение на трон Ричарда. В Глостере толпа растерзала одного из главных заговорщиков – Солсбери, Диспенсера убили в Бристоле, а в Эссексе поймали и обезглавили Хантингтона. Ричард являлся главной фигурой для тех, кто оппонировал новому режиму, а потому, как и с Эдуардом II, его кончина устроила бы короля, причем чем скорее, тем лучше. Один хронист предположил, что Ричарда убили и разрубили на куски; другие уверяли, что тюремщики заморили короля голодом; были и те, кто говорил, будто Ричард сам себя заморил, а может, умер от горя. Его труп перевезли из Понтефракта в Лондон, причем по пути процессия останавливалась, чтобы показать покойного публике. Из этого следует, что теорию о разрубленном на куски короле можно отбросить. От горя никто не умирает, а смерть от голода, навязанная или добровольная, должна занять долгое время, поэтому можно предположить, что Ричарда II убили обычным способом – задушили. Поскольку Генрих IV был заинтересован в смерти Ричарда, можно предположить, что именно он ее и заказал.

Вместе с кончиной Ричарда II закончился период колебаний и слабого правления, не дававший возобновить кампанию во Франции. Генрих IV, молодой, здоровый, энергичный и популярный, был тем, кто мог бы возродить этот процесс, однако события сделали другой поворот, и пламя английского завоевания раздуло другое поколение.

Глава восьмая Бунты и возмездие

В детстве Генриху Болингброку пришлось постранствовать: мать его умерла от чумы, когда ребенку исполнился год; потом ему повезло – Генрих пережил крестьянскую революцию; пока сражался отец, за ним следило множество опекунов и учителей; сначала Генрих жил в доме второй жены отца, затем – в доме третьей мачехи. Несмотря на все это, он, похоже, вырос нормальным и уравновешенным юношей. Можно не сомневаться в том, что молодой человек обладал всеми качествами правителя, которых не было у его кузена Ричарда, законного короля. Генрих был страстным любителем рыцарских турниров и опытным солдатом, служил вместе с отцом в Испании и вместе с его тевтонцами в Литве, проехал по всей Европе и Средиземноморью, совершил паломничество в Иерусалим и посетил святые места. Он был на стороне лордов-апеллянтов, когда казалось, что те побеждают, и покинул их, когда выяснилось, что он ошибся. Население радостно приветствовало узурпацию Генрихом трона, и большинство вельмож поддержали его восшествие на престол. На первый взгляд он должен был стать популярным и действенным королем. Проблема спорного или не слишком законного наследования дает возможность людям, не согласным с режимом, утверждать, что этот режим незаконен, а потому узурпатор не имеет права взимать налоги, развязывать войны, раздавать земли, вести переговоры с иностранными государствами и осуществлять любые придворные обязанности. На протяжении всех четырнадцати лет правления Генриха мучили неуправляемые вельможи, недостаток средств, шотландцы, французы, валлийцы и, наконец, несговорчивый сын.

Всем английским королям приходилось сталкиваться с недостатком денег, однако от внимания подданных Генриха не ускользнуло то, что унаследовал он не только богатое ланкастерское герцогство, но и приданое жены, Марии де Богун, сонаследницы графа Херефорда. Она родила Генриху четверых сыновей (старший из них станет Генрихом V) и двух дочерей, а в 1394 году умерла, рожая Филиппу. Ее богатство перешло к вдовцу. Всего этого плюс доходы короны, как не без основания полагали люди, должно было быть более чем достаточно для финансирования двора и управления страной. Генриху, однако, пришлось подарить приспешникам Ричарда II большие земельные наделы и крупные суммы денег, а также вознаградить собственных сторонников. Тем самым он создал ложное впечатление, что не намерен облагать население большими налогами. К тому же у него почти не было управленческого опыта и он не был способен контролировать средства, уходившие на содержание двора. Парламент даровал ему таможенные пошлины на шерсть, но экспорт шерсти сильно упал, и следовательно, доход от него был соответствующим. Генрих никогда не был способен жить по средствам, и поскольку одним из его лозунгов был отказ от политики мира, которую исповедовал Ричард, то возобновление войны с Францией означало еще большие затраты.

Франция с ужасом встретила смещение Ричарда и приход Генриха. До той поры французы поддерживали Генриха в попытке вернуть ланкастерское наследие, но видеть королем ни в коем случае не хотели, а потому решили опротестовать смещение законного короля, прикрывая тем самым свою обеспокоенность тем, что Генрих отменит перемирие и возобновит войну. Во Франции царила неразбериха. В 1392 году сошел с ума Карл VI Валуа: первые проявления болезни заключались в том, что он перебил собственную свиту, потом стал слоняться по дворцу, завывая как собака. Ему казалось, что он сделан из стекла, и он боялся разбиться. Временами Карл приходил в себя, но такие периоды случались все реже и были все короче. Теоретически правительство подчинялось королю, но реальную власть, когда Карл впадал в безумие, осуществлял дядя короля Филипп, герцог Бургундии, а когда король был здоров, всем заправлял его брат Людовик, герцог Орлеанский. Эти двое между собой не ладили. Герцог Бургундский, управлявший также и Фландрией, готов был договориться с англичанами ради собственных интересов во Франции и защиты фламандской торговли, а герцог Орлеанский домогался Аквитании, были у него интересы и в

Италии (жена его была итальянкой). Герцог Бургундский поддерживал папу римского (так же как Англия и большинство фламандцев), а герцог Орлеанский был сторонником авиньонского папы.

Генрих IV посылал эмиссаров к французскому двору, заверяя их, что поддерживает перемирие (английская партия войны не одобряла заключенный Ричардом договор), однако Карл VI и герцог Орлеанский отказывались признавать Генриха королем и особенно были недовольны его отказом отправить обратно во Францию ребенка-королеву, вдову Ричарда. В 1400 году девочку все-таки вернули, но без приданого: Генрих оставил его у себя на том основании, что выкупа за Иоанна II полностью так и не получил. На самом деле Генрих не мог вернуть приданое просто потому, что в казне не было денег. Стране очень дорого обходился Кале, тем более что в канале процветало пиратство, а когда гарнизон взбунтовался оттого, что ему не платили, Генрих вынужден был рассчитаться с солдатами, но для этого пришлось занять деньги у итальянских банкиров. В том же 1400 году в Уэльсе снова вспыхнули волнения.

Восстание спровоцировал территориальный спор между валлийским рыцарем Овейном Глендауэром и сэром Рейнольдом Греем, большим другом Генриха IV и членом его совета. Спор этот решился не в пользу Глендауэра. Семья Глендауэра имела валлийское происхождение, по отцовской линии он был потомком племенных вождей, регулярно женившихся на девушках из английских или англо-валлийских семей. Жена Глендауэра происходила из аристократического семейства Ханмер, до сих пор пользующегося влиянием в Уэльсе. Глендауэр изучал право в Вестминстере, возможно, сопровождал английскую карательную армию во время похода в Шотландию. Парламент не сумел поддержать Глендауэра, и это стало катализатором самого серьезного восстания в Уэльсе со времен завоевания страны Эдуардом I в 1283 году. Вырвалось наружу недовольство удушающей налоговой политикой, которую проводили приграничные лорды и центральное правительство, вывели из себя преференции английским поселенцам и англоваллийцам, отсутствие карьерных возможностей для местного духовенства и чиновников и невозможность противодействия политике, с которой они были не согласны. Очень скоро мятежники собрали армию, объявили Уэльс независимым, провозгласили Глендауэра принцем Уэльским, потребовали смещения Генриха Ланкастерского и отмену английского языка в Уэльсе. Они вторглись в приграничные города и, как и всегда, принялись жечь и грабить. Английские замки, охранявшиеся небольшими гарнизонами, были захвачены. Бунты продолжались еще лет пятнадцать, и, хотя серьезной опасности трону не представляли, короля раздражали, к тому же приходилось отвлекать войска, которые с большей пользой могли быть задействованы во Франции.

Несмотря на то что тело Ричарда было открыто продемонстрировано публике и все могли убедиться, что он и в самом деле умер, находились и те, кто продолжал уверять, что король жив. Они готовы были устраивать волнения от имени короля или в качестве оправдания восстания использовали возможность того, что Ричард жив. За время своего правления Генрих видел немало бунтов и потенциальных мятежей, а самый серьезный произошел в 1403 году. Возглавил его Перси. Генри Перси, граф Нортумберленд, был союзником Генриха Болингброка в смещении Ричарда II и вместе со своим сыном Генри Хотспером отвечал за охрану северных границ с шотландцами. 14 сентября 1402 года Перси устроил западню шотландской армии, командовал которой Арчибалд Дуглас. Шотландцы возвращались с добычей после набега на Англию. Произошло это в Хомилдон-Хилле, в сорока милях к северу от Ньюкасла. Шотландцы встали на холме в оборонительную позицию «шилтрон» – плотное круговое построение с копейщиками в первых рядах. Такая позиция была очень эффективна, если англичане атаквали верхом. Согласно принятой недавно тактической доктрине, англичане отступили, и бой начали лучники, стрелявшие в шилтрон с расстояния двухсот ярдов. Выстрелы были точными, и противник умылся кровью. Дуглас увидел, что лучников ему не хватает, к тому же они неэффективны, так разве он позволит им стоять смиренно под градом сыплющихся стрел? Поэтому он приказал своей

пехоте и коннице идти на врага. Солдаты спустились с холма, но так и не встретили английскую пехоту. Английские лучники медленно отступали, останавливаясь через каждые несколько ярдов и выпуская очередной залп стрел. Шотландский шилтрон дрогнул и развалился, преследуемый англичанами. Число солдат, задействованных с обеих сторон, и число потерь неизвестно, однако в плен было захвачено большое количество шотландских рыцарей, включая самого Дугласа, ослепшего на один глаз от чьей-то меткой стрелы.

После Хомилдон-Хилла лояльность Перси пошатнулась. Бывали и раньше споры о стоимости поддержания порядка в пограничной полосе, и о том, сколько заплатили или не заплатили Перси, и почему Хотсперу не возместили расходы за кампанию против мятежников в Уэльсе. Но теперь разгорелся главный спор – кто должен получать выкуп за шотландских пленников. Весной Генри Перси пошел на юг якобы для соединения с королем в новой кампании против валлийских мятежников, однако 9 июля, добравшись до Честера, Генри объявил, что Ричард II жив, а Генрих IV – узурпатор. К Перси присоединился отряд знаменитых чеширских стрелков, солдаты надели знак «белого оленя» – эмблему Ричарда II. Поскольку Перси отлично знал, что Ричард мертв, он не мог долго притворяться, и, когда армия разрослась из-за притока добровольцев, идущих со всех сторон, Генри объявил, что, оказывается, король Ричард мертв, убил его Генрих Ланкастер, а законным наследником является Эдмунд Мортимер, граф Марч, которому на ту пору было двенадцать лет.

Притязания Эдмунда на престол основывались на том, что его мать Филиппа, дочь Лайонела, второго сына Эдуарда III, была, конечно, старше отца Генриха, Джона Гонта, и хотя женская линия эти притязания ослабляла, они тем не менее были вполне допустимы⁷⁰. Всюду заговорили, что Генрих узурпатор и убийца, припомнили ему несправедливые налоги, и то, что государственную казну он тратит на личные нужды, и то, что в высших слоях царит коррупция, и то, что он держит при себе порочных советников. Перси отправил разведчиков к Овейну Глендауэру, и если бы смог соединить свою армию с валлийцами – а французы уже заявили о своей поддержке, – то положение Генриха IV стало бы весьма ненадежным. Случилось то, что случилось. Шестнадцатилетний Генрих Монмут, принц Уэльский и будущий король Генрих V, был на тот момент в Шрусбери и командовал, по крайней мере формально, операцией против валлийских мятежников. Они с Перси были друзьями, вместе участвовали в кампаниях против мятежников, принц многому научился у Перси. В свите принца в Шрусбери был также дядя Генри – сэр Томас Перси, граф Вустер. Прослышав новость, он немедленно присоединился к племяннику. Армия Генри должна была соединиться с войском Глендауэра, переправиться через реку Северн и, воспользовавшись двумя мостами, дойти до Шрусбери.

О том, что молодой Перси восстал против короны, Генрих IV узнал в Дерби, где он предлагал армии пойти на север и помочь Перси на шотландской границе. Он понимал, что должен успеть в Шрусбери, надо было перейти через мосты Северна раньше Хотспера и, конечно же, не позволить взять в заложники принца Уэльского. 20 июля после марш-броска длиной в 32 мили – нелегкое испытание даже для конницы – он добрался до Шрусбери прежде мятежников Хотспера. Тем осталось либо драться, либо сдаться. В трех милях от Шрусбери с востока на запад тянется низкая гряда длиной восемьсот ярдов, на этой гряде Хотспер и решил остановиться. Как всегда, хронисты оценили численность мятежной армии по-разному, однако почти все они сильно преувеличили ее размеры. Если предположить, что тяжеловооруженные и обычная пехота выстроились в четыре ряда, возможно, их было 2400 человек; если численность лучников была такой же или немного больше – что уже являлось стандартом в английских армиях, – то у Хотспера могло быть около 5000 человек. У короля, вероятно, было немногим больше.

Воскресным утром 21 июля 1403 года королевская армия вышла из Шрусбери и встала в боевую позицию на плоской равнине на расстоянии 400 или 500 ярдов к югу от гряды. Не

---

⁷⁰ Наследование по женской линии не могло быть препятствием к притязаниям Эдмунда, поскольку англичане претендовали на французский трон также по женской линии.

очень ясно, как развернул свое войско король. Обычно вперед выдвигались две баталии, а третья, которой командовал король, оставалась в резерве. Определенно можно сказать, что принц Уэльский командовал левой баталией, но, судя по тому, что произошло позднее, король командовал правой баталией. Возможно, в армии короля было всего две баталии, а может, и три, только резерва не было. На месте сражения сейчас находятся частные сады и луга, а в 1403 году эта земля была засажена горохом, он рос так густо и был таким высоким, что затруднял движение и не позволял видеть далее чем на двадцать ярдов.

Начался долгий процесс переговоров с целью решения спора без сражения. Большую часть дня Томас Вестбери, аббат Шрусбери, в сопровождении королевского чиновника сновал от одной стороны к другой, донося предложения и контрпредложения. Король соглашался простить мятежников, если повинятся, а Хотспер настаивал на конституционных переменах, которые, вероятно, не могли быть приняты королем. Трудно понять, как стороны могли прийти к компромиссу. Вечером король сделал вывод, что Хотспер намеренно затягивает переговоры в надежде выиграть время, дожидаясь подкрепления из Уэльса. На самом деле, хотя Хотспер не знал этого, Овейн Глендауэр был в это время в сотне миль отсюда, у предсказателя в Кармартене⁷¹, к тому же долины в Уэльсе были затоплены, что очень затрудняло приход подкрепления.

Короче, сражения нельзя было избежать, и открыли его лучники мятежников. Впервые две противоборствующие английские армии использовали одинаковую тактическую доктрину. Поначалу казалось, что мятежники берут верх над армией короля. Люди Хотспера стояли на возвышении и видели цель, в то время как королевская армия пробиралась сквозь горох и ее лучникам цель было трудно определить. В хронике того времени говорится, что под ливнем стрел мятежников королевские солдаты были словно «листья деревьев, опадавшие после заморозка». Когда же они ответили, «с обеих сторон люди падали, точно яблоки осенью, сбрасываемые южным ветром». Похоже, что в этот момент часть королевской армии дрогнула – предположительно это были задние ряды пехоты: им показалось, что короля застрелили. Частично это компенсировалось отрядом мятежной армии под предводительством некоего Ричарда Рэмкина, но процесс был не столь гладким, как выглядит на бумаге. Солдаты, сбегавшие с холма в сторону королевской армии, могли быть приняты не за дезертиров, а за нападающих, но, поскольку солдаты короля расступались перед ними, можно предположить, что во время переговоров Рэмкин дал роялистам знать о своем намерении перейти на их сторону.

Несмотря на свою импульсивную натуру, Генри Перси был опытным солдатом и, должно быть, понимал, что для него в этой ситуации лучше всего обороняться и дать возможность королевской армии атаковать. Последние шестьдесят лет англичане именно так выигрывали сражения, а поскольку Хотспер находился на возвышении и командовал лучшими английскими лучниками, это давало ему преимущество. То, что мятежное войско стало спускаться с холма, вряд ли входило в планы Хотспера – должно быть, такое действие ему навязали. Большинство хронистов согласны с тем, что в первых рядах мятежников находился отряд шотландских рыцарей под предводительством одноглазого Арчибальда Дугласа. При Хомилдон-Хилле всех этих людей взяли в плен, и они согласились воевать за Хотспера в обмен на освобождение от выкупа. Королевское знамя и сам король в богатых доспехах, должно быть, настолько воспламенили Дугласа, что он, забыв о благоразумии, ринулся вперед, увлекая за собой своих шотландцев, и Хотсперу, вероятно, ничего не оставалось, как только поддержать его. Пехота мятежников с Дугласом во главе с грохотом ринулась вниз, не обращая внимания на потери, которые наносили им королевские лучники. Королевский знаменосец упал как подкошенный, сражение было ожесточенным. У короля Генриха, с целью обмана противника, было три или четыре рыцаря, носивших такое же

---

⁷¹ Многие думали, что Глендауэр был магом, обладавшим способностью делать себя невидимым. Вряд ли это правда.

облачение, как у монарха⁷², и по меньшей мере два из них были убиты. Судьба Англии висела на волоске.

Спас положение молодой принц Уэльский. Хронисты, как всегда, по-разному описывают подробности сражения, но, похоже, мятежники толпой кинулись к королю. Если бы они могли убить его или взять в плен, сражение было бы окончено и победа оказалась бы на их стороне. Однако впопыхах мятежники ослабили давление на левый фланг королевской армии. Некоторые хронисты свидетельствуют, что принц Уэльский пошел вперед, прорвал линию мятежников, развернул свое войско и атаковал противника с тыла. Это характеризует принца как человека, обладавшего большей способностью к контролю и маневру, чем это было возможно в ситуации хаоса, когда команды передавались с помощью барабана, трубы и предупреждающих сигналов, когда трудно было хоть что-то услышать и еще труднее подчиниться команде. Более вероятным представляется, что принц повернул свою баталию на девяносто градусов и атаковал правый фланг мятежников. Принц проявил огромную личную храбрость. В какой-то момент – вероятно, когда армии были на отдалении одна от другой, – принц был ранен стрелой в лицо, однако отказался покинуть поле сражения⁷³, что говорит и о значительном мужестве, и о несомненном таланте полководца. Преимущество перешло к роялистам, атакуемая с обеих сторон и уступающая в численности противнику армия мятежников начала рассыпаться. Хотспера убили, и все было кончено, началась мясорубка. Некоторые пытались добежать до лошадей и ускакать, для тех же, кто остался, был один выбор – сдаться или умереть.

Король Генрих одержал победу, а зачистка и преследование противника продолжались до ночи, после чего изможденные победители принялись зализывать раны, чистить оружие и подыскивать место для ночлега. Древяно стрелы, попавшей в лицо принцу Уэльскому, сломалось, но наконечник все еще сидел в верхней челюсти. Позвали хирурга короля, Джона Брэдмора. Он сделал (или у него уже были) щипцы, которыми можно было извлечь наконечник. Сначала он расширил рану – вставил в нее несколько деревянных штырей, смазанных медом (мед обладает антисептическими свойствами), когда рана стала большой, он вставил щипцы в выемку наконечника, крепко ухватил его и извлек из раны. В ту пору в отсутствие анестетиков это был долгий и невероятно болезненный процесс, но благодаря припарке из ячменя с медом инфекции удалось избежать и рана зажила через три недели⁷⁴.

Мы не знаем точное количество погибших и раненых с двух сторон, но число их было значительным, причем цифры, возможно, были бы еще более внушительными, если бы роялистам пришлось атаковать мятежников вверх по склону⁷⁵. Арчибальда Дугласа снова взяли в плен, к потерянному им глазу в бою при Хомилдон-Хилле на сей раз он присовокупил яичко. В очень неприятном положении оказался сэр Томас Перси, граф Вустер. Мятежники потерпели поражение, и возмездие было суровым. Томас Перси не надеялся на снисхождение: он был доверенным человеком принца Уэльского и предал своего сюзерена. На следующий день после сражения его обезглавили в Шрусбери вместе с рыцарями Шропшира – сэром Ричардом Верноном и сэром Ричардом Венейблсом. Тело Хотспера предали земле, но вскоре выкопали, четвертовали и передали эти части Честеру, Бристолу, Ньюкаслу и Лондону, а голову выставили в Йорке. С другими мятежниками расправились после поспешно проведенных судов. Генри, граф Нортумберленд, глава

---

⁷² Включая сэра Уолтера Блаунта, предка английского эстрадного певца и бывшего офицера Королевской конной гвардии Джеймса Блаунта.

⁷³ Вероятно, стрела отскочила от чьих-то доспехов, так как прямой удар, несомненно, убил бы его. И, наверное, стрела угодила в правую щеку, так как на большинстве портретов, где он изображен в профиль, нет следа шрама.

⁷⁴ Принцу повезло, что лучник, прежде чем стрелять, не окунул наконечник в человеческие испражнения, что было распространено в те времена: в этом случае он инфицировал бы рану.

⁷⁵ Наиболее точная оценка потерь, вероятно, содержится в Приложении 4 к книге Иэна Мортимера «Страхи Генриха IV», но даже он мог сделать лишь очень приблизительные предположения.

семейства Перси, был допущен к королю и попросил у него прощения. Он переложил вину на своего сына, благо тот был уже мертв. Генрих мог бы казнить графа немедленно, однако решил выставить его перед парламентом. Лорды решили, что граф не виновен в предательстве. Старик отделался большим штрафом, а его замки и земли перешли к более лояльным подданным. Вероятно, этот урок пошел графу впрок.

Погибших похоронили на поле боя в братской могиле подле дороги Уитчерч. В 1406 году король Генрих выдал разрешение на постройку в этом месте часовни. Она стоит там до сих пор, а неподалеку высится статуя короля. В часовне можно увидеть список рыцарей, принимавших участие в битве, и описание их гербов. Разглядывая этот список, приходишь в изумление из-за количества семей, участвовавших в сражении. Там были Калвли, де Бурги, Массей, Стэнли, де Кокс, Грейс. Любая средневековая знатная семья почитала главным долгом удержание своей земли, а если в момент гражданской войны ты ставил не на ту лошадь, то заведомо терял свою землю, и потому в скачках двух лошадей лучше было поддерживать обоих седоков.

Хотя победа короля при Шрусбери положила конец самому серьезному бунту правления Генриха, неприятностей хватало. В канале по-прежнему бесчинствовали французские пираты, и приходилось поощрять английских капитанов, чтобы они отвечали на агрессию подобным же образом. Казавшаяся нескончаемой война в Уэльсе привлекала французов, в поддержку валлийцев они совершали набеги на остров, поскольку готовы были сделать что угодно, лишь бы ослабить Англию. Лже-Ричарды появлялись то там, то здесь: один, например, объявился в Шотландии, и его никак не удавалось поймать. Денег, как обычно, не доставало. В 1404 году парламент заявил, что у короля достаточно средств и можно обойтись без новых налогов, а королю следует сократить многочисленные субсидии и пособия, которые он ввел после своей коронации. Поскольку эти субсидии вознаграждали тех, кто поддержал Генриха в борьбе за трон, ликвидировать их было не так-то просто, а попытки двора сократить их стоимость, переместив бенефициаров в менее престижные замки, оказались тщетными. Нечем было оплачивать военные расходы, и королевские поставщики вынуждены были прибегать к реквизициям, а когда и военным нечем стало платить, офицерам предложили служить за свой счет.

Несмотря на пустую казну и враждебный парламент, король выжил. Его научил пример Ричарда II, презревшего парламент и магнатов и дорого заплатившего за это. Генрих спрятал гордость в карман и пошел на компромисс. В 1405 году французы захватили английский город Марк, в трех милях к востоку от Кале. Один из офицеров гарнизона Кале, сэр Ричард Астон, решил, что терпеть больше незачем: надо отвоевать город. Он взял с собой отряд, состоявший из пятисот тяжеловооруженных и легких пехотинцев и двухсот лучников, и нагрузил стрелами двенадцать повозок. Амуниции оказалось более чем достаточно, поскольку результат получился весьма эффективным – пятнадцать французских рыцарей было убито, а в плен взято несколько сотен. Командиру – графу Сен-Полу, одиозному налетчику на южные английские порты – удалось бежать, бросив оружие. На острове Уайт и в Дартмуте стало спокойно, однако тот факт, что набеги французов вообще имели место, доказывает, что защитником королевства Генриха назвать нельзя, как бы он ни пытался.

Генри Перси-старший, граф Нортумберленд, в 1403 году сохранил голову и свои поместья, но урок ему впрок не пошел, ибо в 1405 году он снова принял участие в бунте. Нортумберленд заключил «тройственный союз» – соглашение с сэром Эдмундом Мортимером, отцом того Мортимера, что претендовал на трон, и Овейном Глендауэром. Эта тройца собиралась сместить Генриха IV и поделить между собой Англию и Уэльс. Глендауэру достался бы Уэльс вместе с приграничной полосой, Нортумберленду – север, а Мортимеру все остальное. Верил ли кто-нибудь из них, что все получится, или это были ни к чему не обязывающие слова с целью укрепить союз, неизвестно. В любом случае восстание не могло быть успешным хотя бы потому, что у заговорщиков не было единого центра и они слабо представляли, что будут делать, когда сформируют свою армию.

Одним из главных приверженцев восстания был пятидесятипятилетний архиепископ Йорка Ричард Скроуп. На эту должность Скроупа назначил Ричард II, а заслужил он ее скорее благодаря успехам отца, солдата и верного слуги монархии, нежели выдающимся способностям в области теологии. Впрочем, он был достаточно искушен в каноническом праве. В свое время Скроуп возглавил депутацию, принявшую якобы добровольное отречение Ричарда II от трона. Скроуп поддержал восшествие на престол Генриха IV и был одним из прелатов, которые подвели его к трону во время коронации. То, что Скроуп принял участие в бунте 1405 года, можно расценить как результат давления со стороны местного лорда – Нортумберленда. Впрочем, Скроуп выступал против обложения налогами священников, разделял недовольство купцов, страдавших от налогов, он мог быть автором или по меньшей мере издателем манифеста, написанного бунтовщиками. В этом документе перечислялись обычные жалобы о несправедливом налогообложении, однако имелось и указание на то, что Генрих нарушил свою клятву и сместил Ричарда II.

Бунт был быстро задушен – давний враг Перси Ральф Невилл, граф Уэстморленд, и младший сын короля Джон Ланкастер выступили против мятежников и одержали победу над поспешно собранным и плохо вооруженным войском Скроупа, составленным главным образом из жителей Йорка. Скроупа арестовали, так же как и девятнадцатилетнего сэра Томаса Моубрея, первого герцога Норфолка и маршала Англии, поссорившегося с Ричардом II и умершего в ссылке. Нортумберленд покинул прежних союзников и бежал в Шотландию. Король уже не хотел проявлять милосердие: в прошлый раз он простил зачинщиков, а теперь четко дал понять, что бунта не потерпит. Вместо того чтобы передать Скроупа папе и сделать выговор епископу-изменнику, как он поступал ранее в сходных обстоятельствах, Генрих решил устроить суд и ему, и другим арестованным вельможам. В Лондон пошел приказ – прислать судебскую команду. Услышав, что его собрата будет судить светский суд, Томас Арундел, архиепископ Кентерберийский и близкий друг короля, вскочил на коня и мчался весь день и всю ночь в Бишопторп, что на севере Йоркшира, туда, где находился король. Поразительная прыть для человека пятидесяти одного года, да еще в то время!⁷⁶

Арундел добрался до Бишопторпа 7 июня 1405 года и стал умолять короля не казнить Скроупа, напомнив о короле Генрихе II, виновном в убийстве архиепископа Бекета. Король обманул старого друга, послал его спать, а сам той же ночью вызвал Скроупа в суд, и на следующий день его и двух других осужденных обезглавили. Это была первая судебная экзекуция архиепископа. Не только Англия, но и вся Европа пришла в ужас. Даже если смертный приговор был справедлив, а он и в самом деле был справедлив, убийство клирика, к тому же еще и архиепископа, вызвало шок, что позволило врагам Генриха заявить, что он убил не только законного короля, но и одного из избранников Господа. По слухам, папа в Риме был потрясен, он проклял всех, причастных к этому делу, однако его протест долго не просуществовал – возможно потому, что его утешило денежное вливание, да и чудеса на могиле Скроупа в Йорке долго не продлились. В 1408 году папа Григорий XII простил Генриха в обмен на обещание построить три церкви. Вскоре после казни Генрих заболел, по слухам, проказой. Сейчас, после исследования скелета Генриха, мы знаем что король не страдал от самой ужасной болезни, от которой тогда не было лекарства, но его противникам выгодно было распространять такие слухи, они утверждали, что Генриха постигла кара господня за расправу над Скроупом. Какая бы болезнь ни мучила короля, но здоровье его, начиная с 1408 года, стремительно ухудшалось, что потребовало привлечения совета к управлению государством, а возглавил этот совет принц Уэльский. Такое положение привело к разногласиям между отцом и сыном, король Генрих стал подозревать старшего сына в заговоре против себя.

---

⁷⁶ Расстояние, которое он преодолел, составляло 130 миль. Должно быть, он менял лошадей каждые двадцать миль, вероятно, скорость его составляла около 10 миль в час – не следует забывать о состоянии дорог в те времена.

Нортумберленду нельзя было позволить еще одно предательство. Королю пришлось отменить спланированную экспедицию в Уэльс и отправиться на север. Генрих начал систематически расправляться с северными городами, сочувствовавшими бунтовщикам. Нортумберленд пытался найти поддержку в Уэльсе, но восстание начало затухать, а короткой поездкой во Францию Нортумберленд ничего не добился: у французов хватало своих проблем. В отчаянии Генри Перси решил рискнуть и поставить на кон все: в 1408 году вторгся в Англию из Шотландии. Армия у него была крошечная – вероятно, не более нескольких сотен, самое большее тысяча человек. Вдобавок к тем солдатам, которых он привлек в Шотландии, Перси призвал в армию слуг из своих северных поместий; примкнули к нему и сторонники епископа Бангора и аббата Хэйла. Вторжение оказалось недолгим. Король Генрих был еще в пути, когда шериф графства Йоркшир сэр Томас Рокби с поспешно поднятым войском встретился с людьми Нортумберленда возле Нейрсборо и гнался за ними двенадцать миль на юг, к Тадкастеру. Нортумберленду пришлось ретироваться, и он отошел на четыре мили к западу, к Брамем-Мур. Перси нашел место для обороны и стал дожидаться Рокби. Тот явился утром 14 февраля 1408 года вместе с лучниками и атаковал Нортумберленда. Результат этой битвы никем не оспаривается: армия мятежников была разгромлена, очень мало кому удалось вернуться в Шотландию. Сам Генри Перси яростно сражался, но был убит; мертвое тело четвертовали, а голову вывесили на Лондонском мосту. Король Генрих отправился на север и свершил возмездие; помогала ему толпа информаторов, страстно желавших доказать свою лояльность и пользовавшихся возможностью рассчитаться по старым долгам. Среди казненных был аббат Хэйла, но о судьбе епископа Бангора хронисты молчат. Генри Перси был лишен титула, а его поместья конфискованы на основании парламентского акта⁷⁷.

Между тем гражданская война во Франции не дала воспользоваться проблемами английского короля. Если бы Францию не раздирали междоусобицы, то, воспользовавшись финансовыми затруднениями Генри, французы могли бы легко захватить Аквитанию, но приступы безумия у Карла VI учащались, власть была у герцогов Бургундского и Орлеанского, однако цели у них были разными. Их враждебность дошла до того, что в ночь на 23 ноября 1407 года, всего через несколько дней после примирения между ними, на герцога Орлеанского в Париже было совершено нападение, и его забили до смерти. Сначала ему отрезали руку, чтобы он не наслал проклятие на нападавших. Все верили, что убили его по наущению герцога Бургундского (говорили, что несколько дней спустя тот и сам это признал).

Франция разделилась на два военных лагеря. Дело покойного герцога Орлеанского перешло к тестю его сына, графу Арманьяку, который дал свое имя фракции орлеанистов. Эта группа контролировала Францию к югу от реки Луара и меньшую часть английской Аквитании, а бургиньоны господствовали на севере (включая Париж), во Фландрии и в большей части Голландии. Бретань, как обычно, сохраняла нейтралитет, Нормандия тоже не хотела принимать чью-либо сторону. Герцог Бургундии уже подписал торговое соглашение с Генрихом IV, и угроза Кале со стороны Фландрии уменьшилась, возобновилась торговля английской шерстью, да и казна немного оздоровилась.

В 1411 году Париж осадили арманьяки, и герцог Бургундский обратился к Генриху IV за помощью. На тот момент принц Уэльский был председателем королевского совета, поскольку отец болел, и в сентябре английская армия, состоявшая из 800 конников и 2000 лучников под командой племянника архиепископа Кентерберийского – тридцатилетнего Томаса Фицалана, графа Арундела, – высадилась в Кале. Затем войско проследовало в Аррас, соединилось с освободительной армией бургиньонов и двинулось на Париж. 9 ноября 1411 года Арундел штурмом взял предместье Парижа Сен-Клу, после чего вернулся в Кале и

---

⁷⁷ К акту, или биллю, осуждавшему за государственную измену, часто прибегали, когда правительство не хотело рисковать и устраивать судебное разбирательство. На основании этого документа человек объявлялся виновным, в данном случае обвинили покойного. Титулы и земли были возвращены Хотсперу Генрихом V, а нынешний глава семейства Перси – двенадцатый герцог Нортумберленд.

отплыл в Англию.

На следующий год король поправился, и принц отошел в сторонку. Теперь англичане стали помогать арманьякам, пообещавшим в обмен на военную помощь в их борьбе против бургиньонов поддержать присоединение Аквитании к Англии, то есть то, что уже утвердил английский парламент. Четыре тысячи человек под командой второго сына короля Генриха, Томаса Ланкастера (ставшего недавно графом Албемарлом и герцогом Кларенсом), высадились в Нижней Нормандии. Согласно хронике Брута, высадке 7000 конников (возможно, их было гораздо меньше) под предводительством некоего «лорда Хамбе» пытались помешать. Ланкастер одержал над ними победу, взял пленных и двинулся на юг, чтобы соединиться с арманьяками в Пуату. Когда армия пришла туда, оказалось, что два французских герцога – молодой Орлеанский и Бургундский – сумели прийти к временному соглашению, и Кларенс повел свою армию через южную Францию к английскому Бордо, сжигая и грабя все на своем пути. Домой он согласился уйти только после того, как арманьяки ему заплатили. Краткое перемирие между двумя французскими фракциями позволило англичанам получить от обоих герцогов согласие на аннексию Аквитании, но поскольку ни арманьяки, ни бургиньоны не могли сказать что-либо от имени короля, как и от имени французского правительства, согласие это осталось незаконным и бесполезным. Впрочем, и мир был вскоре нарушен: в 1413 году в Париже бургиньоны напали на сторонников арманьяков, начали убивать их и поджигать их дома. Беспорядки утихомирило только появление армии арманьяков во главе с девятилетним дофином Карлом. Герцог Бургундский вынужден был сдать Париж арманьякам, после чего бежал во Фландрию и начал искать поддержки англичан.

20 марта 1413 года король Генрих IV скончался в возрасте сорока семи лет. Его могила в Кентерберийском соборе находится против гробницы Черного Принца, в смерти сына которого был повинен Генрих, – ирония судьбы, на которую в то время вряд ли кто обратил внимание. На его портрете мы видим старое, обрюзгшее лицо, кажется, что оно принадлежит другому человеку. Энергичного любителя поединков, хорошо образованного, красноречивого и общительного Генриха Болингброка поддержало большинство населения, которое и помогало ему в смещении Ричарда II. По свидетельству хронистов, Болингброком восхищались за «мужество, которое он проявлял неоднократно». Однако же, став королем, он столкнулся с несговорчивым парламентом, и во время его четырнадцатилетнего правления было по меньшей мере восемь мятежей. С годами Генрих становился все подозрительнее, болезнь его прогрессировала, и корону он удерживал за счет компромиссов, позволяя парламенту отбирать у себя королевские prerogatives. Хотя, в отличие от Ричарда II, Генрих притязал на французский трон, но мало что сделал для этого, и война во время его правления ограничивалась набегами, пиратством и блокадой. Главной заботой Генриха было подавление валлийского восстания Овейна Глендауэра, к тому же ему постоянно приходилось разбираться с другими мятежами, а денег на походы в Европу не было. Он не много сделал и для организации и тактического развертывания английской армии, правда, поспособствовал совершенствованию артиллерии, которая в большинстве армий пока не влияла на исход битвы.

Хотя волнения в Уэльсе продолжались и после кончины Генриха, перед последним бунтом Нортумберленда они все же шли на спад. Овейна Глендауэра поддерживали многие, возможно, что в их числе было большинство урожденных валлийских аристократов, но только не простые люди, не валлийцы английского происхождения и не английские поселенцы, так что Глендауэр контролировал лишь ограниченные районы Уэльса. На море всем заправляли англичане, и, за исключением нескольких высадок французов, Глендауэр не мог получить подкрепления водным путем. Большинство замков были недоступны, а те, что пали под напором мятежников, быстро вернулись к своим хозяевам. Англичане укрепили приграничную полосу, окружили мятежников и не допускали к ним сочувствующих из Англии, а когда валлийцы совершали вылазки в Шропшир, конные отряды англичан тотчас пускались за ними в погоню. Государственные маршруты поставок в Уэльс и из Уэльса

охранялись, но поставщиков-валлийцев английские солдаты не пропускали. Многие родственники Глендауэра, включая жену, были арестованы и заключены в Тауэр; по крайней мере один сын был убит, возрастало число жертв среди старших командиров. По мере оздоровления английской казны солдатам стали платить, оплачивались и военные поставки, Глендауэру же приходилось рассчитывать только на деньги, полученные за выкуп пленных, а когда тех не стало, он занялся грабежом соплеменников. Такая политика не снискала ему поддержки населения. Восстание длилось так долго оттого, что мятежники придерживались очень разумной тактики: в обычные битвы они не ввязывались, а совершали набеги, устраивали засады, привлекали снайперов, после чего потихоньку сбегали в горы. Но партизаны войну не выигрывают, а вот упорная политика взятия на измор, контроль побережья, оборона приграничной полосы и привлечение денег для продолжения кампании даже во времена финансовых трудностей привели, в конце концов, англичан к победе. Генрих IV немало тому поспособствовал. Судьба Глендауэра остается неизвестной. Поскольку его так и не поймали, думают, что в 1415 году он скончался, но как это произошло и где его тело, так и осталось загадкой.

Шотландия тоже перестала быть проблемой со времен последнего вторжения Нортумберленда. Умная разведка и искусное мореплавание позволили в марте 1406 года похитить наследника шотландского трона Джеймса Стюарта (позднее короля Шотландии Якова I). Он был захвачен на море, когда плыл в школу во Францию. Англии повезло, что отец мальчика Роберт III умер месяц спустя: это позволило заключить в Тауэр еще одного короля Шотландии. Обращались с Джеймсом хорошо, однако он 18 лет оставался узником, что помогало Англии держать в безопасности свои северные границы.

Возможно, Генрих IV не смог или не сумел продолжить войну с Францией, зато его сын и наследник точно был на это способен. К моменту восшествия на трон Генри Монмут зарекомендовал себя в Шрусбери как солдат, и хотя там он следовал указаниям более опытных командиров, тем не менее продемонстрировал отвагу и понимание управления боем, да и в валлийских войнах, пока болел отец, он отвечал за подавление бунтов. Монмут научился контролировать армию в отсталой стране, понял, как следует вести осаду, осознал важность таких предметов, как мобилизация и разумная логистика, и все это принесло ему успех в последующих кампаниях. Во времена ученичества многие смотрели на Генри как на юнца – любителя вина, женщин и сомнительных компаний. Он и в самом деле часто ссорился с отцом, иногда спорил с ним в вопросах иностранной политики и даже создал свой двор в пику отцу. Но после смерти Генриха IV сын оставил неблагоприятное поведение в прошлом.

В Британии двадцать первого века королева является главой англиканской церкви, но на деле религия не имеет основополагающего влияния ни на управление страной, ни на жизнь большинства людей. В Средневековье все было по-другому: любое решение правительства и короля должно было учитывать позицию Церкви. В сегодняшней светский и циничный век нелегко осознать влияние религии на наших средневековых предков. Религия была мощным инструментом социального контроля⁷⁸. В средневековой Англии наказ короля был убеждающим, и вдвойне убедительным делало его то, что это наказ всевышнего. Были, конечно же, люди, которые смотрели на все по-другому, что сейчас мы назовем научным подходом – никто из образованных людей не считал, что Земля плоская, – однако колдовство и магия процветали вплоть до шестнадцатого века. (Инквизиции, порицавшей колдовство и сжигавшей ведьм, в Англии никогда не было, а причиной тому наравне с теологией было то, что она имела иностранное происхождение.) Тем не менее обычный человек был крайне суеверным. Он верил, что после смерти пойдет на небеса, если будет усердно молиться и исполнять церковные заповеди, в противном случае ему предстоит

---

⁷⁸ В некоторых странах мира такое положение сохраняется до сих пор: Индия давно избавилась бы от коммунистических идей, если бы не индуизм, проповедующий принятие существующего социального порядка в надежде на то, что хорошее поведение в этой жизни обеспечит реинкарнацию более высокого уровня после смерти.

крайне неприятная вечность в аду, о чем постоянно напоминало изображение Страшного суда над церковными дверями. Необъяснимые явления – внезапный шторм, землетрясение, болезнь – были либо знаками недовольства господя, либо происками дьявола.

В любом веке необразованные и никуда не выезжающие люди весьма суеверны, невежественное население исповедует религиозный фундаментализм, однако гораздо труднее ответить на вопрос, отчего и великие люди верили в реальность ада и рая. Во всяком случае, они так говорили, и число часовен, построенных знатью, и денег, отпущенных религиозным орденам, вроде бы доказывает, что они говорили правду; об этом свидетельствуют и слова, сказанные ими в предсмертные минуты. Впрочем, многие дары и декларации могли быть сделаны в надежде, что после смерти их имена останутся в истории. Мы можем задаваться вопросом, насколько искренними были религиозные верования, по крайней мере среди богатых и образованных, но ничуть не сомневаемся во власти и влиянии Церкви. Хотя монополией в области образования уже не обладала – правительственным структурам все больше требовались люди, умеющие читать, писать и считать, – она извлекала выгоду из всех правительственных начинаний. Архиепископы становились канцлерами, епископы вели за собой армии, местные правительства в графствах не могли ничего сделать без согласования с приходом; Церковь была одним из самых крупных землевладельцев королевства, причем сказочно богатым. В отличие от наших дней, когда большинство британских епископов происходят из низшего среднего класса, в Средневековье епископами становились члены знатных семейств, и они имели огромное влияние как в самой Церкви, так и вне ее пределов. Международная дипломатия творилась клириками, а папа, будь он в Риме или Авиньоне, имел влияние во всем мире.

Поддержание статус-кво было в интересах Церкви, а в интересах светской власти – поддержка духовенства; доказательством страха перед ересью является то, что ее упорно старались подавить⁷⁹. Понятно, что некоторые эзотерические аргументы, противоречившие принятым учениям, еще можно было вытерпеть – много энергии было потрачено, например, на споры о том, сколько ангелов поместится на булавоочной головке⁸⁰, либо об относительной бедности Иисуса Христа, – однако то, что наносило удар по силе и влиянию Церкви, должно было быть искоренено.

После первой вспышки чумы возникли странные культы и странные верования; одной из самых распространенных ересей того времени было движение лоллардов. Участники этого движения исповедовали учение Джона Уиклифа, богослова, родившегося примерно в 1330 году. Уиклиф подвергал сомнению авторитет папы, перевел Библию на английский язык и выступал против доктрины пресуществления. К выступлению против папы многие англичане и немалое число английских священников относились с сочувствием, но перевод Библии на национальный язык был совсем другим делом. Священникам по службе положено в нужном смысле интерпретировать библейскую латынь, а если простые люди станут самостоятельно изучать Библию, вчитываясь в текст, увидят несоответствия, то, возможно, подвергнут сомнению все Писание. Доктрина пресуществления тем не менее проповедовала, что хлеб и вино превращаются в плоть и кровь Христову, после того как верующий их вкушает. Справедливость этого утверждения может быть оспорена, и само высказывание основано на вере, а не на науке, но в это верили и до сих пор верят, и некоторые христианские церкви до сих пор это проповедуют⁸¹. Уиклиф говорил, что превращение это

---

⁷⁹ Ересь можно определить как несогласие с ортодоксальным учением Церкви. Чтобы избежать кривотолков, удобно воспользоваться определением Майкла Ламберта, специалиста по средневековым культам: «Ересь – это то, что недвусмысленно или неявным образом осудило папство». (*Medieval Heresy*. Blackwell, Oxford, 1992).

⁸⁰ Это был не такой глупый спор, как может показаться. Разговор шел о том, как мелко можно что-то разделить и существует ли частичка, которую поделить невозможно. По сути, это была предтеча атомной теории.

⁸¹ Существует ряд верований, придерживающихся теории, что поедание тела или частей тела мертвого героя, или мертвого врага, или мертвого животного, например льва, дает человеку качества этого человека или

символическое, а не настоящее, тем самым подрывая догмат церковного учения, и папа его проклял. Уиклиф уцелел, частично благодаря протекции Джона Гонта, частично благодаря тому, что университет Оксфорда не захотел, чтобы его докторами управляла церковь. Так что в 1384 году Уиклиф мирно скончался в своей постели.

Лолларды (бормочущие молитвы) зашли немного дальше, чем, вероятно, хотелось того Уиклифу. Им не нравилось, что папа взимает налоги с английского духовенства, правда, в этом отношении они отражали взгляды большинства англичан, включая и Эдуарда III. Они выступали против всевластия папы и коррупции в церкви. Если бы они на этом остановились, это могло бы сойти им с рук, но когда они объявили папу Антихристом, выступили против церковной иерархии и, начиная примерно с 1380 года, стали рассылать по стране проповедников с английскими Библиями, то превратились в настоящую угрозу установленному порядку, и их объявили еретиками. Сам Уиклиф, в отличие от последователей, не поддержал крестьянскую революцию. Тех же, кто поддержал, назвали бунтовщиками.

До тех пор ересь считалась не гражданским преступлением, а церковным, и с ней разбирались в церковных судах. Виновные отделялись штрафом, в тюрьму их не сажали и к смертной казни не приговаривали. В 1401 году архиепископ Арундел убедил недавно коронованного Генриха IV объявить ересь светским преступлением, а это означало, что человек, названный в церковном суде виновным, мог быть передан гражданскому суду и приговорен к сожжению. Во время правления Генриха IV сожгли двух лоллардов. Такой казни мог быть предан только закоснелый еретик, а отрекшиеся от своих взглядов получали прощение, так что многие благоразумные граждане в последний момент отрекались от ереси. Одним из приговоренных к смерти был Джон Бэдби: если верить средневековым свидетельствам, его должны были сжечь в бочке. Произошло это при Генри Монмуте, на ту пору принце Уэльском. Огонь был разожжен, жертва начала кричать. Монмут приказал погасить огонь, жертву вынули из бочки, пообещали прощение и пожизненную пенсию, если отречется от ереси. Бэдби отказался; тогда Монмут приказал снова засунуть его в бочку и разжечь огонь. Упрямый еретик был сожжен.

Все короли выражали церкви поддержку, даже если время от времени возражали против каких-то ее действий, а Генрих V, согласно свидетельствам, подчеркивал свое уважение. Это могло быть и лестью, но поскольку о религиозности Генриха упоминается чаще, чем о вере его предшественников и преемников, то можно заключить, что религия играла значительную роль в его образе мыслей. В наше время невозможно сказать, искренне ли он верил в то, что находится под защитой бога, или это была пропаганда, направленная на подкрепление его прав, а может, таким образом он хотел подбодрить армию и народ. На протяжении его правления все верили, что Генрих воистину религиозный человек, более того, фанатик. Фанатики, однако, не ведут за собой массы, по крайней мере в Англии, так что хотя Генрих и в самом деле был по-настоящему верующим человеком, он одновременно являлся ловким политиком, понимавшим важность столь мощного бастиона, как церковь.

Генрих Монмут, по описаниям современников, был высоким, стройным и мускулистым человеком с миндалевидными глазами и густыми каштановыми волосами, характер у него был целенаправленный, он сказал, что будет притязать на французский трон, и все делал для этого. Необычным казалось то, что у него не было любовницы, хотя никто не утверждал, что у него что-то не в порядке с сексуальными наклонностями. Генриха V короновали в Вестминстере в Страстное воскресенье, 9 апреля 1413 года. В тот день случился снегопад, и многие посчитали такое погодное явление предзнаменованием, только не могли определить, каким именно. Первое, что сделал Генрих, – заверил парламент и магнатов в том, что он намерен управлять справедливо и оздоровить армию. В правительство он привел своих сторонников Томаса Фицалана, Томаса Бошана и графа Уорика, а в качестве канцлера пригласил двоюродного дядю – епископа Бофорта, сына Джона Гонта от третьей жены и

бывшей любовницы Кэтрин Суинфорд. Король сохранил многих чиновников своего отца, хотя и уволил верховного судью короля сэра Уильяма Гаскойна⁸². Из желания залечить старые раны он освободил из-под домашнего ареста кандидата на трон графа Марча, эксгумировал из церкви Кингс-Лэнгли останки Ричарда II и перенес с большими почестями в Вестминстерское аббатство, в гробницу, которую сам Ричард когда-то для себя подготовил.

Почти немедленно, однако, новый король занялся ересью лоллардов в лице сэра Джона Олдкасла и его сторонников. В 1413 году Олдкаслу исполнилось тридцать пять, он был верным слугой короны и опытным солдатом, участвовавшим в шотландских войнах и во Франции, когда в 1411 году английская армия пришла на помощь герцогу Бургундии; в бытность Генриха V принцем Уэльским он подавлял валлийские бунты. Олдкасл был членом парламента и служил шерифом Херефордшира. Возможно, что Олдкасл давно придерживался неортодоксальных взглядов – Херефордшир был известен религиозным радикализмом, – однако только после восшествия Генриха V на престол против него открыто выступил архиепископ Арундел, и Олдкасл оказался первым известным мирянином, которого судили за ересь⁸³. Когда Олдкасл разразился тирадой против папы и прелатов, его передали гражданским властям, а те от имени короля, который не захотел видеть старого друга, заточили Олдкасла в Тауэр и дали ему возможность раскаяться. Олдкаслу удалось бежать, и он попытался организовать бунт с целью похищения короля. Бунт этот вряд ли можно было назвать мятежом: до серьезной попытки уничтожить существующие религиозные учреждения было далеко, – скорее это была отчаянная реакция человека, хотевшего отомстить за то, как с ним обошлись. Активные участники – не более нескольких сотен – были вызваны в ночь с 9 на 10 января 1414 года в пригород Лондона Сент-Джайлс-Филдс, им предложили подготовиться к маршу на Лондон и аресту короля. Заговор, однако, был выдан властям, и мятежники попали в засаду. Олдкасл бежал, но большинство его сторонников были окружены. Более сорока человек казнили, в том числе семерых лоллардов сожгли как еретиков. Несмотря на то что Олдкаслу несколько раз предлагали повиниться, он продолжал упорствовать; несколько человек, защищавших его, были наказаны, по крайней мере один из них казнен, а сам Олдкасл все еще оставался на свободе, пока его не схватили в ноябре 1417 года, приговорили к сожжению, что и осуществили 15 декабря. Бунт лоллардов был последней серьезной угрозой Генриху V. Он восстановил в королевстве порядок, утихомирил Уэльс и рассеял сомнения относительно легитимности ланкастерского наследования. Теперь он мог обратить свою неиссякаемую энергию на восстановление английских прав во Франции.

---

⁸² Предполагают, что случилось это оттого, что Гаскойн отправил Генриха, на ту пору принца Уэльского, в тюрьму за то, что принц вмешался в судебное разбирательство одного из его слуг, но, поскольку нет свидетельства, что этот инцидент имел место, наиболее вероятной причиной увольнения было вольнодумство Гаскойна и то, что в 1405 г. он отказался пытать архиепископа Скроупа.

⁸³ Известно, что ряд аристократов сочувствовали лоллардам, но не решались на бунт.

Глава девятая

«Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом...»⁸⁴

Король в двадцать пять лет, палач французских аристократов в двадцать семь, регент и признанный наследник французского трона в тридцать два и покойник в тридцать четыре... Если бы Генрих V остался жив, история Европы могла бы стать совсем другой. Не много найдется англичан, даже сейчас, кто не испытывал бы гордость, думая о Генрихе V. Он сформировал английскую историю, то, что он сделал и кем он был, до сих пор отражается на отношениях Англии и Франции. Это был король, сознательно воспитавший у народа ощущение своей национальности, Генрих V первым стал писать письма по-английски и предпочитал говорить на этом языке, а не на норманнском французском. Он был естественным и харизматическим лидером, который если и не изобрел английский национализм, то сознательно взрастил его вместе с гордостью за себя и за свой народ. Генрих был мастером пропаганды и умело пользовался ораторскими приемами, он повторял, что главной его заботой является благополучие народа, и в этом был искренен. Несмотря на свою религиозность, он, разумеется, не был образцом христианской добродетели. Генрих мог быть жесток и негибким, безжалостен, груб, замкнут, вспылчив, частенько непоследователен, но при этом был убежден, что находится под защитой Бога, однако хорошие люди войны не выигрывают. Генрих V является одним из наших великих королей, если не самым великим.

Задолго до того как стать королем, Генрих вознамерился притязать на французский престол. Взойдя на трон, он тотчас послал во Францию эмиссаров, и в Англию прибыли французские послы. Поначалу король попросил признать Аквитанию полностью английской, но после того как его просьбу отвергли, прозвучало более жесткое требование: ко всему тому, что зафиксировал в 1360 году договор в Бретиньи, французам надлежало выплатить до марта 1415 года оставшуюся часть выкупа за Иоанна II и передать Англии Нормандию. В требованиях, изложенных дофину, Генрих настаивал на возвращении всех французских земель, потерянных двести лет назад королем Иоанном, плюс к тому просил руки одной из дочерей Карла VI, притязая тем самым на французский престол. Генрих подчеркивал, что требует только то, что принадлежит ему по праву, но ни одно французское правительство не могло согласиться на реставрацию Анжуйской империи короля Иоанна Безземельного. Переговоры продолжались, но к весне 1414 года Генрих понял, что французы попросту тянут время и не собираются идти на компромисс. Возможно, все, что могли предложить французы, Генриха все равно бы не устроило: он решил ввести во Францию армию, и переговоры были лишь ширмой.

С самого начала 1414 года Генрих начал готовиться к войне. Были построены корабли, поставщики рыскали по всему королевству, скупали провизию и снаряжение, шла подготовка капитанов и солдат. К тому моменту сложилась система: капитаны и командиры свит заключали договор либо с вельможей, либо непосредственно с короной, набирали какое-то количество солдат (лучников, пехоту, канониров, мастеровых) за согласованную ежедневную плату. За пятьдесят лет сумма не менялась – тринадцать шиллингов четыре пенса герцогу; шесть шиллингов восемь пенсов графу; четыре шиллинга рыцарю-баннерету; шесть пенсов лучнику. За шиллинг в день тяжеловооруженный всадник исполнял ту же работу, что рыцарь за два шиллинга – стоял в одном ряду с пехотой, – при этом он мог отличиться, и его возводили в рыцарское звание. За первые шесть месяцев кампании капитану выплачивали половину денег, выдаваемых всему его отряду. Договор оформлялся на листе пергамента, текст писали дважды, и документ разрывали на две части, одна часть доставалась капитану, другая – нанимателю. В случае несогласия или обвинения в подделке эти две части складывали рядом и сличали по линии разрыва. В последней кампании договор заключали на год, а это означало, что Генрих предполагал долгую войну, однако в 1414 году

---

⁸⁴ Боевой клич короля Генриха V.

денег в казне не доставало даже на шесть месяцев. В ноябре 1414 года парламент выдал королю двойную субсидию, согласившись тем самым на войну. Некоторым командирам свит выделили драгоценности из королевской казны, а солдатам командиры платили из собственного кармана. Предположительно Генрих надеялся на быструю победу или по крайней мере на большую добычу и богатый выкуп, поскольку надо было выкупить драгоценности и обеспечить кампанию в первые шесть месяцев. Он действовал, как азартный игрок в рулетку, шедший с тремя миллионами на войну, стоившую шестнадцать миллионов. Но ведь Генрих всегда прав и господин на его стороне.

Хотя ни Ричард II, ни Генрих IV не изменили базовую структуру английской армии, после победы при Креси в 1346 году пропорциональное число лучников по отношению к пехоте постоянно возрастало. Лучники доказали свою ценность. Они были подвижны, в случае необходимости могли выступать как легкая пехота, садясь на лошадь, действовали как легкая конница, а то и как разведка, к тому же и обходились неизмеримо дешевле прочих пехотинцев. К настоящему моменту был принят следующий боевой порядок: три лучника к одному тяжеловооруженному, и хотя не в каждой свите и не в каждом отряде придерживались указанной пропорции, королевские чиновники добились, чтобы у армии в целом было именно такое соотношение. Было также примерно 250 человек, формировавших собственные свиты, отличавшиеся по размеру от тех, что были у великих магнатов, таких как братья короля герцоги Кларенс и Глостер, представившие соответственно 960 и 800 солдат, в то время как менее знатные дворяне могли привести с собой человек десять а то и меньше. Случалось, дворянин приходил с единственным лучником.

Вдобавок к королевским свитам, куда более многочисленным, чем в любой предыдущей английской армии, было немало таких, в основном лучников, кто самостоятельно заключал контракт. Этих людей, конечно же, пристраивали в отряды к опытным командирам, и те обучали добровольцев стандартным армейским процедурам. Местом сбора был назначен Саутгемптон, где, как и в других южных английских портах, стояли корабли. Командиры королевских свит ждали, когда им прикажут выйти в Саутгемптон. Поначалу король намеревался собрать армию к 1 июля 1415 года, однако все пошло не так быстро, как того хотелось. Герцог Глостер держал свою баталию под Ромси, 16 июля он взял под команду сто девяносто пехотинцев и шестьсот десять лучников, а герцог Кларенс в Нью-Форест принял в свое войско восемьсот человек, набранных из шестидесяти девяти отдельных отрядов. В целом армия насчитывала примерно 12 000 солдат – 9000 лучников и 3000 тяжеловооруженных пехотинцев из 56 свит, готовых отплыть во Францию. Это была самая большая английская армия со времен Эдуарда III; впрочем, общее количество людей, которых надо было перевезти на континент, было гораздо больше. В свою кампанию Генрих взял сто двадцать шахтеров из леса Дин, завербовал семьдесят пять артиллеристов, множество мастеров, изготавливавших луки и стрелы, кузнецов, оружейников, пекарей, мясников, а также слуг, грумов, чиновников и пажей. Во Францию поехали священники и хирурги.

Хронисты пишут, что для транспортировки армии потребовалось 1500 судов, правда, некоторые историки думают, что это еще одно преувеличение. Общее число могло быть, не считая корабельных команд, примерно 14 000 человек. Перевезти требовалось также лошадей, повозки с багажом, продуктами для людей и фуражом для лошадей, осадные машины, пушки и ядра к ним, запас стрел для лучников. На корабли, кроме того, погрузили большое число палаток. Провиант состоял из солонины, рыбы, эля и муки. Мясной скот везли вместе с перегонщиками. С учетом всего изложенного – численности людей, лошадей, скота и багажа – кораблей и в самом деле требовалось много. Цифру 1500 называет Томас Уолсингем, признанный одним из самых точных историков того времени, а также сопровождавший экспедицию анонимный автор «Деяний Генриха V», так что нет причины в ней сомневаться, особенно если принять во внимание капризы погоды. Получается, что переправить такую армию на меньшем количестве кораблей было попросту невозможно.

При таком огромном количестве собранных в одном месте солдат, животных и кораблей невозможно было утаить военные приготовления, да и французские послы, которые почти до последнего момента посещали страну, прекрасно видели происходящее и сообщали обо всем своим властям. Подготовки армии Генрих скрыть не мог, но ему надо было скрыть, куда эта армия направляется. Кроме нескольких доверенных старших командиров и одного или двух капитанов, никто не знал, куда будет осуществлено вторжение. Большинство наблюдателей и участников – французы и англичане – предполагали, что армия высадится в Кале, в порту, который прочно удерживался англичанами, тем более что кратчайший путь туда через канал. Другие предполагали, что король повторит маршрут Эдуарда III – экспедицию 1346 года – и высадится на полуострове Котантен в Нормандии, либо, вслед за операцией Черного Принца в 1356 году, армия начнет вторжение из Бордо. И только поздно вечером командам кораблей сообщили о месте назначения, и войска вместе с припасами погрузились на борт.

Между тем была окончательно задушена оппозиция ланкастерскому наследию. Пока король наблюдал в Портчестере за последними приготовлениями к экспедиции, молодой граф Марч сообщил всем о существовании заговора, вынашиваемого несмирившимися сторонниками Ричарда II. В убийстве Генриха мог быть заинтересован сам граф Эдмунд, законный преемник Ричарда II по праву первородства. Впрочем, его, казалось бы, бескорыстный поступок был вызван осознанием того, что заговорщики некомпетентны и осуществить задуманное им не удастся, а в самом начале похода против ненавистной Франции это произведет на всех плохое впечатление. Зачинщики Саутгемптонского заговора, включая еще одного Скроупа, были арестованы, и после поспешного судебного разбирательства брат короля их казнил.

На посадку людей и погрузку припасов ушло три недели, и 7 августа 1415 года король Генрих вместе со своим ближайшим окружением взшел на борт «*Le Trinite*», самого большого корабля флотилии водоизмещением пятьсот тонн. Он подал сигнал всем кораблям об отплытии из Саутгемптона. Через четыре дня, в воскресенье, 11 августа 1415 года, флот взял курс на Францию, место назначения – Арфлер.

В наши дни мало что осталось от средневекового Арфлера, разве только фрагменты осыпающейся крепостной стены. Арфлер превратился в предместье портового Гавра, построенного в шестнадцатом веке. Генрих выбрал правильный пункт назначения, поскольку Арфлер стоял в устье Сены и захват этого города позволил бы королю нанести удар по Парижу, а потом пойти на запад и на юг – в Руан и Нормандию. Через Арфлер король намеревался получить подкрепление. Здесь он заблокировал бы главный французский торговый путь, что было важно, поскольку у Франции имелось превосходство на море. Вдобавок Генрих мог уничтожить гнездо пиратов и не пустить в море французские галеры с верфи в Руане. Да, выбор и в самом деле был хорош, Генрих надеялся, что придет туда без задержки, однако задача оказалась не такой простой, как он думал.

Переправа из Саутгемптона заняла три дня, и 14 августа первые корабли подошли к месту, которое англичане по-прежнему называли Сен-Дени-Шеф-дю-Ко⁸⁵. Деревня эта находилась на побережье, в шести с половиной милях к западу от Арфлера. Десантная операция, в каком бы веке ни осуществлялась – в пятнадцатом или в двадцать первом, – наиболее опасна в момент высадки, но французы и не пытались помешать Генриху. Они должны были узнать от рыбаков, что армия в пути, и если бы у них была хоть какая-то береговая охрана, как в Англии, они бы легко определили, в каком месте высадится противник, и учинили бы побоище, пока корабли подходили к берегу, пока солдаты пробирались к суше, выгружали лошадей и снаряжение. Случилось то, что случилось: люди Генриха беспрепятственно высаживались на берег, и ушло у них на это три дня. Король

---

⁸⁵ Деревня с таким названием была уничтожена наводнением 1370 г., но была восстановлена, и ее называли Сент-Адресс (это название она сохранила до сих пор). Поскольку святого по имени Адресс не существует, то, возможно, это проявление французского юмора, непонятного англосаксам.

отдал строгий приказ относительно поведения солдат. Обычной практике резни, поджогов и грабежей был положен конец. Генрих был легитимным королем Франции и не собирался третировать собственных подданных. Ни один священник, ни одна женщина не могли быть обижены при условии, что при них не было оружия и они не имели агрессивных намерений. К церквям и другим святыням солдаты также должны были проявлять уважение. Проституткам вход в военный лагерь был закрыт, но если кого-то из женщин обнаруживали, тотчас ломали ей левую руку и выгоняли прочь. Запреты были введены из соображений безопасности, а не ради морали.

18 августа отряд под командой герцога Кларенса приблизился к Арфлеру, но запоздал, и в юго-восточные ворота города успело войти подкрепление, состоявшее из четырехсот тяжеловооруженных всадников, зато герцог не допустил медленно двигавшийся из Руана конвой с порохом и арбалетами. В диаметре Арфлер занимал три мили, городок окружала толстая высокая стена с башнями и тремя воротами – на северо-востоке, юго-востоке и юго-западе. Стены были защищены крепкими, соединенными друг с другом барбикенами. Горожане вырыли глубокий ров шириной в два копья (двадцать футов) и окружили город со всех сторон земляными валами и канавами. Земля в этих местах плоская, болотистая, французы расширили природные ямы, и территория превратилась в сплошное болото. Гарнизон насчитывал семьсот человек, а руководил им компетентный командир Ральф де Гокур, ранее ему приходилось командовать подкреплениями. В городе имелось достаточно орудий, и провизии хватало на то, чтобы выдержать по меньшей мере месячную осаду, но Гокур твердо рассчитывал на то, что и месяца не пройдет, как к нему подоспеет помощь из Руана, тем более что оттуда до Арфлера каких-нибудь пятьдесят миль или два дня энергичного марш-броска.

Как мы уже убедились, пушки мало чем помогли в кампаниях Эдуарда III и Черного Принца, возможно, их использовали при Креси, несколько таких орудий было при осаде Кале, но на конечный результат они повлияли мало. При Генрихе IV артиллерийская наука развивалась, а потому при Арфлере и защитники, и нападающие использовали пушки. Именно они заставят в конце концов отказаться от средневековой системы обороны и фортификации, основанной на высоких стенах и рвах, и хотя это время еще не наступило, артиллерия начинала играть все более важную роль. Генрих V назначил первого начальника артиллерии⁸⁶, в обязанности которого входил контроль за изготовлением пушек и хранением артиллерийских орудий и амуниции в лондонском Тауэре. На тот момент пушечные ядра были все еще каменными, попозже их заменят металлическими, но жерла пушек и ворота изготовляли из железа. Порох был ненадежен, поскольку селитра, из которой его делали, горела медленно, а правильное сочетание серы, селитры и древесного угля после смешивания, растапливания и высушивания с целью увеличения мощности пока не стало стандартным. Пушки представляли опасность. Было несколько инцидентов, вызванных неумелым обращением с орудиями: когда в них закладывали слишком много пороха, орудия разрывались и убивали канониров. Но если все шло хорошо, пушки могли выпустить снаряд весом до 200 фунтов, пробить в стенах отверстия, и если это получалось, городу наносился значительный ущерб. Орудия были тяжелыми, неуклюжими, с ограниченным радиусом действия, но польза во время осады от них имелась, хотя для использования их в полевой артиллерии нужно было еще много потрудиться.

После того как Генрих окружил Арфлер с суши и заблокировал подход к городу со стороны моря, выставив небольшие суда на протекающих в этих местах реках, он был готов к осаде. О блокаде, однако, он думал в последнюю очередь, поскольку на нее требовались время, люди и деньги, а потому он обратился к гарнизону с предложением сдаться, поскольку город по закону являлся частью Нормандского герцогства, составлявшего часть законного наследия Генриха. Король пообещал, что, если гарнизон сдастся, он не причинит

---

⁸⁶ Вплоть до последнего времени должность генерал-фельдцейхмейстера является одной из главных в британской армии.

никому вреда и город не будет разграблен. Неудивительно, что французы его предложение отклонили, и осада началась. Первой проблемой было подкатить осадные орудия как можно ближе к стенам. Англичане решили, что главным направлением атаки станут восточная стена и юго-восточные ворота, а потому принялись копать траншеи: под их прикрытием можно было передвигать орудия, не опасаясь арбалетчиков и пушек, установленных на городских стенах. Задача эта была трудной и неприятной, поскольку вода в болотах стояла высоко, но в конце концов пушки смогли начать обстрел юго-восточного барбикена и прилежавших к нему стен. Чтобы защитить пушки от огня противника, придумали хитроумное устройство, состоявшее из толстых деревянных досок, обитых железом. Устройство это в момент выстрела поднимали над пушками и опускали, защищая орудия от ответного удара. Французы не сидели сложа руки. Ночью они, как могли, исправляли нанесенный англичанами ущерб: в образовавшиеся бреши помещали ящики, наполненные землей или песком – в последующих войнах их называли габионами, – и засыпали улицы землей и навозом, это поглощало шум, и противник не догадывался, что каменные ядра падают в город и производят сильные разрушения. Зная о риске полномасштабной эскалады, де Гокур приказал поместить на стены бочонки с серой и негашеной известью, чтобы сбрасывать на нападающих, приготовил также лохани с краской, смолой и другими воспламеняющимися материалами, которыми намеревался воспользоваться для уничтожения осадных машин.

Несмотря на попытки защитников устранить ущерб, оборона постепенно начала рассыпаться, и Генрих приказал подготовить фашины – связки прутьев десять футов длиной. Фашины надо было сбросить в ров – по ним солдаты могли подобраться к стенам. Однако задание это было чрезвычайно опасным, и король решил попробовать подрыв. Саперам из Дина приказали сделать подкоп под ров и под стены, и они с энтузиазмом принялись за дело. Скрыть от защитников города это было невозможно, поскольку здешняя земля была очень болотистой, что страшно замедляло работу. Две попытки заложить заряд отразили французские саперы. В конце концов герцог Кларенс захватил один из окопов противника и превратил в опорный пункт, из которого можно было штурмовать стены. 10 сентября 1415 года армия понесла первую большую потерю – не от французских пушек и не от арбалетчиков, а от дизентерии. Ричард Кортенейский, епископ Норвича, пять дней болел и умер в воскресенье, 15 сентября. Генрих отправил его тело домой, в Англию (гробница епископа находится позади главного престола Вестминстерского аббатства).

Англичанам удалось частично затопить Арфлер, а расширенные французами канавы позволили запустить в систему городского водоснабжения нечистоты и отравить ее. Многие скончались уже в первые дни, и вскоре город был охвачен эпидемией. На следующий день после кончины епископа французы совершили вылазку и отвоевали окоп Кларенса. Их, правда, быстро отбросили, но защитники города, стоя на бастионе, до позднего вечера выкрикивали оскорбления в адрес англичан, называя их лентяями. Тем не менее 17 сентября англичане подожгли барбикен. Генрих снова послал в город гонцов с предложением сдаться, а сам приказал армии приготовиться к штурму. Всю ночь английские пушки бомбили стены, упреждая попытки защитников починить бреши, а латники наутро приготовились к атаке.

Штурм так и не состоялся. Дома в городе были сильно разрушены, значительны были и людские потери. Англичане отвели в сторону источник воды, провизия заканчивалась, свирепствовала дизентерия. В среду, 18 сентября, начальник гарнизона признал, что, если к 22 сентября не придет помощь, ему придется сдать город. Король Генрих принял знатных заложников Арфлера, объявил перемирие, и все обстрелы, подкопы и атаки прекратились с обеих сторон. Поскольку мольбы о помощи были отправлены и французскому королю, и дофину, де Гокур надеялся, что его спасут. К несчастью для него, у короля на тот момент был период безумия, а дофину, ленивому и порочному восемнадцатилетнему юнцу, были безразличны горести подданных. Не все солдаты короля Генриха были довольны: поскольку город сдался сам, то и возможности грабежа были сильно ограничены, в то время как в случае победоносного штурма солдаты согласно законам войны могли позволить себе разгуляться и захватить уйму добычи.

Утром 22 сентября 1415 года Рауль де Гокур и бывший начальник гарнизона д'Этутвилль предстали перед королем Генрихом и передали ему ключи от города. Английские солдаты принялись исправлять ущерб, который они причинили городу. Ящики с навозом подле захваченного барбикена две недели источали зловоние. Генрих изложил свои требования. Жителей, не занятых на городских работах, и солдат, за которых не ожидали выкупа, изгнали с оккупированной территории. 27 сентября де Гокуру, д'Этутвиллю и двумстам французским рыцарям и пехоте позволили уйти, взяв с них слово, что они заплатят за себя выкуп либо отдадут долг драгоценностями или столовым серебром. Генрих назначил своего дядю Томаса Бофора, графа Дорсета и адмирала Англии, смотрителем и командиром гарнизона Арфлера, в его распоряжении были сто пехотинцев и триста лучников. К тому моменту состояние здоровья солдат внушало серьезную тревогу. Боевых потерь было не много, а вот от дизентерии людей погибало все больше, вдобавок к этому солдаты стали травиться, наевшись то ли незрелых яблок, то ли морепродуктов, сваренных в зараженной воде. Точных цифр мы не знаем, но, согласно некоторым данным, 2000 английских солдат скончались и примерно такое же количество было отправлено в Англию, поскольку они были слишком больны, чтобы продолжать кампанию. Среди последних были герцог Кларенс, а также ставший совершенно лояльным Эдмунд Мортимер, граф Марч, и Джон Моубрей, второй герцог Норфолка и граф-маршал Англии⁸⁷.

То, что, по мысли Генриха, должно было занять у него несколько суток, растянулось на тридцать шесть дней, при этом армия сократилась на треть. Вызвано это было эпидемией, а в дальнейшем боевыми потерями, а также дезертирством. Последнее всегда является проблемой, когда армия стоит на месте и сражения не ожидается. Тем не менее королю удалось захватить большой порт, он проявил лидерские качества и доказал, что заботится о людях. Все хронисты отмечают, что Генрих почти не спал и на протяжении суток находился на осадной линии, подбадривая солдат. Такое поведение короля разительно отличалось от праздности и безразличия французских монархов.

Назрел вопрос: что дальше? Год заканчивался, армия сократилась, поход на Париж был сопряжен с большим риском, а фракции арманьяков и бургиньонов наверняка объединились бы против короля. Генрих не мог погрузиться на корабли и вернуться в Англию, поскольку парламент проголосовал за выделение средств на экспедицию и хотел результата. Следовательно, молодому королю нужна была решительная и очевидная победа. Он хотел осуществить большое шеваше в манере его предка Эдуарда III и двоюродного прадеда Черного Принца, однако, в отличие от предков, Генриху хотелось доказать, что французские граждане являются его законными подданными и обижать их нельзя. Нападать придется только на вооруженные отряды, а потому у Генриха оставалось два возможных решения: идти либо в английский Бордо, либо в английский Кале. До Бордо надо было преодолеть 450 миль по суше, на что уйдет добрый месяц⁸⁸, а фуража для лошадей оставалось совсем мало, да и провизию для солдат трудно сыскать. До Кале оставалось 170 миль, и Генрих прикинул, что если сократить багаж до минимума и посадить армию на лошадей, то можно покрыть это расстояние за восемь дней. Была, конечно, слабая вероятность, что он сможет одержать крупную победу и тогда не придется прибегать ни к одному из вариантов. Король направил к дофину гонца с предложением встретиться в единоборстве, где призом будет корона Франции. Предложение было мальчишеским, и дофин справедливо его отклонил. Принимая во внимание, что Генрих был тверже, сильнее и гораздо опытнее, дофин оказался бы глупцом, если бы согласился на поединок.

---

⁸⁷ В 1405 г. его брата казнили за предательство, но семья была прощена, возвращены и земли, и титулы. Семья сохранила право распределения наследственного имущества, и его прямой наследник (по женской линии, поскольку мужской род Моубрея пресекся) Эдвард Фицалан-Говард, восемнадцатый герцог Норфолка, является сегодня граф-маршалом Англии, ответственным за государственный церемониал.

⁸⁸ Это в лучшем случае; скорее всего понадобилось бы шесть недель.

Армия приготовилась к выступлению. О ее численности можно спорить, хотя в войске вряд ли было более шести тысяч солдат. Согласно хроникам, в нее входили 900 конных, 5000 лучников плюс герольды, священники, ремесленники и слуги. Они везли с собой провизию на восемь дней. С учетом породы лошадей, на которых ездил большинство всадников, животным требовалось в день как минимум десять фунтов твердой пищи (овса или ячменя) и столько же сена, то есть надо было перевезти примерно пятьдесят четыре тонны фуража, а кроме того, стрелы, шатры, кузнечные горны и снаряжение оружейников. Некоторые историки предположили, что этот груз перевозили вьючные животные, но поскольку лучшая вьючная лошадь может перевезти максимум 250 фунтов, то, чтобы перевезти все вышеупомянутое, потребовалось бы 484 лошади, не говоря уже о фураже, предназначенном для самих вьючных животных. Более вероятной представляется версия, что для этой цели использовались повозки – тридцать шесть повозок; если свести обоз к минимуму, все равно нужно было взять с собой семьдесят-восемьдесят повозок. Протяженность такого обоза составила бы полторы мили. С обозом тем не менее справиться намного легче, чем с табуном вьючных лошадей.

Решение Генриха двинуться к Кале, а не отправиться домой понравилось не всем. Некоторые советники заметили, что французы почувствуют себя обязанными вступить с ними в бой, а английская армия намного уступает в численности противнику. По слухам, Генрих ответил, что победу в бою решают не числа, а слова «божья воля» в бытность свою принц Уэльский часто употреблял в письмах во времена валлийских войн. В то время он еще писал на норманнском французском, но, став королем, перешел на английский язык. В самом ли деле он верил в то, что господь проявляет личный интерес к исходу сражений, неизвестно, но звучало это хорошо, к тому же Генрих очень верил в себя и в свою закаленную в боях армию, несмотря на то что теперь она сильно поредела. Во вторник, 8 октября, армия двинулась в поход; солдатам напомнили, что жечь и грабить строго запрещается. В двух милях к северу от Арфлера они окружили укрепленную деревню Монтивилье. Французы сделали вылазку. Бой был короткий, в этой потасовке несколько солдат Генриха были убиты и трое взяты в плен. Англичане время попусту не тратили, не пытались взять деревню, а двинулись дальше. Монтивилье оставалась в руках французов как постоянный упрек гарнизону Арфлера, пока в 1419 году ее не взяли как часть покоренной Верхней Нормандии. На следующий день, покрыв расстояние в двадцать миль, армия прошла Фекам, и вновь французский гарнизон устроил вылазку, и снова им быстро дали отпор, однако обе стороны захватили пленных. Если пункт назначения английской армии был пока неясен, то допрос пленных должен был раскрыть намерение англичан прийти в Кале.

До сих пор реакция французов на вторжение была в высшей степени выжидательной, но в конце концов и совету в Париже, и даже самому дофину стало ясно, что надо что-то делать; французским командирам выдвинули требование собрать войска в Руане. Они должны были не допустить англичан, куда бы те ни собрались – в Париж, Нормандию, Бордо или Кале. Поскольку стало очевидно, что англичане идут на север, в Кале, французской армии приказали собраться в Абервиле, чтобы помешать Генриху переправиться через реку Сомму; цель французов состояла в том, чтобы заставить Генриха сдаться, взяв его измором. Если же он переправится через Сомму, французы надеялись заблокировать доступ к Кале и вынудить англичан на бой. Генрих будет неминуемо уничтожен, а смехотворные притязания англичан на французский трон отвергнуты, по крайней мере на время, да и войне придет конец. Этот план французов если и не в подробностях, но стал известен Генриху из допросов пленных, однако на этой стадии он мало что мог сделать, а потому ему надо было дойти до Кале.

11 октября 1415 года английская армия дошла до Арка, расположенного в четырех милях к юго-востоку от Дьеппа. Англичане за двадцать четыре часа одолели очень приличное расстояние – тридцать пять миль, – но попали под обстрел пушек. Огонь велся из замка в центре города. Гонцы галопом помчались к стенам замка с посланием Генриха прекратить обстрел и дать пройти через город, иначе англичане сожгут его дотла. Армия

беспрепятственно прошла через Арк. На следующий день англичане преодолели еще двадцать миль и остановились возле города Э, где после стычки снова добились безопасного прохода. 13 октября авангард английской армии достиг Абервиля на Сомме. Генрих надеялся переправиться в Бланштаке – там, где во время кампании Креси осуществил переправу Эдуард III, – однако обнаружил, что все броды загорожены и охраняются, а на северном берегу их поджидает мощная французская группировка. Ближайший речной брод не был выходом из положения, поскольку против них был значительно превосходивший числом противник, а потому единственное, что для них оставалось, это идти на юго-восток, вдоль левого (южного) берега реки, в надежде отыскать брод или мост, где можно осуществить переправу. Английская армия могла двигаться быстрее противника, да и обоз, хотя и не маленький, был все же меньше, чем у французов, а сопровождавшая армию обслуга, пусть многочисленная, также уступала обслуге противника. И все же англичане ненамного быстрее могли подойти к переправе. 14 октября Генрих находился в двадцати восьми милях от Абервиля, что к югу от Амьена, а 15 октября его задержал французский гарнизон из замка деревушки Бове. Провизии у англичан оставалось совсем мало, и Генрих решил договориться с гарнизоном: он воздержится от нападения на замок и не станет сжигать деревню, если гарнизон и крестьяне дадут ему хлеба и вина, при этом он строго-настрого наказал своим солдатам, чтобы в потреблении вина те проявляли сдержанность.

Через два дня, пройдя лишь восемь миль вдоль русла реки, англичане оказались в Корби, они по-прежнему не могли отвязаться от французов, следовавших за ними по противоположному берегу. Теперь, однако, Генрих мог сделать вылазку. Начиная с Амьена долина Соммы проходит с запада на восток, а в Перонне река совершает резкий поворот направо и продолжает свое течение с севера на юг. Если английская армия двинется на юго-восток в сторону от реки, то пройдет около двадцати пяти миль, прежде чем снова приблизится к реке, где, как известно, был брод. Французам же, чтобы попасть в это место, придется огибать весь речной поворот, а это не меньше сорока миль. В наши дни при наличии точно выверенных карт, со сделанными с воздуха фотографиями и со спутниковой системой навигации, подобный марш-бросок был бы прост, но в пятнадцатом веке таких подсказок не существовало. Генриху приходилось полагаться на людей, служивших в этих местах в составе «вольных рот», либо рассчитывать на поддержку арманьяков или бургиньонов – противоборствующих французских фракций. Прислушивался он и к сведениям, добытым у местных жителей, и к сообщениям конной разведки. К этому времени большинство солдат страдало мягкой формой дизентерии, к тому же рацион сократили в несколько раз. Погода стояла сырая и холодная. Когда армия останавливалась передохнуть на несколько часов, не было времени на то, чтобы поставить палатки. Несмотря на все это, к вечеру 18 октября армия была совсем рядом с Нейсом. Разведка доложила, что через реку есть два брода, оба не более трех футов в глубину («не выше лошадиного брюха»), находились они в трех милях к востоку от города, подходы к ним были болотистыми, к тому же французы повалили деревья, преграждавшие дорогу, и потому броды никто не охранял⁸⁹. Французы тем временем добрались только до Перонны, то есть находились на расстоянии пятнадцати миль. Ночью английская пехота подготовила дорогу к бродам, и король приказал приступить к переправе. Поскольку было известно, что французская армия состоит главным образом из тяжеловооруженных всадников, лучникам было приказано подготовить колья, заостренные с обоих концов, колья вогнали в землю, создав таким образом барьер против конницы. Хотя хронисты свидетельствуют, что каждый лучник срубил такой кол, вряд ли это так, более вероятно, что сделал это каждый пятый-шестой, поскольку во время боя лучники располагались на флангах.

В это время королю доложили, что из соседней церкви украли дароносицу. Дароносица – это шкатулка, обычно из драгоценного металла, в ней хранят освященную облатку – якобы частицу тела Христа. Шкатулку эту священник берет с собой, когда причащает прикованного

---

⁸⁹ Брод был, вероятно, где-то у Северного канала, к югу от Бетанкура.

к постели прихожанина. Кража такого предмета считалась кощунством, король заявил, что вора ждет смертный приговор, командирам подразделений было приказано обыскать каждого человека и найти виновного. Вора нашли с дароносицей в рукаве, изготовлена шкатулка была из позолоченной меди, которую этот человек принял за золото. Вор был повешен возле той же церкви. Большинство современных историков говорят, что человек этот был лучником, однако, принимая во внимание ценность такого солдата, маловероятно, что с ним поступили бы подобным образом. Ни Томас Уолсингем, ни Брут не рассказывают об этом инциденте, а «Жеста» просто говорит, что он был англичанином. Скорее всего несчастный вор был расходным материалом, возможно, даже слугой.

Утром 19 октября группа пехотинцев и лучников переправилась на другой берег, не встретив сопротивления. Спешившись и передав лошадей конюхам, они сформировали на восточном берегу реки плацдарм, дабы армия без помех осуществила переправу. Примерно в 13 часов армия начала переправляться – обоз и сопровождение переходили по одному броду, а солдаты – по второму. Один французский источник утверждает, что солдаты сделали плот из оконных рам близлежащих домов, – вероятно, для переправы снаряжения, а не для людей. За час до захода солнца – должно быть, в половине пятого – вся армия устроилась на постой в деревенских домах на правом берегу реки. Французская конная разведка, прибывшая к броду, благоразумно решила не вмешиваться, хотя и сообщила своему начальству о расположении английской армии.

Армия французов в Перонне была огромной и день ото дня становилась все больше, поскольку в нее вливались новые отряды. Перед лицом английской угрозы о внутренних тренингах временно забыли, но хоть армия и была большой, в ней чувствовалась слабость, и виной тому в немалой степени было командование. Король Карл VI не мог принимать участия в бою, поскольку тронулся рассудком и считал себя стеклянным, а дофина убедили остаться в Руане. Командовали войском старшие офицеры Франции коннетабль Шарль д'Альбре и маршал Жан Бусико. Раздельное командование никогда не было хорошей идеей, впрочем, и оно могло бы сработать, если бы не присутствие дяди короля герцога Бурбона, брата короля герцога Орлеанского и других вельмож, таких как герцоги Алансонский и Бретанский, а также младшие братья герцога Бургундского – герцог Брабант и граф Невер – вместе с толпой более мелкой аристократии. Каждый из них полагал, что никто ему не указ и, напротив, все должны с ним советоваться и стараться угодить. Сходились они в одном: наглых англичан надо приструнить. 20 октября в английский лагерь явились три французских герольда и потребовали, чтобы король назначил им время и место сражения. Генрих ответил, что намерен идти в Кале, но голову в кустах не прячет, и если французы хотят сражения, то легко его найдут. Герольдам выдали горсть золотых монет и отправили восвояси. 21 октября английские солдаты, миновав Перонну, перешли через территорию, на которой пятьсот лет спустя их потомки будут сражаться в первой битве при Сомме, а затем переправились через приток Соммы Анкре в районе Миромона. Французы не сделали попытки остановить их – возможно, потому, что не знали точно, где именно находятся англичане: в тот момент они отыскивали блокирующую позицию по дороге в Кале.

22 октября армия Генриха продолжала свой путь на запад по долине, которая 1 июля 1916 года станет местом губительной атаки Ньюфаундлендского полка. Армия миновала Форсевиль, Аше и Бокен, после чего двинулась на север, переправилась через реку Отье в Орвиле и через реку Груше возле Люше и сделала остановку в Боньере, а авангард армии под командованием герцога Йоркского находился к тому моменту в двух милях от них, во Фреване. Герцогу, Эдуарду Лэнгли, младшему внуку Эдуарда III, в 1415 году исполнилось сорок два года, он имел репутацию политического интригана (брат Эдуарда Ричард, граф Кембридж, был зачинщиком Саутгемптонского заговора и поплатился за это головой); несмотря на интриги, Эдуард, компетентный и опытный солдат, находился в хороших отношениях с королем. Генрих называл его кузеном. К настоящему моменту солдаты вымокли, изголодались и страшно устали; почти все страдали желудочным расстройством. Некоторые источники утверждают: из-за того, что солдатам постоянно приходилось снимать

штаны, некоторые совсем их сняли и привязали к поясу. Скакать на лошади в таком виде не слишком удобно. Провизия, которую они захватили в Арфлере, давно закончилась, и люди вынуждены были есть лесные орехи, листья и конину (вьючные лошади уже не требовались, поскольку и везти-то было нечего). Один хронист пишет, что простым солдатам и этого не полагалось и они пили только воду. Вода в том веке была не такой, как сейчас, а зараженной, а потому все предпочитали эль.

23 октября армия была в Бланжи, в двенадцати милях от Кале. Там они форсировали еще один приток Соммы – Тернуаз – и увидели в миле от себя армию противника. Французы стояли как на параде, баталия за баталией, доспехи рыцарей блестели под неярким солнцем, колыхались знамена. Такого количества знамен англичане никогда не видели, да и вообразить себе не могли.

Точные цифры трудно установить: английские хронисты уменьшают численность английской армии и преувеличивают размеры французского войска, а французские летописцы, по вполне очевидным причинам, поступают наоборот. «Шотландские хроники» заявляют, что французская армия насчитывала 200 000 человек, Томас Уолсингем говорит, что французов было 140000, а «Жеста», автор которой был там, утверждает, что англичан было в тридцать раз меньше, чем французов, – стало быть, французская армия насчитывала около 180 000 солдат. Всем этим цифрам, разумеется, верить нельзя; конечно же, никакого автора «Жесты» там не было, однако люди, которые там были и с которыми впоследствии беседовали хронисты, и в самом деле верили в то, что называли. Писцов и священников можно простить за то, что они не способны определить численность войска, а профессиональные солдаты могли дать более или менее правильное представление о размере войска противника, иначе они либо отказались бы от боя, либо решились в него вступить. Наиболее правдоподобное объяснение такого преувеличения численности французов дает Иэн Мортимер, он пишет, что пропорциональное соотношение тяжеловооруженных воинов к арбалетчикам во французской армии было намного больше, чем у англичан. У каждого рыцаря был по меньшей мере один паж, оруженосец или слуга, так что если это сопровождение ехало на лошадях, с расстояния в милю их было не отличить от воинов. Какова бы ни была верная цифра, можно не сомневаться в том, что англичане сильно отставали в численности от французов, – их было меньше, разумеется, не в тридцать раз, но уж в два-три точно.

Увидев, что французы встали в боевую позицию, Генрих приказал англичанам сделать то же самое. В течение часа армии смотрели друг на друга, после чего французы удалились. Англичане пошли в близлежащую деревушку Мезонсель, а разведка доложила, что французы заняли блокирующую позицию в Азенкуре на пути в Кале⁹⁰. Теперь всем стало ясно, что сражение состоится на следующий день. Чтобы избежать его, Генрих должен был унизиться и отказаться от притязаний на французский престол и на английскую Францию, а этого он сделать не мог, не предав доверия своих подданных в Англии и Франции. Король уже освободил пленных, захваченных в Арфлере, и сделал это как бы из милости, но на самом деле избавился от лишних ртов: пленников надо было кормить и охранять. За солдатами Генриха по всей северной Франции тянулся след – рвоты и диареи. Солдаты были истощены, больны, промокшая одежда превратилась в лохмотья, а французы действовали на своей земле, и их было неизмеримо больше. Тем не менее английские солдаты были профессиональны и жестки. Они победили шотландцев, валлийцев, бунтовщиков, да и французов били почему зря, к тому же у них имелся лидер, в которого они верили беззаветно, а сам лидер был совершенно уверен в себе. Они будут драться завтра, и они победят, как побеждали раньше, и если кто-то из них и думал, что они берут на себя невозможную задачу, то держал свои мысли при себе. По слухам, сэра Дэвида Ллевелин будто бы сказал, глядя на

---

⁹⁰ Деревня, в которой произошло сражение, называется Азенкур, англичане произносят ее Адженкур (средневековое написание не было еще зафиксировано). В 1415 г. англичане спросили у местного герольда, каково ее название, и, должно быть, приняли звук «з» за «дж».

войско противника: «Здесь их достаточно, чтобы убить, взять в плен, да и побегут тоже немало». Присутствие стольких французских аристократов, которых легко можно было узнать по гербам на флагах, щитах и облачении, означало возросшие надежды на богатые выкупы, а у лучников был скорее личный мотив. Возможно, неправда, что каждому взятому в плен лучнику отрубали указательный и средний пальцы правой руки, дабы не мог больше натягивать лук, но стрелки твердо верили, что в плену их ожидает такая судьба⁹¹.

У Шекспира переодетый король Генрих обходит ночью солдат, чтобы убедиться в их боевом настрое. Это, конечно же, нонсенс. Выехав в августе из Англии и лично возглавив армию, король убедился в моральных качествах своих солдат, он верил в командиров и знал, что они скажут ему правду, а не то, что хотелось бы услышать. Той ночью тридцатисемилетний сэр Уолтер Хангерфорд, сочетавший в себе наряду с талантом военачальника дипломатические способности (он был спикером в палате общин и канцлером в Ланкастерском герцогстве), сказал, что сейчас им не помешали бы десять тысяч хороших английских лучников. Генрих будто бы ответил, что вполне доволен тем, что у него есть, и не принял бы ни одного человека, если бы даже предложили. Это, конечно же, неправда, но звучит хорошо.

Французская армия предвкушала победу. В отличие от англичан, спавших в канавах и под кустами, у французов не было недостатка в палатках, многих расквартировали в деревне, и они ночевали в теплых деревенских домах. Солдаты бросали кости – спорили, кто из них возьмет самых важных пленных, в том числе и самого английского короля, – а полное молчание на английской стороне (на самом деле таков был приказ Генриха) заставляло французских командиров сомневаться: уж не улизнул ли потихоньку противник. Разведка доложила, что англичане на месте, тогда французы предположили, что противник просто напуган из-за того, что случится с ним утром.

Ночь напролет шел дождь, и английская армия спала или пыталась уснуть, сохраняя боевой порядок. Их не застала бы врасплох ночная атака – французское командование попросту не способно было ее организовать либо посчитало бы такую атаку недостойной, поскольку при свете дня им бы досталось больше славы: все бы тогда увидели их подвиги. Современная армия подготовилась бы к бою на рассвете, но в Средние века было не так: надо было прежде позавтракать (скудно, что касается англичан) и выслушать последние распоряжения и ободряющие речи. Примерно в середине утра 25 октября, в день Святого Криспина, король Генрих приказал своей армии встать в строй на поле, уже засеянном озимыми.

Армия была слишком маленькой для того, чтобы иметь резерв, так что три батальи встали плечом к плечу – справа герцог Йоркский, посредине король, а барон Томас Камой – на левом фланге. Камой, женатый на вдове Генри Хотспера, был, возможно, странным командиром: в 1415 году ему исполнилось шестьдесят пять лет, и у него имелось мало опыта в боевых операциях. Его свита насчитывала всего двадцать четыре пехотинца и шестьдесят девять лучников. Но Камой был членом королевского совета, исполнял многочисленные королевские задания и был известен как хороший организатор и администратор. Шестьдесят пять лет, разумеется, не лучший возраст для участия в сражении, хотя и не такой уж невозможный, как думают. Английский мужчина в том веке доживал примерно до тридцати пяти лет, но такая статистика не должна обманывать, потому что в расчет не брался очень высокий уровень смертности в младенческом возрасте и во время родов. Если английский аристократ доживал до двадцати одного года, то, избежав чумы и гибели в бою, мог дожить до шестидесяти девяти лет. Камой отвечал за боевой дух своих солдат, и они не хотели подвести своего командира.

Английские рыцари выстроились друг за другом в четыре ряда, ширина фронта составила около 250 ярдов. 2500 лучников на каждом фланге встали в десять рядов и заняли

---

⁹¹ Говорят, что английский знак V из двух пальцев появился именно с тех времен, когда лучники дразнили противника: дескать, они способны сражаться.

пространство в 500 ярдов, таким образом, вся армия, слева направо, покрыла площадь в 760 ярдов. Генрих приказал лучникам вбить в землю колья, получилось два ряда (возможно, и больше). Высота частокола доходила до груди лошади, и когда лошадь противника проскакивала между двумя кольями в первом ряду, то неминуемо натыкалась на колья второго ряда, поскольку они были вбиты со смещением. Если колья находились на расстоянии одного ярда друг от друга, это означало, что всего их было около тысячи, стало быть, каждый пятый лучник вогнал кол в землю. Такое построение не давало кавалерии противника приблизиться к лучникам и к центру английской армии. Обоз, вероятно, находился в Мезонселе вместе с лошадьми.

Армия встала в боевую позицию. Мы не знаем, что сказал им король Генрих, хотя Шекспир впоследствии вложил в его уста одну из самых выразительных речей, произнесенных на английском языке.

И Криспианов день забыт не будет
Отныне до скончания веков;
С ним сохранится память и о нас —
О нас, о горсточке счастливых, братьев.
Тот, кто сегодня кровь со мной прольет,
Мне станет братом: как бы ни был низок,
Его облагородит этот день;
И проклянут свою судьбу дворяне,
Что в этот день не с нами, а в кровати;
Язык прикусят, лишь заговорит
Соратник наш в бою в Криспинов день⁹².

Трудно, конечно, обратиться к 6000 людей на расстоянии в полмили в отсутствие электронной системы, даже если принять во внимание, что средневековые ораторы привыкли выступать перед огромными толпами⁹³. Скорее всего слова, которые произносил Генрих, передавались офицерами, стоявшими в строю. Так было заведено в британских армиях восемнадцатого и начала девятнадцатого столетия. Впрочем, он мог просто проскакать вдоль рядов, произнеся несколько ободряющих слов: «Удачи вам, и постарайтесь сделать все, что от вас зависит». Любой современный командир говорит перед боем что-то подобное.

В планы короля Генриха входила испытанная английская тактика: выбрать лучшее место и ждать атаки противника. Когда стало ясно, что противник не собирается идти в атаку или пока не собирается, Генрих дал приказ армии двигаться вперед. На такое решение, без сомнения, повлияло то, что английские фланги при этом остаются неприкрытыми, и это вынудит французов начать атаку. Маловероятно, что французы способны были осуществить такой маневр, но вполне могли отрядить конницу, и та зашла бы англичанам в тыл. Лучники выдернули из земли свои колья, и армия двинулась по грязному пшеничному полю. Все три батальи и лучники прошли около полумили, после чего фланги остановились на двух лесных опушках – Трамкур справа и Азенкур слева⁹⁴. Маневр этот был, конечно же, рискованным, и более компетентный противник в этот момент мог начать атаку. Генрих, однако, был уверен, что с учетом расстояния до французов его армия успеет остановиться и подготовиться к обороне, хотя лучник, ковьялявший по грязи с колом на плече и опасавшийся, что завязки его грязного шлема намокнут и шлем свалится с головы, был в себе не слишком уверен.

---

⁹² Перевод Е. Бируковой.

⁹³ Ближе к нашим дням Уильям Гладстон регулярно собирал десятитысячные толпы и выступал перед ними в течение нескольких часов.

⁹⁴ Лес Трамкур существует до сих пор.

За триста ярдов до французов английская армия остановилась, перестроилась и снова воткнула в землю колья, а противник наблюдал. Французов было так много, что для обычного боевого построения – две батальи впереди и одна позади, в резерве, – места не было, а потому все три группировки стояли одна позади другой. После прежних поражений французы кое-чему научились: первая баталья, состоявшая из 5000 тяжеловооруженных всадников, спешила, вторая, примерно той же численности, сделала то же самое, а третья спешиваться не стала. На флангах тоже были конные, по 200 всадников с каждой стороны. Подражая англичанам, французское командование поставило на флангах арбалетчиков, большей частью наемных, и лучников, но некоторые были выдвинуты вперед. Французы придерживались стандарта: на двух тяжеловооруженных всадников приходился один арбалетчик или лучник – следовательно, в тот день на поле присутствовало 7000 арбалетчиков, гораздо больше, чем обычно. Правда, в тот день они участия в сражении не принимали, поэтому нам и не следует слишком интересоваться их численностью.

У французов, разумеется, имелся план. Сражение должно было начаться с атаки спешившегося французского авангарда, что привлекло бы внимание английской пехоты. Французская тяжелая конница на флангах уничтожила бы английских лучников. Как только с лучниками было бы покончено, сыграло бы превосходство в численности французской армии, и англичан бы перебили. Возможно, не понадобилось бы привлекать вторую и третью батальи, впрочем, конных можно использовать для преследования тех, кто остался бы в живых и спасался бегством. План был хорош, однако впоследствии французы решили, что чего-то не рассчитали. В конце концов, у них была возможность подождать, а у Генриха такой возможности не было. Если бы французы просто занимали оборонительную позицию, Генриху пришлось бы либо атаковать их, что было не в его пользу, либо умереть с голоду. Еще лучше, если бы французы встали между двумя перелесками, а не позволили англичанам устроить там фланги.

Генрих прекрасно понимал: единственная надежда не проиграть сражение – это заставить французов пойти в поспешную атаку. Надо было их заманить, а способ сделать это у него имелся. Командовал лучниками шестидесятилетний сэр Томас Эрпингем. Уроженец Восточной Англии, он стал солдатом в тринадцать лет, когда сопровождал отца в Аквитанию. Эрпингем находился на службе у Черного Принца; принимал участие в кампании Джона Гонта в Испании и вместе с будущим королем Генрихом IV воевал в Литве, Пруссии, Палестине и умирал шотландцев, валлийцев и французов. Эрпингем был настоящим профессионалом и вряд ли чего-то не знал в военном деле. Отправив лучников на позиции, Эрпингем проконтролировал забитые в землю колья, проверил запас стрел, лежащих перед каждым лучником; проскакал от одного фланга к другому и убедился – стрелки знают, что нужно делать. По сигналу от короля сэр Томас рысью выехал вперед и швырнул жезл. Это был сигнал лучникам.

В первые тридцать секунд на французов обрушился ливень из 25 000 стрел. Солдаты противника стояли так плотно, что лучникам и цель определять было не надо: они просто выпускали стрелу, и та сама находила жертву. В результате – хаос, ужас, недоумение. Казалось, стрелы падали с неба, а воинам, стоявшим в тесных рядах, было не уклониться и не нагнуться, не спрятаться, единственным выходом – так казалось французам, вернее, одному из великих герцогов, – было начать немедленную атаку, и воины тотчас стали спускаться по пологому холму навстречу английскому войску. По плану французским арбалетчикам и лучникам следовало обеспечить поддержку, пока их войско не сошлось с англичанами, а конница должна была атаковать английских лучников. Этого не произошло. На всадников, стоявших на флангах, обрушился дождь стрел, и ответить на выпад они не могли, в результате конники наскочили на собственных арбалетчиков, переехали через них и двинулись на английские фланги. Поступили они безрассудно, поскольку всю ночь лил дождь, земля превратилась в месиво, так что лошади еле вытаскивали ноги. Всадники, сумевшие одолеть расстояние в триста ярдов, обнаружили, что путь им загородил частокол. За полторы минуты английские лучники выпустили в конных 75 000 стрел, не все достигли

цели, но и их хватило на то, чтобы ранить и убить людей, искалечить и свести с ума лошадей.

Обычно лошадь слушается всадника, что бы ни происходило, средневековая лошадь остановила бы и идущего на нее слона. Но в данной ситуации лошади были напуганы и испытывали сильную боль, потому что стрелы застряли в их телах, из ран лилась кровь. Кони вскидывали головы, всадники безуспешно старались натянуть удила. Конников охватила паника, и они бросились в стороны, лишь бы не попасть под обстрел. Во многих случаях они налетали на собственную пехоту, все еще спускавшуюся вниз по холму. Солдаты растерялись, их дезориентировал обстрел, они устали в полном военном облачении идти по грязи, скользили и падали, но все же добрались до армии противника. Несмотря на то что только половина первой французской баталии уцелела при встрече с противником, англичане в два с половиной раза уступали им в численности, и поначалу это сказалось: англичане начали отступать. Битва была ожесточенной, особенно в центре каждой баталии, там, где находились командиры с их флагами. Герцог Йоркский был убит, сам король, склонившись к оглушенному телу своего брата, герцога Глостера, получил сильный удар по голове, так что шлем оказался пробит. А потом лучники превратились в легкую пехоту.

Лучники стреляли в приближавшихся французов с расстояния в пятьдесят ярдов, наконецники стрел пробивали облачение противника, и французы падали замертво. Когда же стороны сомкнулись, от сделавших свое дело лучников уже ничего не ждали. В отличие от наемных французских арбалетчиков свободнорожденные англичане побросали луки, вытащили длинные ножи, вышли из-за частокола и атаковали французов с фланга. Те, что были впереди, попытались отступить, однако не могли этого сделать в толчее, поскольку позади них шла вторая баталия, и вскоре тяжеловооруженные воины начали сдаваться, сначала по одному, потом по двое и наконец целыми подразделениями.

В этот момент под атаку попал английский обоз. Когда утром армия вышла из Мезонсея, багаж следовал за ними, чтобы подручным недалеко было бегать за стрелами для лучников. Трудно сказать, кто напал на повозки. Вероятно, это была не третья французская баталия, многие из солдат которой, увидев, куда дует ветер, благоразумно убрались восвояси. Возможно, это был местный землевладелец с прислугой, знавший тропинки в лесу, что позволило ему незаметно подобраться к англичанам. Кто бы это ни был, сражение могло бы обернуться в пользу французов, поскольку свежая третья баталия вернулась бы назад, а сдавшиеся рыцари, превосходившие числом английских воинов, могли передумать. К тому же на поле повсюду валялось много оружия, и они спокойно могли его подобрать. Единственный способ не дать этим сотням, а возможно и тысячам пленным возобновить бой был убить их, и именно это приказал сделать Генрих. Солдаты запротестовали: такое обращение с пленными выглядело недостойно, к тому же уплывали большие деньги в виде выкупа. У лучников душевных терзаний не было, и они спокойно принялись убивать пленных. Атаку на обоз отбили. Те французы, которые смогли это сделать, бежали, а третья баталия не предприняла попытки вернуться. Сражение при Азенкуре закончилось.

Победа была великой и оглушительной, ее можно сравнить с битвой при Бленхейме в 1704 году, с Ватерлоо в 1815-м и с Амьеном в 1918-м. Среди убитых французов были Эдуард, герцог Бара, Антуан, герцог Брабантский, Жан, герцог Алансон, Шарль д'Альбре, коннетабль Франции, девять графов, девяносто баронов, 1500 рыцарей и несколько тысяч более мелких дворян, хотя и неизвестно, сколько из них было убито в бою и сколько попало в плен. В плен угодили герцоги Орлеанский и Бурбонский, графы Ришмон, Вандом и д'О, а также маршал Франции⁹⁵. От этой величайшей бойни французская аристократия так и не оправилась. В наши дни убийство пленников рассматривается как военное преступление, однако выбора у Генриха не было. Многие пленники сдавались по несколько раз и устраивали побег. Если бы им позволили вновь вступить в бой, крошечная армия Генриха

---

⁹⁵ Следующие двадцать пять лет Карл Орлеанский провел в английском плену (весьма комфортном), где успел прославиться как поэт.

могла бы потерпеть поражение. Он сделал то, что должен был сделать, и никто в то время – даже французы – за это его не критиковал. С английской стороны потерь было мало, хотя и больше, чем признавали. «Жеста» упоминает только герцога Йоркского, графа Саффолка да двух воинов, недавно возведенных в рыцарское звание. Французские оценки английских потерь слишком высоки – 600 убитых и раненых, а реальное число, вероятно, между 300 и 400.

Времени на то, чтобы отпраздновать победу, было мало: армия должна была еще добраться до Кале. Поскольку англичане были в рубищах, они позаимствовали одежду у мертвых, местные крестьяне тоже чем-то поживились, а потом похоронили убитых. Через четыре дня, во вторник, 29 октября, армия прошла сорок пять миль и добралась до Кале, а 16 ноября, приняв пленных Арфлера вместе с их выкупами, армия Генриха отбыла в Дувр.

Глава десятая Гордость и падение

Азенкур стал высшей точкой английского военного превосходства. Англия обладала мобильной армией, состоявшей из профессиональных солдат, спешивавшихся во время боя, а поддерживали их стрелки с длинными луками. Командирами подразделений были опытные и талантливые офицеры. Все вкуче доказало, что такая армия непобедима. Более того, с популярным и успешным королем можно было не опасаться внутренних мятежей и бунтов, к тому же в стране был парламент, укреплявший амбиции государства. Если бы только Генрих прожил подольше...

Переправа армии в Дувр 16 ноября 1415 года заняла весь день – погода была ужасной, хронисты отмечают стойкость Генриха к морской болезни. Из Дувра он отправился в Бархэм, оттуда в Кентербери, затем в Элтем и, наконец, 23 ноября – в Лондон. Лондонцы, как и все королевство, об осаде Арфлера ничего не слыхали; знали только, что армия направляется в Кале, в стране ходили слухи о поражении и несчастье. 29 октября до Лондона дошла весть о великой победе при Азенкуре, и эта новость разлетелась по всему королевству, ее донесли герольды на быстрых конях. Радости не было предела. Лондонцы с восторгом встречали короля, его сопровождали в город из Блэкхита, улицы были увешаны флагами, мэр и муниципальные советники выступили при полном параде, священники тоже надели праздничные облачения, постарались и купцы. На Лондонском мосту перед Генрихом выступили танцующие девственницы, а простой народ выстроился вдоль дороги и радостными криками приветствовал короля.

Азенкур немало поспособствовал престижу Англии и напугал французов: те заперлись в своих замках и укрепленных городах и старались не встречаться с англичанами в открытом бою. Победа, однако, имела скорее тактическое, чем стратегическое значение. Будь армия англичан многочисленнее, после Азенкура они немедленно пошли бы на Париж и выиграли войну; профессиональная армия всегда невелика, но Францию раздирали междоусобицы. Хотя Генриху все равно понадобилось бы искать союзников для покорения всей страны. Между тем во Франции появился новый коннетабль взамен погибшего при Азенкуре Шарля д'Альбре. Это был Бернар Арманьяк. В том же году скончался весьма слабый дофин Луи, и его сменил брат – Жан Туреньский, однако способностями брата не превзошел.

Большую часть 1416 года Генрих провел в Англии, а французы тем временем попытались отвоевать Арфлер. В предместьях города им удалось устроить засаду обозу, командовал которым капитан Арфлера Томас Бофор. Они едва не захватили Бофора в плен, но их атака была отбита. Переговоры между тем шли своим чередом, а поспособствовать процессу пытались император Священной Римской империи и граф Эно. Император, германец Сигизмунд, старался покончить со схизмой, поскольку присутствие двух пап, каждого из которых поддерживали противоборствующие фракции, делало бессмысленным само существование Святого престола. Если бы император добился заключения мира между Англией и Францией, вместе они смогли бы решить, кто из пап легитимен. Сигизмунд прибыл в Англию в апреле 1416 года, и брат короля герцог Глостер, едва оправившийся от тяжелых ран при Азенкуре, еще больший ксенофоб, чем большинство англичан, с порога резко заявил Сигизмунду, что имперские законы Англии не указ. Сигизмунд попытался устроить в Кале встречу между Генрихом V и новым дофином, однако Бернар Арманьяк убедил дофина, что сможет победить англичан, и эта встреча так и не состоялась. В конце концов Сигизмунд понял, что не сможет добиться мира между Англией и Францией: французы не предлагали ничего внятного, а Генрих не шел ни на какие уступки. Сигизмунд, кажется, согласился с притязаниями Генриха, и в августе император и король подписали англо-германский Кентерберийский договор; документ этот, мало чем полезный для Англии, поспособствовал еще большей изоляции Франции.

Пока Сигизмунд общался с Генрихом и его советом, французы предприняли еще одну попытку отвоевать Арфлер: они заблокировали порт с моря. 15 августа герцог Бедфорд,

другой брат короля, отправился в путь вместе с армией, насчитывавшей около 4000 лучников и 3000 пехотинцев. Войско переправлялось главным образом в вельботах – маленьких одномачтовых судах водоизмещением примерно в сто тонн, – способных перевезти сорок солдат. Было у них, возможно, две или три карраки – предшественницы галеонов, с тремя или четырьмя мачтами и высокими платформами спереди и сзади; на каждой можно было перевезти двести человек. Хронисты утверждают, что у Бедфорда было сто судов, в том числе три карраки, стало быть, численность армии составляла примерно пять тысяч человек. Поскольку сражаться предстояло на море, соотношение лучников к тяжеловооруженным воинам было меньше, чем на земле. Морской бой предполагает abordаж и рукопашную схватку, и стрельба здесь не играет большой роли. Французы, похоже, забыли уроки Слейса (неудивительно, это было давно). В этот раз они уступали в численности англичанам, но маневренность их галер давала французам преимущество, по крайней мере позволяла уйти невредимыми. При всем этом они оставались в устье Сены и позволили английскому флоту близко к ним подойти. Англичане забросили на вражеские суда abordажные крючья, перепрыгнули на борт, и французам ничего не оставалось, кроме как вступить в рукопашный бой. Согласно хронистам, французы потеряли около 1500 человек убитыми, англичане – вполтину меньше. Остальные суда французского флота бежали в Онфлер, англичане не смогли их догнать: помешали отмели и мелководье.

В ноябре 1416 года на заседании парламента решили: чтобы вразумить французов, король должен совершить еще одну экспедицию. На сей раз Генрих намеревался покорять Францию постепенно, территорию за территорией, начиная с Нормандии. Определились с необходимой суммой, ввели налоги и займы, осенью 1417 года начали рекрутировать солдат и вербовать суда. Генрих отлично знал, что после Азенкура ни одно французское войско не захочет встретиться с ним на поле боя. Возвращать Нормандию в вассальную зависимость придется, захватывая города, а значит, понадобятся осадные машины, пушки и ядра. Пушечные ядра были каменными, впрочем, начали выпускать и примитивные зажигательные снаряды, представлявшие собой полый железный шар, начиненный выдержанными в смоле веревками.

В июне 1417 года граф Хантингдон, во главе морской эскадры, отправился вдогонку за генуэзскими судами, базировавшимися в Онфлере и находившимися на службе у французов. Часть судов граф потопил, а часть вынудил спасаться бегством. 30 июля 1417 года из Саутгемптона вышла армия, насчитывавшая 10 000 человек, из расчета три лучника на одного тяжеловооруженного пехотинца, 2 августа она высадилась в устье речки Тук, к северу от Довиля. Управились быстро; Генриху помогло возобновление гражданской войны между арманьяками и бургиньонами. Арманьяки, поддерживавшие дофина, не собирались вступать в переговоры с англичанами, а Жан Бесстрашный, герцог Бургундский, действовал противоречиво: открыто Генриха не поддерживал, но и не нападал, если не затрагивались его интересы. С завоеванного плацдарма в Туке английский флот отправлял к реке Орн людей, провизию и осадные машины, а в середине августа началась осада Кана.

Долгие осады были не в характере англичан. Англия полагалась на мобильную армию, которая в случае опасности могла быстро уйти от превосходящего в численности противника. Англичане знали, что долгое пребывание в неподвижности вызывает болезни. Если же появлялась крошечная надежда на успех, они начинали атаку, но прежде убеждались, что гарнизон не намерен сдаться. Заблокировав все входы и выходы из Кана и обстреляв город, 4 сентября англичане штурмовали крепостные стены. Затем начался обычный ужас для горожан: разгоряченные штурмом солдаты принялись мстить за все испытания, за смерть товарищей и отыгрывались на человеке, по глупости оказавшемся на улице. Если же солдатам не встречался на улице никто, кого можно было изнасиловать, ограбить и убить, они вламывались в дома, хватали все, что можно было унести, а любого, кто оказывал сопротивление (таких было немного), убивали. Гарнизон эвакуировался из города и нашел убежище в крепости. 21 сентября, потеряв надежду на помощь из Парижа, гарнизон сдался.

С английскими солдатами всегда была проблема: взяв город штурмом, они полагали, что вправе грабить и насиловать. Генрих же считал французских граждан своими подданными и не хотел с ними воевать. Но с теми, кто оказывал ему сопротивление, король расправлялся жестоко; записывая их в предатели, он находил для себя оправдание, пусть и слабое. Судьба Кана пошла англичанам на пользу: другие города, поменьше или хуже защищенные, сделали правильный вывод и сразу же сдавались. К ноябрю была захвачена обширная территория между Вернеем и Алансоном. В середине месяца герцоги Бретонский, Анжуйский и де Мэн подписали с Генрихом договор о нейтралитете на десять месяцев. Город Фалез – родина Вильгельма Завоевателя – был хорошо укреплен и держался, однако 16 февраля 1418 года после трехмесячной осады вынужден был сдаться. К концу марта Байе, Сен-Ло, Кутанс, Авранш и Понторсон либо сдались, либо были захвачены, а Шербур на окраине полуострова Котантен капитулировал после пятимесячной осады 27 сентября. На протяжении этого времени арманьяки были слишком заняты конфликтами с бургиньонами и не давали передышки своим воинственным и осажденным соотечественникам, а Генрих старательно избегал каких-либо провокаций в адрес герцога Бургундского и ничем не угрожал Парижу, который на тот момент контролировали арманьяки, но страстно хотели заполучить бургиньоны.

В июне 1418 года пал Лувье, осадой лично руководил король, а так как пушечное ядро защитников города попало в королевский шатер, канониров, сделавших этот выстрел, повесили. Столица Нормандии Руан еще держалась. Город был не только политической целью: Руан был баснословно богат, в нем находились главные французские верфи, и хотя господство на море принадлежало теперь англичанам, важно было такое положение удержать, а это означало захват или уничтожение верфей. В конце июля Генрих взял Пон-де-л'Арш, открыв тем самым дорогу на Руан, и, установив там форпост, протянул через реку огромную цепь. Англичане отныне контролировали устье Сены, следовательно, Руан отрезали от воды. Стены города составляли пять миль в окружности, ворота были укреплены барбикенами, на равном расстоянии друг от друга высились башни с пушками. Хронисты утверждают, что гарнизон насчитывал 4000 человек (вероятно, намного меньше, но все равно значительное количество), командовал ими Ги ле Бутельер, опытный и решительный солдат. Прекрасно зная о том, что происходило в остальной Нормандии, он подготовил Руан к осаде. Окрестности города он расчистил, чтобы у противника не было прикрытия, затем приказал углубить ров, а выкопанную землю высыпать на территории города, чтобы смягчить шум от падения ядер, позаботился и о запасе провизии и воды. Ле Бутельер был настолько уверен, что выдержит осаду, что пустил к себе беженцев со всей Нормандии; многие горожане вооружились луками.

К этому времени англичане стали экспертами в искусстве осады, даже если и не слишком были к ней расположены. Королевская армия окружила город, осадную линию разделили на сектора – семь к северу от реки, один к югу, каждым сектором командовал старший офицер. Отрыли четыре главных редута и соединили их траншеями; английские инженеры перебросили через реку понтонный мост. Все подходы и выходы из города были отрезаны, началась бомбардировка. Ле Бутельер был уверен, что если его не спасут со стороны реки, то из Парижа непременно придет на помощь армия. К несчастью для него, никто в Париже не озаботился незавидным положением Руана, а если бы и озаботился, то сделать ничего бы не смог. В 1417 году умер дофин Жан, сменил его столь же неудачливый брат Шарль. В стране по-прежнему не было сильной центральной власти, и в 1418 году бургиньонам удалось поднять в Париже народное восстание, которое сместило арманьяков и расправилось с новым коннетаблем. Французские хронисты свидетельствуют, что осенью жители Руана вынуждены были есть конину⁹⁶, а когда не стало и лошадей, в пищу пошли кошки, собаки, а потом и крысы.

---

⁹⁶ Конину продавали и до сих пор открыто продают во Франции, так что это не такое и бедствие, однако количество лошадей, которые могли бы пригодиться конникам и перевозчикам, сильно сократилось.

Людей, нашедших в городе убежище, посчитали лишними ртами, и несколько сотен полуголодных мужчин, женщин и детей выставили за ворота. Король Генрих не позволил им пройти через свои линии, едой тоже не поделился. Он якобы сказал: «Не я их сюда привел», – хотя в Рождество 1418 года послал провизию на нейтральную территорию. Изгнание бесполезных ртов с целью сбережения провизии произошло слишком поздно, и 31 декабря группа французских рыцарей появилась на крепостной стене и попросила о переговорах. Генрих заставил их подождать, но 2 января переговоры начались, и начальник гарнизона заявил, что, если к 19 января подкрепление к нему не подойдет, он сдаст город и примет условия англичан. Условия эти были на удивление великодушными. Хотя контрибуция составляла 300 000 крон (50 000 фунтов), гарнизон мог свободно уйти, оставив оружие и поклявшись, что в течение года не будет воевать с англичанами; горожане присягнули Генриху, а он, в свою очередь, не стал отбирать их дома и имущество. Подкрепление так и не появилось, так что Руан перешел в руки англичан. Генрих два месяца исправлял ущерб, после чего продолжил покорение Нормандии. К концу 1419 года все герцогство снова стало принадлежать Англии.

Покорение Нормандии было лишь первым шагом в утверждении сюзеренитета, и Генрих усердно формировал местную администрацию и делал все, чтобы впоследствии она самостоятельно поддерживала порядок. У норманнов, не пожелавших поклясться в верности английскому королю, отбирали земли и передавали их англичанам, но те, кто проявлял лояльность, становились надзирателями, судьями и судебными приставами. В целом главные назначения получали англичане, хотя гражданская служба изменилась. Норманнам, поклявшимся в лояльности, могли за десять пенсов (0,04 фунта) выдать удостоверение, защищавшее от притеснений английских патрулей. Как и в Кале, Генрих пригласил в Руан английских поселенцев, и несколько тысяч человек, главным образом мелких дворян и купцов, в последующие годы мигрировали в Нормандию. Многие женились на нормандских девушках и спустя столетия слились с местным населением; хотя их потомки до сих пор там живут, имена изменились на французский лад, и они не ощущают своих английских корней. На ту пору не вся Нормандия приветствовала приход англичан, тем более что население обложили более высокими налогами (может, просто собирали усерднее), но, как ни странно, сопротивления почти не было. Несколько вольных рот, во главе которых стояли лишённые собственности французы, прятались в лесах, а когда их поймали, всех перевешали, но нормандская бюрократия оставалась лояльной, а английский гарнизон, размещавшийся в Нормандии, был крошечным. Если бы англичан ненавидели, мятежники быстро с ними бы расправились. Тот факт, что Нормандия оставалась английской в течение тридцати лет, доказывает, что, сколь бы деспотично ни вели себя английские правители, они все же были предпочтительнее французских властей.

Потом Англии повезло – у Генриха появился союзник. Ожесточенная вражда между бургиньонами и арманьяками не помешала Жану Бесстрашному, герцогу Бургундскому, обратить внимание на военные успехи англичан. У него не было добрых чувств к дофину или к приспешникам Орлеанским, однако Жан не хотел, чтобы Англия управляла всей Францией, – на такое господство со временем он рассчитывал сам. Начались переговоры между двумя противоборствующими французскими фракциями. Бургиньоны вдруг осознали, что, несмотря на ужасную судьбу, которую уготовили арманьякам после восстания в Париже, когда сотни человек были убиты, все же можно прийти к компромиссу. В сентябре 1419 года в Монтро на реке Йонна, в сорока милях к юго-востоку от Парижа, герцог Бургундский принес оммаж двадцатилетнему дофину. Когда он преклонил колени, арманьяки, не желавшие ничего забывать или прощать, нанесли удар, и Жана изрубили на куски – сначала отсекли ему правую кисть, чтобы не дать поклониться дьяволу. Бургиньоны заявили, будто сам дофин дал сигнал к нападению. Правда это или нет, но убийство вызвало волну возмущений по всей Франции. Многие люди в Париже и на севере страны обвиняли дофина во всех бедствиях, которые навлекла на них война. Наследник герцога Жана Филипп, зрелый двадцатипятилетний воин, пришел в ужас и немедленно вступил в переговоры с

единственным человеком, который мог помочь ему отомстить, – с английским королем Генрихом V. В декабре 1410 года был заключен официальный союз Англии и Бургундии, тем самым Филипп признал притязания Генриха на французский престол, а Генрих, в свою очередь, обещал не вмешиваться в дела Бургундии, разве только на правах феодального властителя.

С этого момента англо-бургундская армия начала кампанию, целью которой являлось завоевание Франции, и сочетание столь существенной военной угрозы с усталостью от войны и отвращением, вызванным убийством отца Филиппа, убедило сторонников безумного короля Карла VI заключить мир с Генрихом. Так появился договор в Труа, подписанный 20 мая 1420 года. Договор гарантировал Генриху почти все, чего добивались его предшественники. Возможно, Карл не знал, что подписывает, но *parlement* ратифицировал договор, и Генрих официально был признан наследником Карла на французский престол. (Королева Изабелла, долго возглавлявшая «альтернативный» двор на территории Бургундии, очень кстати объявила, что ее сын, дофин Карл, является плодом адюльтера, а следовательно, бастардом.) Нормандия должна была оставаться в собственности Англии до тех пор, пока Генрих не станет королем Франции и не примет оммаж от Бретани. Два королевства не объединились, а управлялись по отдельности, хотя одним и тем же человеком. Генриху еще предстояло покорить территорию к югу от Луары: эта часть Франции пока не заявила о своей верности. Между тем Генрих был объявлен регентом Франции, состоялась помолвка с Екатериной Валуа, девятнадцатилетней дочерью Карла VI. С формальной точки зрения брак был династическим, однако со временем перерос в настоящую любовь. Екатерина стала горячо любимой королевой, а впоследствии вдовствующей королевой Англии.

Бракосочетание состоялось через две недели после того, как подписали договор: Генриху было некогда, и после быстрой конsummации брака объединенная армия двинулась на осаду Монтро, к месту казни герцога Жана. Генрих уже не притворялся добрым малым: любой человек, оказывавший сопротивление его армии, объявлялся предателем, и с ним поступали соответственно. Пленных вешали за стенами Монтро, побуждая тем самым гарнизон к немедленной сдаче. Армия двинулась на север, к Мелену, городу, находившемуся примерно посередине между Монтро и Парижем. Здесь задача была намного сложнее, поскольку город занимал хорошее положение для обороны: цитадель находилась на острове среди Сены, а гарнизоном командовал решительный гасконец Арно де Барбазан. Осада затянулась, англичане пытались обстреливать стены, а когда это не помогло, решили привлечь саперов. Французы ответили тем же, и под землей при свете фонарей разыгрывались ожесточенные схватки, однако защитники держались, пока наконец в ноябре у них не кончилась еда, в городе не осталось ни собак, ни кошек, ни крыс, и Мелен сдался. Генрих решил повесить де Барбазана, поскольку тот, как гасконец, был вдвойне предателем: он предал Генриха как короля Англии и властителя Аквитании, а теперь и короля Франции, однако пронырливый солдат избежал смерти. Он процитировал рыцарский кодекс, который гласил, что, если человек бьется с королем, они равны. Барбазан утверждал, что бился с Генрихом в одной из потасовок в туннеле. У шотландских солдат из гарнизона Мелена подобных оправданий не нашлось. Их король Яков I, бывший узником в Тауэре, официально считался гостем и союзником Генриха, а посему шотландцы, воевавшие против Англии, являлись предателями.

В сентябре 1420 года Генрих торжественно въехал в Париж. Горожане, возможно, не любили англичан, но если в стране наступят наконец мир и стабильность, можно и поприветствовать традиционного врага. Рождество 1420 года Генрих провел в Лувре, после чего оставил в Париже гарнизон, которому надлежало подавлять любые реваншистские настроения, и вместе с Екатериной отправился в Англию. Архиепископ Кентерберийский короновал Екатерину. Целью церемонии отчасти являлось желание показать людям новую королеву, а отчасти сбор новых налогов для продолжения войны. Денег, собранных в Нормандии и Франции, было недостаточно. Представители высшей аристократии и лучники

неплохо нагрели руки на войне, а вот в английской казне дела обстояли не лучшим образом. Парламент поворчал, но выдать необходимую субсидию согласился.

Между тем из Франции пришло известие о первом за многие годы поражении англичан, которое произошло 22 марта 1421 года в битве при Боже. Брат короля герцог Кларенс проводил операцию на реке Луаре, намеревался захватить Анжер, но обнаружил, что город слишком силен. В войске Кларенса было около полутора тысяч пехоты и 4500 лучников, они отошли к Бофор-ан-Вале, что к восьми милям к северо-востоку от Бофора. Хронисты невнятно сообщают о том, что произошло, но, похоже, Кларенс пренебрег советом старших командиров, забыл все, чему научились англичане за десятилетия кампаний во Франции, и, вместо того чтобы выждать, пока лучники вернутся после поисков продовольствия, отправился с пехотой числом около 800 человек на вылазку, надеясь застать французов врасплох. Он поднялся на холм по болотистой местности и оказался лицом к лицу с крупной группировкой. Результат был предсказуемым: герцог вынужден был ретироваться к речке Куэнон, и там его атаковали шотландцы под командованием графа Бьюкена. Кларенс был убит, погибли и несколько его офицеров, включая сэра Гилберта д'Умфравилля, который отговаривал герцога от этой вылазки; другие англичане угодили в плен. Только прибытие лучников под командой графа Солсбери не позволило стычке превратиться в побоище. Тело Кларенса удалось вывезти в Англию. Его гробница находится сейчас в Кентерберийском соборе, неподалеку от могилы его отца Генриха IV. Кларенс, должно быть, понимал, что совершает невероятную глупость, но, в отличие от своих братьев, не был при Азенкуре, а утомительные осады его не привлекали. Возможно, Кларенс подумал, что ему выпал шанс прославиться в реальной битве и одно лишь его появление на поле боя напугает и дезорганизует французов, он одержит легкую победу даже против превосходящего по численности войска противника. Если бы вражеская группировка состояла только из французов, то, вероятно, так бы и произошло, но шотландцы, опытные наемники, многому научились от англичан и были готовы к бою. Результат битвы воодушевил дофина и его окружение, но никаких практических выводов они не сделали. А Жан Бретонский вдруг осознал собственное положение и, несмотря на долг английскому оружию – без него он вряд ли стал герцогом, – начал подумывать о том, чтобы перейти на другую сторону.

В июне 1421 года король Генрих вернулся во Францию с шеститысячным войском. Он взял город Дре, в сорока милях к западу от Парижа, пошел на юг, взял Вандом и двинулся на восток, к Божанси. Захватив эти города, он задумался об Орлеане, но решил, что осада этого отлично укрепленного города с сильным гарнизоном, сформированным из арманьяков, займет слишком много времени, обошел его и направился к северу. В октябре 1421 года он осадил Мо, в восемнадцати милях к востоку от Парижа. Генрих надеялся, что возьмет город до наступления зимы. Увы, этого не случилось, и, поскольку погода становилась все дождливее и холоднее, в армии вспыхнула дизентерия и появились случаи оспы. Заболел и сам король, так что пришлось вызвать из Англии врачей. Вроде бы дело пошло на поправку, и осада продолжилась, единственной хорошей новостью стало известие о рождении 6 декабря в Виндзоре сына у королевы Екатерины. Рождество Генрих провел в Париже вместе с помирившимися супругами – Карлом VI и Изабеллой, – после чего вернулся к армии. 9 марта 1422 года гарнизон Мо удалился в хорошо защищенное место в окрестностях города, где и продержался вплоть до мая. Генрих не сдержался и приказал обезглавить начальника гарнизона, мертвое тело повесили вверх ногами.

Английская армия откликнулась на зов о помощи, а попросил о ней бургиньонский город Кон, расположенный в 112 милях к югу от Луары: его осаждали арманьяки. Неожиданно Генрих почувствовал, что не может ехать верхом. У короля поднялась температура, Генриха положили на носилки и перевезли в замок в Венсене. Самые лучшие медицинские умы Англии и Франции не могли ничего поделать. Даже в полубессознательном состоянии король понимал, что конец близок. Он призвал совет и рассказал, как теперь следует управлять двумя королевствами и как нужно воспитать его маленького сына. Генрих скончался 31 августа 1422 года. Величайшего англичанина из тех,

что рождала наша страна (таково, по крайней мере, мнение автора этой книги), не стало. Ему было всего тридцать четыре года.

На смертном одре Генрих V назначил своего тридцатитрехлетнего брата Джона Ланкастера, герцога Бедфорда, регентом Франции и опекуном своего восьмимесячного сына Генриха VI, а младшего брата, тридцатидвухлетнего Хамфри, герцога Глостера, – регентом Англии. Поначалу все шло хорошо, и когда два месяца спустя скончался Карл VI Валуа, казалось, что можно легко осуществить переход власти во Франции к Генриху VI Английскому и назвать малыша Генрихом II Французским. Младенец и в самом деле получил такое имя. Англо-бургундская армия продолжала поход на юг, а на дофина, двор которого перемещался между Пуатье, Шиноном и Бурже, никто не обращал внимания, даже его сторонники. Бедфорд был не только опытным солдатом, но и отличным администратором и понимал необходимость того, что в более поздние времена назвали завоеванием умов и душ. После того как он очистил французский государственный аппарат от сторонников герцога Орлеанского, служащие были настроены к нему лояльно, и, несмотря на условия договора в Труа, Нормандия по-прежнему считалась автономной территорией. В военном отношении Бедфорду умело помогали Томас Монтегю, четвертый граф Солсбери, и его заместитель Ричард де Бошан, тринадцатый граф Уорик. Отец Солсбери в 1399 году был втянут в заговор против Генриха IV, и его растерзала толпа, но Томас неоднократно доказывал свою верность Ланкастерам; он был экспертом в артиллерии, по слухам, являлся любимым полководцем Генриха V. Графа Уорика воспитали сторонником короля Ричарда, но когда Ричард II выступил против семьи, спасло их только восшествие на престол Генриха Болингброка. Уорик принимал участие в большинстве ланкастерских войн и совершил паломничество в Иерусалим. Эти два сорокалетних человека управляли операциями по покорению Франции. Они взяли к себе очень компетентных командиров, которые, не отличаясь голубой кровью, добились высокого положения на поле боя. Война всем пошла впрок, многие невероятно разбогатели, многие обрели французские титулы и земли, которыми в целом управляли хорошо и справедливо.

В это благодатное время вся Нормандия, долина Сены, Иль-де-Франс (Париж и его окрестности), Пикардия, большая часть Мена и Анжу, Аквитания, Кале и его окрестности, а также часть Шампани находились под властью Англии. Но как бы чудесно все ни было – а Бедфорд старался как мог, – проблемы тоже имелись. Английский парламент с неохотой выделял деньги на войну, и налоги в английской Франции, особенно в Нормандии, сильно возросли. Был введен налог на продажи, на очаг (муниципальный налог), *pattis* (дорожные сборы), без конца рос налог на алкоголь. Кроме официальных налогов, людей грабили наемники, разбойники, «вольные роты» и неофициальные группировки, отделившиеся из английских гарнизонов. Поначалу крестьяне испытывали благодарность к англичанам и думали, что их победа принесет мир и стабильность, но теперь начали возмущаться. Тем не менее в 1424 году Бедфорд решил начать кампанию по усмирению остальной территории Мена и Анжу, а затем двинуться к Бурже и навсегда покончить с войной. Не успел он начать эту операцию, как пришлось отвлечься на Верней, контролируемый англичанами город, находившийся в шестидесяти милях к западу от Парижа, на границе с Нормандией. Шотландцы уговорили город сдаться без борьбы, заверив начальника гарнизона в том, что якобы произошла битва и английская армия потерпела крупное поражение⁹⁷. Бедфорд тотчас пошел к городу вместе с армией, состоявшей из полутора тысяч пехотинцев и четырех с половиной тысяч лучников. Явившись к Вернею, он встал в привычную боевую позицию и сам возглавил правую баталию, состоявшую из спешившихся конников. Солсбери встал слева, лучники, как и всегда, заняли фланги, а резерв с конными лучниками держался позади. Затем Бедфорд стал ждать французов – их войско было в два раза больше его армии и состояло из шотландской и французской пехоты, итальянских наемников-кавалеристов и

---

⁹⁷ Шотландцы подошли к крепостным стенам, приведя с собой большое количество английских пленников, привязанных к хвостам лошадей. На самом деле это были англоязычные шотландцы.

арбалетчиков.

Шотландцы были слишком осторожны – не стали атаковать английское войско, пусть и небольшое, так что с рассвета и до полудня две армии просто смотрели друг на друга. Наконец Бедфорд отдал приказ – двигаться вперед шагом. Армии сошлись. Поначалу казалось, что шотландцы выигрывают: их конница обошла с фланга лучников и напала на обоз; часть лучников Солсбери побежала, однако сказались опыт и действия командиров: Солсбери развернул свою баталию и атаковал шотландцев с фланга. Ход боя склонился в пользу англичан, шотландцы отступили, и началась резня. Англичане привыкли сражаться с французами, и действовали не задумываясь, но сейчас их атаковали шотландцы, а это совсем другое дело: многие англичане по-настоящему ненавидели своих северных соседей. Несколько человек было взято в плен, количество убитых французов и шотландцев составило около двух тысяч. После битвы капитана лучников по имени Янг повесили, поскольку в тот момент, когда их окружила итальянская кавалерия, он запаниковал и бросился бежать вместе со своими людьми.

События в Англии стали отвлекать Бедфорда от запланированной кампании. Брат Бедфорда Хамфри сошелся с Жаклин, графиней Эно, проживавшей отдельно от своего весьма неприятного супруга. Вместе с вооруженной группировкой Хамфри отправился во Фландрию защищать права графини, но экспедиция закончилась провалом. Возможно, это и не имело бы большого значения, если бы не разозлило герцога Бургундского, поскольку тот сам имел виды на Фландрию. Бедфорду пришлось вернуться в Англию, серьезно поговорить с братом и употребить все свои дипломатические таланты, дабы сохранить союз. Достигнуть этого было трудно, поскольку герцог Бургундский увлекся молодой женой Солсбери, внучкой Джеффри Чосера. Вернувшись во Францию, Бедфорд принялся методично захватывать города арманьяков на Луаре. Происходило это не без отступлений, были и поражения, нанесенное герцогом Бургундским, потеря и отвоевание Понторсона в 1426 году; на следующий год случился мятеж в Мене, вызвали его чрезмерные налоги и высокомерное поведение англичан. К 1428 году все успокоилось, и можно было приступить к главной цели. К середине августа объединенная англо-бургундская армия под командованием Солсбери захватила сорок городов и крепостей и подошла к Орлеану – жемчужине Луары. Армия осадила город, взятие которого обеспечило бы Англии контроль над Луарой. В этом случае англичане заперли бы дофина между Аквитанией с юго-запада, Бургундией с востока и английской Францией с севера.

Затем произошел один из самых удивительных эпизодов удивительного века. Орлеанская дева, Жанна д'Арк, Жанна-дева, Орлеанская ведьма – далеко не полный перечень ее имен – сделалась мифом, легендой и персонажем французского фольклора (в 1920 году, когда после Первой мировой войны, в которой Франция оказалась на стороне победителей, страна отчаянно искала что-то, чем могла бы гордиться, и нашла это в отдаленном прошлом: Жанну д'Арк признали святой). Жанна родилась в 1412 году, она была четвертым ребенком из пяти в семье. Родители жили в деревушке Домреми (сейчас Домреми-ла-Пусель), находившейся на границах Священной Римской империи, в двадцати пяти милях к юго-западу от Нанси. Назвать девочку простой крестьянкой нельзя. Ее отец был мелким чиновником, ответственным за сбор налогов и соблюдение законов. Он был владельцем (а не арендатором) фермы и земли площадью 50 акров, на этой земле стоял большой каменный дом. Ответы Жанны на вопросы, которые ей задавали в суде, доказывают, что девушка получила какое-то образование, хотя и неясно, были ли письма написаны ею самой или она их продиктовала писцу. Все люди, которые присутствовали на допросе, спустя двадцать пять лет после смерти Жанны уверенно отвечали, что девушку воспитали в католической вере и она постоянно посещала церковь.

Примерно в двенадцатилетнем возрасте Жанна стала слышать голоса, она утверждала, что с нею говорят разные святые, а потом и сам бог. Для девочек в пубертатном возрасте не такая уж редкость испытывать смятение чувств, но Жанна была уверена в том, что и в самом деле является адресатом божественных наставлений; примерно в 1428 году она пыталась

поговорить с капитаном французского гарнизона в Вокулере Робером де Бодрикуром. После нескольких неудачных попыток Бодрикур наконец-то с нею увиделся и поверил в то, что она и в самом деле слышала голос бога и ей удастся прогнать англичан. Бодрикур дал Жанне эскорт и отправил в Шинон к дофину. Дофин тоже считал, что в словах этой девушки что-то есть, и в марте 1429 года отправил ее в Пуатье. Там Жанну проэкзаменовала группа священников, допрос длился одиннадцать дней. Жанна уверяла, что бог предложил ей идти в Орлеан, там она поможет снять блокаду. Примерно в это время она начала носить мужскую одежду, и этот факт ей вменяли в вину, но, возможно, она делала это, дабы избежать грубого приставания на дорогах. Позднее Жанна воспринимала свой наряд как солдатскую форму.

Сейчас первым нашим побуждением было бы посчитать Жанну психически неуравновешенным подростком, но вряд ли здесь все так просто. Средневековый человек, несомненно, был суеверным, но не глупым. Чтобы уверить в своих словах жесткого и циничного солдата, такого как Робер де Бодрикур или дофин (в ту пору его называли «испорченным выродком»), а также множество подозрительных священников, изначально не желавших делить ни с кем свое право на общение с Господом, понадобился бы экстраординарный дар убеждения. В наше время люди, слышащие голоса, считаются психически неуравновешенными, и их могут помещать в психиатрические лечебницы, так что, предположив, что Жанна слышала голоса (вряд ли их произносил бог), следует ответить на вопрос: была ли она сумасшедшей или же все придумала, чтобы подкрепить свои аргументы в пользу военного возрождения. В поведении Жанны имелись признаки религиозной мании, но в других отношениях она не проявляла симптомов безумия. Выходит, современные убийцы, утверждающие, что совершили убийство по наказу сверхъестественного голоса, не обязательно сумасшедшие. Должно быть, странность Жанны ограничивалась голосами, а может, и странности никакой не было, а была выдумка. Что вдохновило деревенскую девушку на возрождение Франции и патриотизма у соотечественников, спустя несколько веков сказать мы не можем, но патриоткой она, несомненно, была.

Тем временем англичане окружили Орлеан и за несколько дней выгнали французов из Ле Турель – форта, охранявшего южную сторону моста через Луару. 27 октября 1428 года, когда Солсбери с башни осматривал город, выстрелившая со стены пушка снесла ему половину лица. Солсбери промучился неделю и 3 ноября скончался. Командование перешло к Уильяму де ла Полю, графу Саффолку, еще одному олицетворению социальной мобильности в средневековой Англии. Прадед Саффолка, тоже Уильям, был всего лишь купцом, хотя и богатым, потом стал банкиром у Эдуарда III, пытавшегося вырваться из когтей итальянских ростовщиков. Саффолк действовал столь успешно, что Эдуард возвел его сына в рыцарское звание, а позже сделал первым графом Саффолком. Теперешний Уильям, подобно многим младшим сыновьям, старался сделать карьеру на военной службе и в 1415 году отправился во Францию вместе с Генрихом V. В девятнадцать лет Уильям стал четвертым графом, поскольку отца его, второго графа, убили в Арфлере (Уильям и сам был ранен в том сражении), а старшего брата убили при Азенкуре. Саффолк был отличным и опытным командиром, хотя и не достиг тех высот и той репутации, какая имелаась у Солсбери, на вдове которого в 1450 году он женился. Саффолк состоял во властных структурах при Генрихе VI, когда дела у англичан во Франции обстояли неважно, а в 1450 году его судили как предателя и обезглавили.

Осада затянулась, настала зима, провизия заканчивалась и у защитников города, и у осаждающих, когда 12 февраля 1429 года на английский конвой, состоявший из 1500 человек, под командой сорокавосемилетнего сэра Джона Фастолфа, напала франко-шотландская группировка, насчитывавшая от четырех до пяти тысяч солдат⁹⁸. Этот эпизод

---

⁹⁸ Фастолф стал прообразом шекспировского Фальстафа. Фастолф родился в мелкопоместной дворянской семье в Норфолке и сделал карьеру на военной службе, таким успехам он был обязан только себе, а его женитьба на богатой женщине тут ни при чем.

назвали битвой селедок, поскольку конвой вез армии постную провизию⁹⁹. Сэр Джон приказал поставить повозки в круг и поместить солдат в центр. Лучники срывала одну атаку противника за другой, и французов в итоге отогнали. Эта стычка снова продемонстрировала неразумность нападения на английскую армию, в которой лучники занимали выгодную оборонительную позицию.

Обоз Фастолфа позволил Саффолку укрепить кордон возле Орлеана, но вскоре это преимущество сошло на нет. Герцог Бургундский поссорился с Бедфордом из-за контроля над городом, демонстративно прекратил осаду и ушел вместе со своими людьми. Саффолку удалось обезопасить западную и южную стороны, а восточную он контролировал нерегулярно. 22 марта 1429 года в английский лагерь пришло письмо, подписанное Жанной:

«Король и владыка Англии и вы, герцог Бедфордский, называющий себя наместником сказанного короля, склонитесь пред волей Владыки Небес, отдайте Деве, посланнице Бога, Владыки Небесного, ключи от всех добрых городов, занятых вами и силой отторгнутых от Франции».

Поскольку никто не понимал, что это за Дева, письмо проигнорировали, хотя копии этого документа сохранились. 29 апреля Жанна сама явилась в Орлеан, вероятно, с конвоем судов, привезшим припасы (англичане его проморгали – не перегородили цепями Луару), припасы выгрузили на северном берегу и внесли через Бургундские ворота, не охранявшиеся англичанами. Жанне, похоже, не составило труда убедить начальника гарнизона, незаконнорожденного сына убитого герцога Орлеанского¹⁰⁰, что она явилась в ответ на его молитвы. Жанна была одета в доспехи и держала в руке штандарт, благословленный 4 мая в церкви Святого Спасителя в Блуа. 4 мая она вместе с французами совершила вылазку в форт Сен-Луп на северном берегу Луары в двух милях от Орлеана. В форте никого не было, и французы сочли это волей господ. В четверг, 5 мая, был праздник Вознесения, день, когда христианам не положено воевать, однако 6 мая французы, подгоняемые Жанной, вышли из Бургундских ворот, переправились через реку и атаковали форт Святого Жана на южном берегу реки и форт Августин к югу от моста. Затем они совершили нападение на Ле Турель и на следующий день его захватили. Во время боя Жанна была ранена стрелой в плечо (голоса святых предсказывали это ранение), однако она перешла через мост и вступила в город. На следующий день, 8 мая, англичане отступили, и осада Орлеана окончилась. Французы были уверены и до сих пор верят в то, что это заслуга Девы.

Разумеется, это неправда. Англичане отступили, потому что захотели откусить больше, чем могли проглотить. У них заканчивалась провизия, их покинул контингент герцога Бургундского, деньги и подкрепление из Англии поступали слишком медленно, а Бедфорду армия требовалась в других местах. Предположить, что Жанна была командиром, спланировавшим передвижение войск, что повела солдат за собой, как о том говорят некоторые историки (в основном французские, но есть и несколько англичан), просто немыслимо. Возможно, она и в самом деле была прирожденным лидером, но военное дело требует тренировки и практики, так что поверить невозможно, что дочь фермера, как бы ни была она умна, без всякого военного опыта способна направлять действия большого войска. Не Жанна д'Арк выгнала англичан из Франции, а деньги, население, плохие союзники и домашние политические дрызги. Впрочем, бесспорно и то, что Жанна вдохновила французов, привыкших к тому, что их побивает маленькая, но профессиональная английская армия. Во Франции все равно произошло бы возрождение, поскольку сторонники дофина перестали сражаться друг с другом, стали собирать деньги на войну, а Франция Валуа было

---

⁹⁹ В соответствии с папскими буллами тринадцатого века христиане должны были воздерживаться от поедания мяса по пятницам и на протяжении всего поста, поэтому обоз вез селедку. Второй Ватиканский собор 1962–1965 гг. сделал послабление и лишь рекомендовал, а не приказывал, воздерживаться от мяса по пятницам, а солдатам в современной британской армии (вероятно, и в других армиях тоже) не возбраняется мясная пища во время боевых действий.

¹⁰⁰ Законный сын, герцог, должно быть, сочинял стихи в лондонском Тауэре.

неизмеримо богаче английской Франции.

Страстный сторонник Жанны герцог Алансон возглавил французскую армию и принялся возвращать города, захваченные англичанами на берегах Луары. 18 июня 1429 года 2000 лучников под командой сорокадвухлетнего первого графа Шрусбери Джона Талбота (еще один младший сын сделал себе имя в качестве профессионального солдата) и тысячное ополчение парижан, находившихся на службе у англичан с сэром Джоном Фастолфом во главе, застали врасплох у Патэ. Атаковала их семитысячная армия арманьяков. Талбот построил лучников, но французы ударили им во фланг. Парижское ополчение дрогнуло и бежало. Талбота взяли в плен, и только Фастолфу удалось уйти вместе с небольшим отрядом лучников. Англичане потерпели поражение, а слава досталась Жанне, хотя виной всему была излишняя самоуверенность Талбота. Французы уверились в том, что бог, так долго благоволивший англичанам, поменял свое благорасположение.

Безумный Карл VI умер в 1422 году, и Жанна предложила дофину короноваться в Реймсе, традиционном месте коронации французских королей; для этого надо было осторожно обойти английские группировки и гарнизоны. Несмотря на то что большинство необходимых регалий находилось в Париже, дофин послушался, и в июле 1429 года архиепископ Реймса короновал его как Карла VII. В военном отношении это событие не имело никакого значения, зато сформировало мощный пропагандистский заряд и убедило герцога Бургундского подписать перемирие с французами. Когда по побуждению Жанны армия арманьяков двинулась на Париж, многие города открыли ей свои ворота, и французы дошли до Сен-Дени, прежде чем Бедфорд их отогнал. Карл приказал армии разойтись на зимние каникулы. Жанна пришла в бешенство и постоянно требовала возобновления войны. Ей удалось уговорить некоторых офицеров Алансона сопровождать ее, в результате было захвачено несколько мелких городов, правда, потом их снова отвоевали.

Польза от Жанны, однако, себя исчерпала. Она сумела вдохновить французов на великие дела, армия дошла до Реймса, дофин был коронован, французские солдаты подступили к Парижу с ее именем на устах. Но теперь Жанна все больше и больше смущала, а потому ее все чаще не приглашали на заседания и игнорировали боговдохновенные советы. Когда, несмотря на перемирие, бургундское войско в мае 1430 года осадило Компьень, Жанну во время неудачной французской вылазки захватили в плен. Есть предположение, что французский начальник гарнизона Компьени специально закрыл перед ней ворота, позволив тем самым схватить.

Жанну перевозили из одной бургиньонской тюрьмы в другую. Она делала несколько попыток сбежать, но англичане выкупили ее за 10 000 франков (1600 фунтов) и отправили на суд в Руан, сердце английской Нормандии. Англичанам пришлось уничтожить репутацию Жанны. Хотя большинство англичан верило, что она ведьма, судили ее не за это, а за куда более серьезное преступление – ересь. Если к колдовству в Англии и во Франции относились довольно терпимо, то за ересь приговаривали к смерти через сожжение. Необходимо было доказать вину Жанны, требовалось назвать еретиком и Карла VII, и надо было, чтобы судили Жанну французские, а не английские священники. Первое заседание перед французским епископом, доминиканским монахом и несколькими богословами открылось в январе 1431 года, а закончился процесс 24 мая. Жанна хорошо держалась, старалась не подвести Карла VII, отказывалась передавать содержание их разговоров, а когда ей задавали трудные вопросы, ссылаясь на волю бога. Она отрицала все обвинения, но под конец подписала опровержение того, что якобы слышит голоса, и согласилась не надевать более мужскую одежду. К ярости англичан, ей не вынесли смертный приговор, а осудили на пожизненное заключение. Через четыре дня англичане потребовали, чтобы суд принял во внимание, что Жанна снова остригла себе волосы и надела мужскую одежду; в результате 30 мая 1431 года ее сожгли на площади Старого рынка в Руане. Последнее пророчество Жанны (возможно, его кто-то придумал потом) состояло в том, что через семь лет англичане потеряют куда больше, чем Руан, и их выставят из Франции.

После того как ведьму сожгли, а Валуа возродились, англичанам надо было что-то делать, чтобы вернуть престиж и убедить всех, что Бедфорд – законный регент законного короля. В декабре того же 1431 года в соборе Нотр-Дам в Париже английский епископ короновал десятилетнего английского короля Генриха VI королем Генрихом II Французским. От внимания народа не укрылось, что коронацию проводил англичанин и что ритуал происходил не в Реймсе. В военном отношении все зашло в тупик, и стороны возобновили переговоры, за которыми наблюдали представители папы (по случаю окончания схизмы тот находился в Риме). В 1435 году заинтересованные стороны встретились в Аррасе, и началось перетягивание каната. Встреча затянулась на недели, ни одна сторона не хотела уступать, единственным значимым моментом стало то, что герцог Бургундский официально вышел из договора в Труа и отказался служить Генриху как королю Франции. Англичане расценили это как предательство – а как же еще можно было к этому отнестись? Отныне герцог Бургундский мог либо соблюдать нейтралитет, либо выступать на стороне французов. Отношения герцога с Бедфордом вот уже несколько лет были непростыми, еще больше они разладились после того, как скончалась бездетная жена Бедфорда, приходившаяся сестрой герцогу; к тому же Бедфорд слишком быстро повторно женился. Не исключено, что герцог обратил внимание на прекращение междоусобицы во Франции, а маленькая и не такая богатая Англия уже не могла удерживать французские просторы, на которые претендовала.

Переговоры прекратились, кампания продолжилась, и в 1435 году французам удалось отвоевать Арфлер и Дьеш. Потеря Арфлера была особенно ошутимой: отныне французские корабли могли свободно ходить к Руану и обратно. Потеря Парижа в следующем году стала пропагандистским ударом, поскольку лила воду на мельницу тех, кто поверил пророчеству Жанны д'Арк, сделанному пять лет назад. Гораздо большим ударом, чем потеря Арфлера, стала смерть герцога Бедфорда, скончавшегося в Руане 14 сентября 1435 года в возрасте сорока шести лет. Мы не знаем причин его смерти: хроника Брута просто свидетельствует, что герцог заболел. Впрочем, Бедфорд так вымотался за эти годы, что мог стать жертвой любой болезни. С Бедфордом ушла и последняя надежда на удержание английской Франции: прирожденный дипломат, весьма популярный, особенно в Нормандии, он понимал и уважал французскую культуру и был мудрым стратегом, умевшим поддерживать цивилизованные отношения с большинством партий, включая и фракции противника.

Впрочем, будь Бедфорд жив, проблемы англичан никуда бы не делись: их воинские силы были очень растянуты, требовалось охранять границу с Францией Валуа, протянувшуюся на 350 миль к югу от Луары и на 170 миль вдоль восточной границы с Аквитанией. Английских солдат было недостаточно, а без союзников и без средств, которыми можно было расплачиваться с наемниками для обеспечения безопасности приграничных городов, войну было не выиграть. Одно дело – мобильные английские экспедиционные отряды, разыскивающие французские группировки и побеждающие их, и другое – удержание захваченных территорий. Переговоры 1439 года провалились, на сей раз речь шла о положении английских поселенцев в Нормандии: Англия не желала отдавать их земли прежним владельцам. В 1441 году сдалась последняя английская крепость в Иль-де-Франс – Понтуаэ, в двадцати милях к северо-западу от Парижа. В 1444 году стороны согласились на перемирие, и состоялось бракосочетание короля Англии и Франции (Генриха VI и Генриха II) с четырнадцатилетней Маргаритой Анжуйской, чья тетка была женой Карла VII. Как выяснилось, характер у нее был намного тверже, чем у мужа, павшего жертвой безумия Валуа, унаследованного от матери, но даже и теперь Генрих больше, чем его великий отец, склонялся к миру, почти любой ценой.

С самого детства Генрих VI был под контролем своих дядюшек, но, взрослея, стал забирать все больше власти, как и следовало. Мудрый король, однако, должен советоваться с великими людьми королевства и пусть даже не всегда следовать советам, но по крайней мере выслушивать. Беда в том, что Генрих был добрым, милосердным, набожным и воздержанным; ненавидел кровопролитие и очень редко соглашался на казни; часто прощал преступников – от убийц до карманников; отчаянно хотел мира с Францией и готов был для

этого пойти на что угодно. Все эти душевные свойства прекрасны у деревенского священника, но не у короля. При английском дворе не стихали междоусобицы, соперничающие группировки боролись за власть, король делал неуклюжие попытки решить все миром, а французженка-жена науськивала придворных друг на друга. Все это оказывало влияние на войну.

Однажды в разговоре, еще до женитьбы Генриха VI, Саффолк, ставший герцогом и главным переговорщиком, пообещал Карлу VII вернуть Мен, с согласия Генриха, но не поставил о том в известность советников короля. В результате оказалось, что правительство короля придерживалось одной политики – власти над всей Францией, а король – другой. Когда эта новость вышла наружу, лондонцы пришли в бешенство, они осуждали Саффолка, и, конечно же, возник прецедент: если англичане без борьбы сдадут Мен, то что будет с другими территориями? Прошло три года, прежде чем французы получили Мен, поскольку английские гарнизоны держались, не обращая внимания на то, что, возможно, пообещал король, но потом они все-таки вынуждены были сдаться. Предполагали, что по крайней мере Нормандия в безопасности: ее население было лояльно своему герцогу и королю Англии, да и целое поколение выросло, зная только английских правителей. Военный гарнизон, однако, был крошечным, и он стал еще меньше: долгие задержки выплат солдатам влекли за собой дезертирство. Когда летом 1449 года Карл VII послал армию в Нормандию, ему не составило труда быстро захватить города и поселки, включая Руан. Там французы взяли в плен Талбота (в 1429 году в Патэ его тоже брали в плен, но в 1433 году обменяли на французского аристократа). Из последних сил держался только полуостров Котантен.

Военное возрождение Франции стало для Англии неприятным сюрпризом. В конце концов Карл VII решил стать настоящим королем, убрал некомпетентных и продажных чиновников и заменил их суровыми счетоводами, способными поднять налоги, которые до той поры собрать не удавалось. На эти деньги он создал новую профессиональную армию. Французы стали постигать уроки поражения от англичан: вместо того чтобы идти на войну с армией аристократов, ведущих за собой «всякий сброд», Карл сформировал батальоны тяжеловооруженных пехотинцев, лучников, арбалетчиков и легкой пехоты. Эти отряды уже не распускали в конце каждой кампании, а оставляли в боевой готовности. В придачу король потратился на усовершенствование и увеличение артиллерии. Маленьким группировкам английских профессионалов теперь становилось не так легко побить крупное французское войско, эра тотального военного превосходства англичан подходила к концу. Английские солдаты были все еще лучше подготовлены, лучше экипированы, и командиры у них были опытнее, но различие между ними и французами сокращалось.

Для исправления ситуации в Нормандии необходимо было что-то сделать, и в октябре 1449 года сэру Томасу Кириеллу приказали сформировать в Портсмуте армию и отплыть вместе с нею во Францию. Кириелл, пятидесятилетный уроженец Кента, рыцарь Подвязки и баннерет, начал военную карьеру под командованием сэра Гилберта д'Умфравилля, Кириелл отличился в боях и удостоился возведения в дворянское достоинство. В способностях его как солдата и командира никто не сомневался, однако над ним всегда висело некое облако. Его подозревали в коррупции и незаконном присвоении солдатских денег, впрочем, до сих пор никто этого не доказал. Поведение Кириелла также оставляло желать лучшего: в Портсмуте он позволял солдатам всякие безумства – они даже убили епископа Чичестера, который нес причитавшееся им жалованье. На восстановление дисциплины потребовалось время, в результате Кириелл прибыл в Шербур вместе с войском, состоявшим из 1500 лучников и 500 пехотинцев, только в середине марта 1450 года. Вместо того чтобы сразу пойти в Байе, как ему приказали, Кириелл решил осадить Валонь, город небольшого стратегического значения, находившийся в десяти милях к юго-востоку от Шербура. Единственным возможным оправданием такого нарушения приказа было то, что гарнизон Валони мог отрезать Кириелла от дороги, по которой с моря должны были доставить продовольствие. Задержка позволила французам привести дополнительные силы, так что когда Кириелл наконец-то пошел к Байе вместе с лучниками из гарнизона Котантена,

он обнаружил французскую армию примерно такого же размера под командованием графа Клермона, и французы шли ему навстречу. Кириелл сделал все, что мог. Он построил пехоту вдоль холма возле деревни Форминьи, в десяти милях к северо-западу от Байе. Там был ручей, защищавший войско Кириелла с тыла. Лучников он поставил на флангах, часть встала в центре, Кириелл приказал им вбить в землю колья и вырыть ямы в качестве защиты от конницы. Это была классическая английская позиция, и Кириелл стал ждать атаки, уверенный в том, что сможет отразить нападение.

Клермон не стал атаковать англичан, а вместо этого притащил две легкие пушки, с помощью которых намеревался убрать лучников. Орудия открыли огонь, и лучникам пришлось оставить свои позиции, но только для того, чтобы захватить пушки и перетащить их к себе. Теперь у них было время на то, чтобы лучники устроили обычный стрелковый штурм, однако Кириелл ничего не предпринял – возможно, он был слишком самоуверен, – и французы этим воспользовались. Из Сен-Ло прибыл коннетабль Франции Ришмон вместе с отрядом в 1200 человек и немедленно бросился на лучников с юга. С врагом впереди и слева Кириелл мог только поставить своих людей в полукруг и надеяться на лучшее. Войска сошлись, закипела рукопашная. Стала сказываться неравная численность армий, англичан оттеснили к ручью, и началось смертоубийство. Кириелл был взят в плен, многие его солдаты погибли, и лишь горстке удалось уйти в Байе. Это было первое крупное поражение англичан почти за сорок лет. В июне того же года пал Кан, в июле за ним последовал Фалез, 12 августа 1450 года сдался Шербур, и Нормандия, за исключением нескольких островов, стала французской. Освободительная армия под командованием сэра Джона Фастолфа из Англии так и не вышла.

Оставалась только Аквитания, и в конце 1450 года туда вошли французы. Первоначально люди оказывали сопротивление: с двенадцатого века Аквитания была английской, и большинство жителей не хотели ничего менять, но в отсутствие крупной английской армии гарнизоны стали сдаваться. На следующий год Аквитанию атаковала еще одна французская армия, и 30 июня 1451 года пал Бордо, 20 августа за ним последовала Байонна. Этому поспособствовали новая артиллерийская тактика французов и ограбление мелкого дворянства. В Англии между тем начались беспорядки. Магнаты враждовали друг с другом и со слабым королем; в Кенте случилось восстание, которое возглавил Джек Кейд. Событие это было куда серьезнее так называемой «крестьянской революции» 1381 года. Восстание подавили, но денег в королевстве было мало, все обвиняли друг друга за события во Франции, иногда споры заканчивались насилием. Единственным человеком с незапятнанной репутацией, человеком, который мог исправить ситуацию, был Джон Талбот, граф Шрусбери. Несмотря на свои 66 лет, Талбот все еще был силен, недавно его за выкуп освободили из французского плена. В сентябре 1452 года ему приказали возглавить армию и идти в Аквитанию восстанавливать английское правление.

17 октября 1452 года Талбот высадился в устье Жиронды вместе с армией, насчитывавшей примерно 2500 человек, и пошел к Бордо. Горожане устроили мятеж, изгнали французский гарнизон и открыли англичанам ворота. Восстание распространялось, люди протестовали против притеснений французов и против налогов. Поначалу казалось, что статус-кво будет восстановлен. К Талботу прибыло подкрепление, поднялись и гасконцы. Но Карл VII всю зиму готовил новую армию и весной 1453 года отправил ее в Аквитанию. 17 июля 1453 года Талбот пришел на помощь городу Кастийон с войском численностью 8000 человек и напал на французский артиллерийский редут. Противник вырыл глубокий ров, позади на берегу стояли пушки, вроде бы и небольшие, но стволы у них были отлиты из бронзы, а у некоторых даже из железа.

Последнее новшество – более надежный порох – позволяло добиться гораздо большей начальной скорости, чем было доступно до сих пор. К тому же пушки могли вести перекрестный огонь, и результат был убийственным – на очень близком расстоянии они обрушили на англичан град каменных и железных ядер. Даже и в этом случае схватка длилась почти час, люди Талбота отчаянно старались перебраться через ров, взобраться на

берег и заставить пушки замолчать, но неожиданно явилась бретонская группировка – около восьмисот пехотинцев, они атаковали правый фланг Талбота, и поражение англичан стало лишь делом времени. Талбот был легкой мишенью – верхом сидел он один, и на нем не было доспехов (одно из условий, по которым его выпустили из плена). Пушечное ядро свалило его коня, и французский пехотинец зарубил Талбота топором. В этом бою погибло много англичан, французы преследовали их тридцать миль до Сент-Эмильона. Хотя никто на тот момент не мог предсказать этого, но так завершилось последнее сражение Столетней войны. В Англии, раздираемой междоусобицами, не было войск, которые можно было послать во Францию, 10 октября 1453 года сдался Бордо. Оставался лишь Кале, великому приключению пришел конец.

Эпилог

Никто в Англии не думал, что отступление 1453 года положило конец борьбе за возвращение английской Франции. У французов были большие проблемы по обузданию Аквитании, в 1475 году Эдуард IV отправился с армией во Францию, однако позволил подкупить себя Людовику XI. В 1450-х годах Генрих VI то и дело впадал в безумие, а когда приходил в себя, управлял страной слабо и неэффективно, а народ расходовал воинственность во внутренних конфликтах. Английские армии, закаленные боями во Франции, уничтожали друг друга в гражданской войне, тянувшейся тридцать три года. Династические сражения за трон между потомками Лайонела Антверпенского и потомками Джона Гонты, четвертого сына Эдуарда III, были разрешены в 1485 году в битве при Босуорте, когда Генрих Тюдор с очень слабым притязанием на ланкастерское наследие одержал победу и убил Ричарда III, прямого потомка Лайонела¹⁰¹. Почти триста лет спустя Вальтер Скотт назовет эту междоусобную войну Войной Розы.

Когда Тюдоры укрепили свои властные полномочия, война с Францией возобновилась. Генрих VII Английский поддерживал французских мятежников в том, что назвали «безумной войной», длившейся с 1488 по 1491 год. В 1512 году сын Генриха VII Генрих VIII послал в Аквитанию «пробную» экспедицию. Операция эта потерпела бесславное поражение, а на следующий год возле Кале высадилась армия численностью 25 000 человек. Несмотря на потрясающую победу англичан при Теруанне, из-за большого количества убитых французских рыцарей названную «битвой шпор», а также на подписанный в 1514 году мирный договор, Англия мало чего добилась, да и рейды из Кале в Пикардию в 1522–1523 годах не принесли длительного выигрыша. Заключенный в 1542 году союз с императором Священной Римской империи Карлом V привел к захвату англичанами Булони в 1544 году. Несмотря на подписанный Карлом сепаратный мир с Францией, солдаты Генриха VIII, а позднее и Эдуарда VI выдерживали повторявшиеся попытки французов отвоевать город, однако на основании мирного соглашения 1550 года Булонь вернули Франции. В 1557 году Мария Тюдор втянула Англию в войну между Францией и Испанией на стороне своего испанского мужа Филиппа II, а на следующий год хорошо спланированная атака французов на слабый гарнизон Кале лишила Англию последнего форпоста в континентальной Европе.

Столетняя война сильно изменила английское общество. Когда она только начиналась, английские дворяне считали себя европейцами, у них были земли по обе стороны канала, они говорили по-французски, перемещались через канал в обоих направлениях, женились и выходили замуж за своих, как они полагали, соплеменников, у них были один папа и одна религия. К окончанию войны они считали себя англичанами, говорили по-английски, за пределами Англии у них почти не было собственности, и с каждым годом они все подозрительнее относились к теологическим директивам из-за рубежа. Возможно, английское хулиганство за рубежом и ксенофобия внутри страны начались не со Столетней войны, однако после нее люди явно стали жестче. Война многих обогатила, но вместе с тем едва не обанкротила национальную казну. В 1452 году 25 000 солдат во главе с Талботом отправились освободить Бордо, в наши дни такая операция эквивалентна отправке 50 000 солдат экспедиционного корпуса. В 2012 году мы с огромным трудом сформировали корпус из 10 000 человек для отправки в Афганистан¹⁰².

---

¹⁰¹ Генрих Тюдор, правивший как Генрих VII, был сыном Маргарет Бофорт, правнучки Джона Гонты от его третьей жены Кэтрин Суинфорд. Единственным притязанием Генриха на наследственное право по мужской линии была женитьба его деда на королеве Екатерине Валуа, вдове Генриха V. У Ричарда III были куда более сильные основания для притязаний на престол, он был регентом малолетнего сына Эдуарда IV, так и не коронованного Эдуарда V, убитого вместе с младшим братом в Тауэре.

¹⁰² Население Англии и Уэльса в 1450 году составляло примерно 3 миллиона, сейчас – более 60 миллионов.

В военном отношении Англия добилась грандиозных успехов. Страна отказалась от старой любительской феодальной системы комплектования и создала регулярную профессиональную армию. Профессиональные армии недешевы, потому и малочисленны, однако англичане с завидным постоянством побеждали куда более крупные, но плохо организованные и недисциплинированные французские войска, поскольку действия последних были несоординированными. Но когда спустя долгие годы французы начали копировать английскую систему, сказалась огромная разница в численности населения и национальном богатстве. Опыт, накопленный в результате многолетних кампаний, позволил англичанам, а позднее и британцам, разработать методику ведения войны. Страна сделала ставку на профессионализм. В гражданской войне середины семнадцатого века и роялисты, и сторонники парламента поначалу пытались рекрутировать солдат, но это не сработало. Такой подход посчитали неприемлемым нарушением прав свободнорожденных англичан и от него отказались. В стране шли долгие дебаты, прежде чем во время Первой мировой войны правительство решилось объявить призыв, но, как только мир был подписан, от призыва тотчас отказались, и хотя во время Второй мировой войны и в течение пятнадцати лет после нее государство вновь обратилось к призыву, практику посчитали вынужденной и кратковременной. Отныне Британия посылала на войну только профессиональную армию, и большинство британских солдат с презрением смотрели, как, впрочем, и сейчас, на отбывающих повинность европейских солдат. В самом деле причиной успеха английского оружия в Столетней войне был постоянный приток молодых и зрелых офицеров, в отличие от французов, набравших на командные должности аристократов или влиятельных людей без учета их профессиональных качеств. Англия была и до сих пор остается классовым обществом, однако наша система отличалась и отличается мобильностью, люди в ней благодаря способностям могли взлететь (и упасть тоже). Очень много англичан прославили себя на поле боя, а Франция незаслуженно превознесла Дюгеклена и мифическую Жанну д'Арк.

После ухода из Франции Англия, а позднее Британия, превратилась во владычицу морей, что естественно для островного государства. В 1803 году адмирал флота Джон Джервис, граф Сент-Винсент, ответил на вопрос о возможности французского вторжения: «Я не утверждаю, что они не могут прийти, я говорю, что они не смогут прийти по морю». Это высказывание повторяли командующие Королевским морским флотом в 1914 и в 1940 годах. Главной составляющей успеха маленькой армии является использование технологий начиная от длинного лука и до штуцера Бейкера и от осадного орудия до танка. Об этом редко забывали английские, а потом и британские генералы: важным уроком Столетней войны стало то, что маленькая нация с профессиональной армией способна выигрывать сражения, но чтобы удержать победу, требуется гораздо больше людей. В последующих войнах Британия выступала только как участник коалиции¹⁰³.

Когда в 1337 году Эдуард III объявил о своих притязаниях на престол, французы были очень далеки от единения, но к концу войны почти стали единым народом. Из-за постоянных вторжений соседей жители Артуа, Бургундии, Иль-де-Франс и даже Бретани, пусть и неохотно, начали считать себя французами, провинции отказались от прежней вассальной зависимости; теперь ни у кого не осталось сомнений, что война ускорила построение нации. Война также породила ненависть к «проклятым» англичанам, разорившим их земли. В северной Франции не осталось ни одного города, который не был бы ограблен, сожжен или изуродован английскими солдатами, причем повторялось это снова и снова, а в моменты затишья налетали рутеры и отнимали добычу.

В последующие годы война с французами казалась англичанам (а потом и британцам) естественным занятием. Елизавета I посылала во Францию войска на помощь преследуемым

---

¹⁰³ Об этом уроке, похоже, забыли в последней иракской кампании. Британские войска блестяще проявили себя в военных операциях: в 2003 г. захватили второй город Саддама Хусейна – Басру, но вынуждены были позорно отступить в 2009 г., потому что для охраны границ от инфильтрации противника оказалось недостаточно войск.

гугенотам. Большую часть Тридцатилетней войны (1618–1648) Англия занималась внутренними противоречиями, приведшими к гражданской войне, но Елизавета не упускала случая уколоть французов. Одной из причин гражданской войны стало предполагаемое влияние на Карла I его жены, француженки Генриетты. Поводом для «Славной революции» 1688 года, случившейся почти немедленно вслед за участием Англии в Войне за пфальцское наследство (1688–1697), стала профранцузская политика Якова II. В Войне за испанское наследство (1701–1714) британские войска выступали под предводительством великого Джона Черчилля, герцога Мальборо, и нанесли оглушительное поражение французам и их союзникам. Нехарактерный союз с Францией во время войны Четверного альянса (1718–1720) был заключен только потому, что Испания представлялась большей угрозой, но в Войне за австрийское наследство (1741–1748) Англия была уже на другой стороне. Семилетняя война (1756–1763) принесла Британии победу над Францией в борьбе за колониальные территории, хотя поддержка Францией мятежных американских колонистов с 1775 по 1783 год стала главным фактором в создании Соединенных Штатов.

В 1793 году начался самый продолжительный период непрерывных войн в современной британской истории. Французская революция и Наполеоновские войны длились вплоть до 1815 года с двумя короткими перерывами в 1802–1803 годах, когда англичане оставили притязания на французский престол, и с апреля 1814-го по март 1815 года с кульминацией в битве при Ватерлоо в июне того же года. Все эти войны принято было называть «великой войной», пока не случилось еще большее кровопролитие, с 1914 по 1918 год. Даже в двадцатом веке мы сражались друг с другом. Королевский флот нанес ущерб французскому средиземноморскому флоту в Мерс-эль-Кебире (после этого французы безуспешно пытались бомбить Гибралтар), а в сентябре атаковал французский порт Дакар. В июне и июле 1941 года британские и индийские войска развязали кампанию против виши – французских солдат в Сирии, а с мая по ноябрь 1942 года воевали на Мадагаскаре. Британо-американская операция «Факел» развернулась в 1942 году во французской Северной Африке, защитники стойко сопротивлялись, пока не осознали беспомощность своего положения. Несмотря на теплые личные отношения, существующие между многими британскими и французскими мужчинами и женщинами, Франция, как страна, никогда нас не любила, не любит и сейчас. Это чувство взаимно, подозреваю, что британская антипатия к Европейскому союзу могла быть не столь сильной, если бы Франция не играла в нем главную роль. Несколько лет назад автор этой книги командовал британским контингентом на параде в Лиможе в день Компьенского перемирия и был приглашен на завтрак французским генералом, очаровательным и культурным человеком, у него были отличный повар и замечательный винный погребок. После того как мы вдоволь насладились чудесным кларетом и не менее прекрасным коньяком, генерал обнял меня, заглянул в глаза и сказал: «*Noubliez jamais: vous etes l'ennemi hereditaire*»¹⁰⁴.

Могло ли все быть по-другому? Возможно, если бы Генрих V не умер тогда, когда умер. Французы могли бы принять его как короля Франции вместе с французской женой. И если бы Англия не пыталась достичь столь многого, удовлетворилась Аквитанией, тогда бы эта провинция была и по закону, и в моральном отношении английской и мы стояли бы одной ногой в Европе. Не может быть никакого прощения Марии Тюдор, из-за расхлябанности которой в 1558 году мы потеряли Кале. Вероятнее, однако, что в какой-то момент верховная власть в английской Франции могла быть передана младшему сыну, и тогда короны снова бы разошлись. Случилось то, что случилось: английский ребенок-король и домашние междоусобицы после смерти Генриха V испортили аппетит к последующим европейским авантюрам, а потом стало слишком поздно, и, несмотря на то что Англия впоследствии много раз воевала с Францией, именно Англия была владычицей на море, а Франция предпочитала оставаться на суше. В заключение скажу, что Столетняя война была великим приключением, великим и праведным делом.

---

¹⁰⁴ Помните и не забывайте: вы наш наследственный враг (фр.).

Благодарности

Сотрудники Национальной портретной галереи, Британской библиотеки, Национального архива в Кью и библиотеки принца-консорта в Олдершоте готовы были в любой момент помочь в работе и находили для меня старинные книги и документы. Декан и глава Кентерберийского собора любезно позволили мне осмотреть гробницу Генриха IV, на тот момент, кроме меня, возле этого великого памятника нашего славного прошлого (а возможно, и прекрасного будущего) никого не было. Даже самые циничные люди ощущают здесь нечто возвышенное.

Оценить мою рукопись критическим взглядом соблаговолил Мэтью Беннетт. В выпуске этой книги, начиная от клавиатуры и заканчивая книжным магазином, большое участие приняли неутомимый издатель Ангус Макиннон, выпускающий редактор Бен Дюпре, а также Джеймс Найтингейл, Каролина Найт, Маргарет Сид, Лорен Фингер, Марк Хэндсли и Мартин Любиковски. Всем им выражаю свою искреннюю благодарность.